

Михаил
Черенков

**ДОМ
ДАВИДА
В ЭПОХУ
РУЦНЫ**

ДОМ ДАВИДА В ЭПОХУ РУИНЫ

© Михаил Черенков, 2020

© Mission Eurasia, 2020

В Библии немало печальных страниц, которые хотелось бы перелистнуть поскорее. Но не стоит спешить. На каждой странице, в каждом моменте истории Бог присутствует и торжествует.

Мы все хотели бы жить во время великих героев, славных событий и невиданных чудес. Но наша история — это череда кризисов. Царства рушатся одно за другим. Герои оказываются самыми обыкновенными грешниками. Народ остается неверным и продажным: молит Бога о помощи в беде, но уже день спустя возвращается к идолам и распутству.

Так было и после смерти царя Давида: его царство разделяется, его наследие приходит в упадок.

И все же дом Давида стоит. И все же Божье Царство растет.

Я очень хотел бы, чтобы этот период истории был кратким, чтобы между царством Давида и Царством Божьим был быстрый переход. Но эта история оказывается очень долгой, и мы никак не можем из нее выбраться, пока не извлечем нужные уроки и не примем свою, Богом данную роль.

На фоне Руины, на обломках царств Бог продолжает строить Свое Царство с помощью верных Ему людей. Мы можем быть в их числе.

Не так-то просто найти героев для смутного времени. После Давида не стоит ждать ничего хорошего. От царства Давида до Царства Мессии — эпоха Руины. Но насколько же велика в эти смутные времена роль верующих и верных хранителей завета!

Мы все еще здесь, между царством Давида и Царством Божьим. Мы свидетели того, как рушится все вокруг, как шатаются троны и стены. И мы свидетели того, как Бог остается верным и хранит Свой малый остаток для великого и вечного Царства.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» СОЛОМОНА

Твердое начало

До последних дней Давида его сын Соломон остается в тени. Он никак не проявляет своих амбиций. За него переживают другие: мать Вирсавия, пророк Нафан, священник Садок, военачальник Ванея. Они напоминают царю о клятве передать трон Соломону. Лишь тогда Давид начинает действовать: по его приказу Соломона сажают на царского мула, везут к Гиону и помазывают в царя над Израилем (3 Цар. 1:33–34, 38–39). Соломон не ищет царства — царство находит его.

Но как только рог елея выливается на его голову, Соломон тут же меняется. С этого момента мы видим другого Соломона. Он действует быстро и решительно, но при этом рассудительно.

Это превращение незаметного персонажа в основного героя само по себе удивительно. Это показывает, что Соломон был мудр всегда, даже до своей знаменитой молитвы-просьбы о мудрости.

Он ждал нужного времени и никак не торопил события, но он все замечал и оценивал. Он запомнил и выполнил каждое слово своего отца. Он не спешил с выводами, но и не медлил с выполнением уже принятых решений.

В самом начале он милует Адонию, но предупреждает: «Если найдется в нем лукавство, то умрет» (3 Цар. 1:52). Он не хочет ничьей смерти, но также не хочет оставить зло безнаказанным. Этому он учился у отца — милости, терпению, справедливости. И теперь, после смерти Давида, Соломон готов расплатиться с теми, кого отец миловал до поры до времени: с коварным Иоавом и злоречивым Семеем.

Соломон дает всем еще один шанс, но лишь один, последний. Адония продолжает интриги и за это умирает. Иоав участвует в этих же интригах, но наказание находит его даже в скинии. Семей нарушает «подписку о невыезде» и наказывается мечом.

Благодаря своей решительности Соломон сделал царство «очень твердым» (3 Цар. 2:12). Он быстро расплачивается по счетам отца и открывает новую страницу.

Мудрый выбор

Несмотря на то, что царствование Соломона было «очень твердо», и народ ему «весьма радовался», несмотря на выгодный династический брак с дочерью фараона и внутривосточную стабильность, царь помнил о главном завещании отца — «хранить завет Господа, ходить путями Его... чтобы быть благоразумным» (3 Цар. 2:3).

Соломон и сам «возлюбил Господа» (3 Цар. 3:3). Он не только хранил верность отцу, «ходя по уставу Давида». Он хотел знать Бога, в Которого отец верил, завет с Которым обещал царство потомкам Давида навеки.

Интересно, что главная встреча Соломона с Богом происходит во сне. Но разговор был вполне предметный и запоминающийся. Бог готов выполнить просьбу. Но разве не есть это испытанием? Разве просить Бога о чем-то не означает выразить свое сокровенное, назвать себя и Его правильными словами, поставить себя в определенное положение перед Ним, занять нужное место? Соломон проходит испытание достойно.

Он представляется Богу «малым отроком, который не знает ни выхода, ни входа» («я молод, неумел и несведущ» — РБО-2011), а также трижды называется «рабом Господним» (3 Цар. 3:7, 8, 9).

Не вспоминая о своих успехах, Соломон признается, что не знает, как управлять народом, и просит Божьей помощи в этом: «Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать,

что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» (3 Цар. 3:9)

Обычно цари думают, что управлять умеют, иначе они не были бы царями. Они мечтают о другом — о долгой жизни, победах и богатствах. Богу было благоугодно, что Соломон не просил об этом, что молодой царь просил разума, признавая тем самым свою неразумность без Бога, признавая Бога настоящим Царем.

Мудрое начало Соломона непременно принесет ему успех. Он станет знаменитым на все века как могущественный и богатый, непобедимый и славный. Но прежде всего, как мудрый.

Мудрость Соломона начиналась с обращения к Богу как Царю. Будет мудр всяк тот, кто называет себя рабом Бога, кто говорит: «Ты поставил раба Твоего» и «без Тебя не знаю как».

Иногда лидеры рождаются во сне.

Как песок морской

Царство Соломона было не только твердым и мудрым. Оно было мирным и счастливым. Сын Вирсавии чтит отца, но помнил об Урии Хеттеянине. Если рождение Соломона было связано с войной и несчастьем, несправедливостью и предательством, то жизнь Соломона должна была искупить это прошлое — ради отца и матери, ради лучшего будущего для всего народа, уставшего от дворцовых интриг и бесконечных войн.

«...Был у него мир со всеми окрестными странами. И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим» (3 Цар. 4:24–25).

В конюшнях отдыхали сорок тысяч коней для колесниц и еще двенадцать — для конницы. Однако же царство расширялось не войной. Секрет был в другом: «...дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян» (3 Цар. 4:29–30). Вот где сила.

Не в силах передать изобилие тех дней, хронист прибегает к образному выражению «как песок морской», говоря о мудрости царя. Но те же слова и о жизни народа: «Иуда и Израиль, многочисленные, как песок у моря, ели, пили и веселились» (3 Цар. 4:20).

Одно и то же выражение: при избытке мудрости появляется достаток и в казне, все начинает процветать, достается и простому люду. По крайней мере, людей не гонят на войну и не забирают последнее на нужды обороны.

Границы расширяются, богатство умножается, соседи уважают, даже издалека посмотреть и подружиться приходят. При этом царь не забывает изрекать притчи и сочинять песни. В этом, судя по всему, он также превзошел отца Давида — одних песен придумал «тысячу и пять».

Если всего так много, «как песку морского», то зачем считать? Но у царя учтены каждый конь, каждая овца, каждая песня, каждый человек...

Даже когда к нему приходят блудницы спорить о младенце, он терпеливо разбирает это дело, восстанавливая справедливость, возвращая сына настоящей матери. Настоящей матерью будет та, которая готова отдать своего сына другой, лишь бы сохранить его жизнь, лишь бы ему было хорошо. Настоящим царем будет тот, кто служит общему благу. «Я» и «мое» должны быть на последнем месте.

Его логика удивляет народ настолько, что «услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь, и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем...» (3 Цар. 3:28). «Как песок морской» — так может жить всякий народ, боящийся Бога, ищущий Его мудрости.

Увы, для Израиля это благоденствие длилось недолго. Оно было лишь тенью того счастья, которое мы все еще ожидаем в Божьем Царстве.

Вспоминая дни Соломона, мы думаем не о прошлом, но о будущем, мы говорим Царству Бога: «Гряди!»

Храм Господу

Как только Соломон укрепил царство, обеспечил мир и «покой отовсюду» (так что «не стало противника, и не стало более препон» (3 Цар. 5:4)), «начал он строить храм Господу» (3 Цар. 6:1).

Давид задумал — Соломон не забыл отцовского желания, выполнил задуманное. В обоих случаях это было связано с особым чувством благодарности Богу за дарованные покой и процветание.

Давид подумал о храме именно тогда, когда «жил в доме своем, и Господь успокоил его от всех окрестных врагов» (2 Цар. 7:1). Он посчитал, что если царь живет в «доме кедровом», то несправедливо ковчегу Божьему находиться «под шатром».

Бог не возражал против такого дара, хотя напомнил царю, что «не жил в доме... но переходил в шатре и скинии» и не просил себе «кедрового дома», но был с Давидом «везде» (2 Цар. 7:6–7, 9).

Царь очень хотел иметь рядом с домом своим дом Божий — постоянство Божьего присутствия, символ Божьей силы и личного покровительства.

Но Бог был и будет «везде». Он взял Давида «от овец», хранил его в злочлечениях, сделал могущественным царем. Но также наказывал его и обличал. Бога нельзя закрыть в храме, нельзя сделать придворным и удобным.

Бог не отказывается от наших храмов, принимает наши подарки, но остается свободным, суверенным и верховным. Он Царь царей.

Когда Соломон на четвертый год своего царствования начал строить храм, Бог напомнил ему об условии, без которого храм останется пустым: «Вот, ты строишь храм; если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим, и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я исполню на тебе слово Мое, которое Я сказал Давиду, отцу твоему, и буду жить среди сынов Израилевых, и не оставлю народа Моего, Израиля» (3 Цар. 6:12–13).

Храм без Бога — всего лишь камни и дерево. Бог живет среди нас тогда, когда мы верны Ему. Если мы не соблюдаем заповеди и отступаем от Бога, то никакие стены не смогут удержать Его

присутствия. Никто, даже царь Соломон, не мог и не сможет управлять Богом.

Храм без Бога — самое ненужное здание в городе, самая пустая трата денег, самый страшный символ неверия и неверности.

Но если мы верим и верны Богу, то Он живет прямо среди нас — и в храме из камней, и в наших простых домах, и в наших сокрушенных сердцах.

Дом Богу и свой дом

Соломон очень старался угодить Богу. Он отдавал Богу лучшее — как это оценивалось в древнем мире, как он сам понимал. «Весь храм он обложил золотом, весь храм до конца, и весь жертвенник» (3 Цар. 6:22).

Храм — это уже не скиния. Здесь изобилует золото. В скинии был жертвенник из дерева, принадлежности к нему — из меди. Теперь все золотое. Да и дерево иное — не ситтим, а роскошный кедр. И вместо Веселеила — Хирам из Тира.

Указания о скинии давал Сам Бог самому Моисею. План храма придумал царь. Мудрейший, но всего лишь царь. Храм он строил старательно — семь лет. «А свой дом Соломон строил тринадцать лет...» (3 Цар. 7:1).

Размеры храма были внушительнее, чем размеры скинии, но размеры царского дома — еще больше.

Тот, Кто сотворил вселенную, довольствовался простой скинией. Храм больше, но теснее.

То, как мы обустроиваем свое пространство, многое говорит о нашей вере. Вот Твой дом, Боже. Вот — мой. Отдельно — дочери фараоновой. Каждому свое. Но разве мой дом — не Его? Помещая Бога в храм, мы забираем у Него все остальное, мы царствуем вне храма. Как бы ни были чисты и достойны наши намерения, это не Божий замысел, это не Божественный порядок.

Бог не будет жить в золотой клетке или любом другом отдельном месте. Он хочет жить вместе с нами, Он хочет обитать в нас.

Храм без храма

Религия — не только о поклонении Богу, но также и о бесконечных попытках присвоения Бога, об использовании Его в своих, человеческих нуждах.

Религиозные места выделяются для того, чтобы определить и ограничить зоны священного.

Царь Соломон при всей своей мудрости следовал этой логике.

Всевышний, верный Своему завету с Давидом, показывал Свое присутствие в облаке. Облако — не вещь. Его не присвоить и не закрыть в храме. Но Соломон продолжал гнуть свою линию: храм — это жилище Бога, место для Его пребывания вовеки.

Священники не могут там находиться, явление славы Господней ломает порядок службы, но царь стоит на своем. «И не могли священники стоять на служении по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: “Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе вовеки”» (3 Цар. 8:11–13).

Соломон знал историю, помнил о временах Моисея, когда слава Божья наполняла скинию, но при этом ориентировался на модели соседей, посматривал на Египет и Тир.

У Моисея было иначе. Храм не стоял на месте. У Бога не было места, у Бога был путь, и Бог вел скинию и народ за Собой. «И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию; и не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее облако, и слава Господня наполняла скинию. Когда поднималось облако от скинии, тогда отправлялись в путь сыны Израилевы во все путешествие свое; если же не поднималось облако, то и они не отправлялись в путь...» (Исх. 40:34–37).

Видение Иоанна Богослова приоткрывает удивительное будущее, в котором храма не будет. «Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец» (Откр. 21:22).

В этом же мире мы все еще ищем те редкие места, где можно переживать славу Божью. Но слова Христа звучат все громче, как

пророчество и вызов: «Час наступает, когда будете поклоняться Отцу не на этой горе и не в Иерусалиме... Бог есть Дух» (Иоан. 4:21, 24).

Место встречи

Соломон хочет чувствовать Бога рядом, вблизи. Он хочет быть уверенным и спокойным. Поэтому храм Богу и царский дворец строятся рядом.

При всей мудрости Соломона, мы не видим в нем той богатой внутренней жизни, которой отличался Давид. Соломон не поет песни — он изрекает притчи. Он много знает и понимает, но не так много чувствует.

Соломон не умеет молиться, как его отец, в пустынях и пещерах. Ему нужен храм — особое место, через которое можно поддерживать связь с Богом.

Он понимает, что настоящее место Бога — «на небесах», но просит Его «быть на связи», посещать храм, слышать и видеть молящихся в нем.

В день открытия храма Соломон молится предельно откровенно: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил; но призри на молитву раба Твоего... Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь... Услышь моление раба Твоего и народа Твоего, Израиля, когда они будут молиться на месте сем; услышь на месте обитания Твоего, на небесах, услышь и помилуй» (3 Цар. 8:27–30).

Царь просит Бога снизойти к нашей человеческой слабости. Нам нужны особые места для встречи с Богом. Мы утратили способность общаться с Ним постоянно, чувствовать Его живое присутствие в каждую минуту и на каждом месте.

Храм создает атмосферу для такой встречи, вводит нас в общение. Так было для Соломона и для многих последующих ему поколений. Но с годами храм как место встречи с Богом превращался в памятник о прошлом, о великих царях и их встречах с Богом.

То же самое произошло и с христианской церковью. В лучшем случае здесь встречаются люди. Но встречи с Богом случаются все реже.

Где наше место встречи? Можем ли мы так искать Бога, чтобы

встречать Его и в храме, и в пещере, и на работе, и дома, и на войне,
и в благоденствии?

Щедрость Соломона

При Соломоне хорошо жилось всем: не только народу Израильскому, но даже чужестранцам. Отношения ценились. Заключались соглашения, соблюдался мир, процветала торговля.

Но Соломон пошел еще дальше. В своем обращении к Богу при посвящении храма он молится о «всех народах земли», чтобы они узнали имя Божье и были услышаны в своих молитвах.

Я не знаю другого царя, который был бы щедр настолько, чтобы ходатайствовать перед Богом за иноплеменников.

«Если и иноплеменник, который не от Твоего народа, Израиля, придет из земли далекой ради имени Твоего... и помолится у храма сего, услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай все, о чем будет взывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы знали имя Твое...» (3 Цар. 8:41–43).

Соломон пророчески говорит о том, что этот храм и этот народ — часть большей картины Божьей работы в этом мире, охватывающей все народы земли.

Если это не наш храм, а Божий, то возле него каждый может найти себе место, каждый может обращаться к Всевышнему и быть услышанным.

Не каждый израильтянин вмещал такую щедрость.

Соломон щедр потому, что щедр Бог, и, зная характер Бога, Соломон не может «национализировать» храм, открыть его для своих и закрыть для всех прочих.

Соломон помнит об Урии Хеттеянине, о трагедии, что разбила сердце его матери Вирсавии. Он связан личными и политическими связями со многими государствами и народами. Он мыслит глобально.

При нем Израиль становится центром мира, а центром Израиля становится храм.

Соломон хочет, чтобы все народы узнали Бога — доброго, благословляющего, щедрого.

А каков наш Бог? Насколько Он щедр? Настолько мы щедры в своих молитвах и доброте к другим? Если мы верим в щедрого Бога, то

и сами должны быть щедры.

Явился Господь во второй раз

Соломон действовал уверенно, делал все, что «желал сделать», потому что верил в завет Бога с отцом Давидом, а также видел благословения на себе. Все, что обещал Бог при первом явлении Соломону в Гаваоне, Он выполнил: дал «сердце мудрое», а с ним «богатство и славу».

Казалось бы, теперь Бог не нужен. Пусть обеспечивает все, оставаясь в стороне, не смущая царя и народ. Пусть обитает в храме и не вмешивается в дела земные.

Но совсем неожиданно Бог является вновь.

«После того, как Соломон кончил строение храма Господня, и дома царского, и все, что Соломон, желал сделать, явился Соломону Господь во второй раз» (3 Цар. 9:1–2).

Господь подтверждает завет, но напоминает об условии — ходить в чистоте сердца и в правоте, хранить уставы и законы Божьи

(3 Цар. 9:4). Иначе Бог «истребит Израиль с лица земли», а «храм отвергнет», так что «Израиль станет притчею и посмешищем для всех народов», а о храме «проходящий мимо ужаснется и свистнет» (3 Цар. 9:7–8).

Я представляю, как испугался царь. Он думал, что все под его контролем, но вдруг слышит грозные слова. Он только что достроил храм, а Бог готов его отвергнуть. Он прославился среди царей земли, но его царство может рухнуть в один миг.

Он понял, что его дети могут «оставить Господа». Он испугался этого кошмара.

А еще он понял, что при всей своей мудрости его сердце также не принадлежит Господу вполне. Бог указал Соломону на то, что он упорно не хотел видеть — склонность к измене, сползание в грех.

Как бы высоко мы ни сидели, сколь бы много богатств и мудрости ни собрали, нам всегда угрожает падение. Господь является для того, чтобы утвердить нас в послушании и предупредить об опасности. Слушаем ли мы Его предупреждения так же хорошо, как столь дорогие нам слова о защите и щедрых дарах?

Соломон проснулся в собственном дворце, вокруг были верные слуги, солнце прогнало ночные тени. Предупреждение Божье казалось всего лишь страшным сном.

Господь поставил тебя

Успехи Соломона сделали его полубогом в глазах царей. «Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью. И все цари на земле искали видеть Соломона...» (3 Цар. 10:23–24).

Но если все эти цари приходили послушать и посмотреть, то царица Савская пришла «испытать его загадками».

Гостья осталась довольной. И вот ее вывод, который звучал и как признание избранности, и как предупреждение: «Да будет благословен Господь, Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь, по вечной любви Своей к Израилю, поставил тебя царем, творить суд и правду» (3 Цар. 10:9).

Очень важно, что Соломон показал ей не только свой дом, угощения стола, «стройность» своих рабов, но и храм. Так царица поняла источник его мудрости и богатства. Чужестранка благословляет Бога Израиля и говорит очень верные слова, которые Соломону стоило слушать более внимательно: «Господь поставил тебя».

Что значит «Господь поставил тебя?»

Это значит, что ты ответственен перед Господом за суд и правду. Это значит, что ты должен заботиться о пище для стола обычных людей, а не только о яствах для собственного. Это значит, что все богатства, которые потекли рекой, и даже мудрость, известная всему миру, не тебе принадлежат.

То, что Господь поставил меня, дает мне уверенность и силу, но также внушает благоговейный страх поступить неправильно перед Царем царей. Если Бог поставил, Он же может и снять, Он же с меня спросит за любимый народ Израиля, за суд и правду.

Я помню одного начальника, который любил вычитывать в Библии слова о подчинении властям. Он вызывал подчиненных и поучал их Библией «бояться царя» и «повиноваться директору», потому что власти поставлены Богом. Он держался за свое кресло до последнего, но был низвергнут с позором.

Каждому царю — свой срок. На каждом посту мы до поры. Господь поставил — Господь снимет, Господь спросит.

Безумная старость Соломона

У Соломона было мудрое начало. Но последние дни были наполнены безумием. Возможно, его голова работала так же хорошо, как и раньше. Но вот сердце, сердце уклонилось к иным богам, богам многочисленных чужестранных жен и наложниц. «Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу» (3 Цар. 11:4).

Беда пришла изнутри, отступление созрело в сердце. И мудрость не спасла.

Тот самый Соломон, который построил храм Господу, «стал служить Астарте... и Милхому... построил капище Хамосу... и Молоху...»

Интересно, что хронист сравнивает Соломона с Давидом и отмечает: «сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его» (11:4), «не вполне последовал Господу, как Давид, отец его» (11:6).

Не кажется ли нам это сравнение странным? Ведь Давид грешил не меньше, убивал налево и направо, забирал чужих жен. Но дело не в этом. Его сердце, как оказывается, было предано Господу и следовало за Ним. Поэтому он пел псалмы, а не писал притчи. Поэтому он каялся, а не учил других.

Известный реформатский богослов Джеймс Смит в своей последней книге «Ты — то, что ты любишь» («You are what you love») оспаривает декартову мысль, согласно которой Я сводится к пониманию, будто человек — банк или банка идей. Напротив, «быть человеком означает желать царства — некоего царства... Мои желания определяют меня». Это значит, что главные процессы разворачиваются не в голове, а в сердце.

Сердце Соломона уклонилось. Он хотел и искал царства, в котором будет еще больше золота и еще больше жен. Он позволил своим желаниям увести его далеко от Бога, к ложным богам и храмам.

К чему склоняется наше сердце? Как мы представляем желаемое «царство»? Что мы любим на самом деле?

Конец «золотого века»

«Золотой век» Израиля длился недолго. Давид построил царство, Соломон укрепил и расширил. Но на пике своего могущества Соломон теряет почти все. Тысяча жен и наложниц, море золота, опьянение славой погубили царя и царство.

Бог, Который дал ему мудрость, силу и славу, выносит Свой приговор: «За то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета Моего и уставов Моих, которые Я заповедал тебе, Я отторгну от тебя царство и отдам рабу твоему» (3 Цар. 11:11).

И тут же из ниоткуда появляются враги: Адер из Идумеи и Разон из Дамаска. Они мстят за гибель своих царств и за успех Соломонова царства.

Но самое страшное приходит изнутри. Иеровоам, «раб Соломонов, поднял руку на царя». Бунтарей было много всегда. Но в этот раз восстать против царя призывает пророк Божий.

Пророк Ахия говорит не от себя: «Возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь, Бог Израилев: “Вот, Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен”» (3 Цар. 11:31).

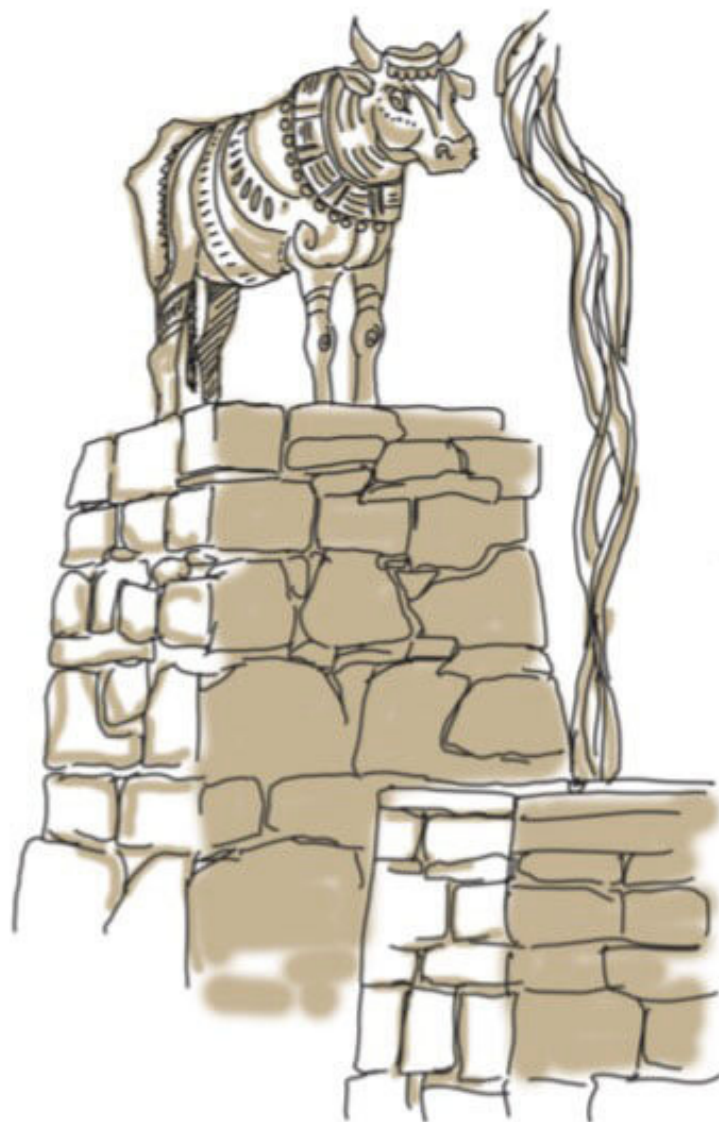
Бог дает шанс даже мятежнику Иеровоаму: «если... будешь ходить путями Моими... устрою тебе дом твердый, как Я устроил Давиду» (3 Цар. 11:38). Раньше Он дал все шансы Соломону, предупреждал, напоминал. Теперь Он призывает «мужественного» раба.

Некогда мудрый Соломон в конце жизни делает новые и новые глупости. Он не слушает Бога и пытается сохранить власть любой ценой. Трон шатается, и единственным способом укрепить его кажется насилие. Поэтому «Соломон... хотел умертвить Иеровоама» (3 Цар. 11:40), но тот укрывается в том самом Египте, откуда родом Соломонова прекрасная жена. Даже союзники теперь против. Царство рушится на глазах. И от окончательного падения Соломона спасает лишь смерть.

Бог остается верным и спасает Соломона от посрамления. Бог продолжает Свою линию через Давида и Соломона, наказывая и милуя, наставляя и обличая их потомков. Мы — часть этой длинной

истории. И мы все еще ждем того Царства, которому не будет конца.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУИНЫ

Не пренебрегай советом старцев

У мудрого Соломона был не очень мудрый сын — Ровоам.

Израильтяне были готовы воцарить сына, но просили «облегчить тяжкую работу отца и тяжкое иго, которое он наложил» (3 Цар. 12:4).

Как оказывается, мудрое и благополучное царствование Соломона стоило простым людям совсем недешево: для строительства и украшения дворцов увеличивались подати и повинности.

Ровоам мог проявить милость и облегчить участь простого народа, и тем самым приобрести их расположение и верность. Так советовали ему старцы: «Если ты на сей день будешь слугою народу сему, и послужишь ему, и удовлетворишь им, и будешь говорить им ласково, то они будут твоими рабами на все дни» (3 Цар. 12:7).

Но молодой царь пренебрег советом старцев и послушал льстивые речи молодых друзей, которые не собирались быть «слугами народа», которые привыкли к легкой и роскошной жизни.

И вот что Ровоам сказал народу, три дня ждавшему ответа: «Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар. 12:14).

Эта речь понравилась самому Ровоаму и его молодой команде, но никому больше. Народ не признал нового царя и разошелся по своим шатрам. Так царь потерял почти все, так Израиль разделился.

К совету старцев стоит прислушиваться. Особенно тогда, когда он раздражает. Чем громче кричат молодые люди, тем важнее приклонить ухо к тому, что говорят люди старшие. Молодые знают лишь свои амбиции. Старцы знают и амбиции, и цену этих амбиций, и сокрушение, и смирение, и компромиссы. Старцы служили царю и учили царя служить.

Царство — это служение. Тот, кто не хочет служить народу, никогда не будет настоящим царем — лишь временным узурпатором.

От Меня это было

«Золотой век» Соломона закончился треском, разделением царства. Ровоам хотел наследовать все, а никак не два колена — Иудино и Вениаминово. Но ему достались лишь обломки царства, которое он сам же и разрушил своими непомерными амбициями, стремлением к власти любой ценой, жестокостью в обращении с народом.

Теперь Ровоам решил отвоевать то, что потерял. Он собирает армию против своих братьев, отложившихся Израильтян.

Лишь вестник Божий останавливает эту братоубийственную бойню: «Так говорит Господь: не ходите и не начинайте войны с братьями вашими, сынами Израилевыми; возвратитесь каждый в дом свой, ибо от Меня это было» (3 Цар. 12:24).

На этот раз сыны Иуды послушались слова Господня и пошли назад. Но уже вскоре братья снова пойдут друг на друга, и под знаком этой междоусобицы пройдут целые века.

Мы очень хотели бы восстановить царство, вернуть земли, наказать виновных. Но иногда Бог останавливает нас: «Возвратитесь».

Возвратитесь в свой дом, чтобы обдумать свою вину в случившемся.

Возвратитесь, чтобы покаяться за разделение Божьего народа.

Возвратитесь к мирной и богоугодной жизни.

Что может остановить и вернуть нас? Вмешательство Божье, Его слово, Его пояснение: «ибо от Меня это было». Если мы не остановимся и не вернемся, мы пойдём не только против братьев, но и против Него.

С разделением придется смириться. Братьев оружием не вернуть. Придется учиться добрососедству.

Только Бог сможет восстановить разделение. И потому Он напоминает о Себе: «от Меня это было».

Нужно искать Бога, а с Ним придет и исцеление отношений, и восстановление единства. Нужно возвратиться с войны домой, принести жертвы в храме, смириться пред Богом. У сынов Иуды и Вениамина остался лишь Иерусалим, лишь храм, лишь Бог. Но это главное, чем земли и колена.

Куда бы и зачем бы мы ни шли, нам нужно вернуться к Богу. И если идти, то только с Ним.

Человек Божий

Человек Божий. Это самое краткое и точное определение пророка.

Пророк принадлежит Богу, в точности передает Его слово и не сворачивает с Его пути. Судьба таких людей удивительна, но в ней нет «больших успехов», напротив — большие жертвы и большие печали.

Скажу прямо: я вряд ли захотел бы повторить путь таких людей. Но если я человек Божий, то у меня нет выбора.

В 13 главе Третьей книги Царств мы читаем одну из самых поразительных историй, где человек Божий выполняет свою миссию, но ослушивается в малом и за это погибает.

Он поверил другому пророку, который обманывал, искушал и проверял: «И я пророк такой же, как ты, и Ангел говорил мне словом Господним» (3 Цар. 13:18). Но человек Божий должен верить не другому пророку или ангелу, а одному Пославшему.

Человек Божий не должен был слушать и слушаться никого более. Как только он вступил в разговор с другим пророком, он уже погиб.

А ведь он был сильным и смелым. Человек Божий пришел из Иудеи в отделившееся царство Иеровоама, стал у самодельного жертвенника и предрек наказание лжесвященникам. Царь Иеровоам приказал схватить этого смельчака, но рука царя одеревенела, а жертвенник рассыпался.

Все признали силу пророка. Царь просит о милости, зовет в дом отобедать, сулит подарок. Но человек Божий слушает приказа Пославшего: «Не ешь там хлеба, и не пей воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел» (3 Цар. 13:9).

Интересно, что похожее повеление получили волхвы, поклонившиеся Христу. Они не вернулись к Ироду, не отчитались ему и не обедали с ним, они спешили своим особым путем.

Наш герой тоже спешил особым путем. Но на дороге появляется «такой же пророк», который соблазняет человека Божьего обедом, а потом тут же за столом произносит пророчество о смерти за непослушание.

Не было пира, был хлеб, и была вода. Человек Божий спешил. Но

план был нарушен. Навстречу человеку Божьему вышел лев, зверь Божий.

В конце два пророка встречаются снова. Пророк-искуситель оплакивает и погребает человека Божьего: «Увы, брат мой!» (3 Цар. 13:30)

Более того, пророк завещает похоронить себя рядом с человеком Божиим: «Подле костей его положите кости мои; ибо сбудется слово, которое он по повелению Господню произнес о жертвеннике в Вефиле и о всех капищах на высотах, в городах Самарийских» (3 Цар. 13:31–32).

Что значит быть «человеком Божиим»? Идти своим путем, исполняя

Божье Слово, не слушая ни царя, ни ангела, ни своего брата-пророка. Отказаться от всего — от богатых царских подарков и даже от скудного братского угощения водой-хлебом. Быть готовым к смерти, к дорогой плате за малейшую ошибку. Лишь бы Слово Господне жило и действовало, лишь бы люди Его не забыли.

Тот случай, когда лучше умереть

Бог дает шанс всем, возвышает даже из самых простых и ничтожных людей. Для Него не так важно происхождение, сколько верность завету.

Бог дал шанс Иеровоаму, «возвысил его из простого народа и поставил вождем, и отторг царство от дома Давидова», но продолжает сравнивать этого самоуверенного грешника с кающимся грешником Давидом: «Ты не таков, как раб мой Давид... Ты поступал хуже всех, которые были прежде тебя, и пошел, и сделал себе иных богов и истуканов, чтобы раздражить Меня, Меня же отбросил назад» (3 Цар. 14:8–9).

Иеровоам окружил себя идолами и сам себе поставил священников, чтобы не слышать голос Бога и Его пророков. Но когда заболел ребенок, он вспомнил о настоящем Боге и послал жену к уже постаревшему и ослепшему пророку Ахии. Когда-то этот пророк возвестил Иеровоаму царство, может, у него и теперь найдется добрая весть?

Но слепой пророк видит глазами Бога («...вот, идет жена Иеровоама спросить тебя о сыне своем, ибо он болен... она придет переодетая») и передает лишь слова Божьи («так и так говори ей»), без жалости и лести.

Как только царица приоткрыла дверь, она услышала приговор: «Войди, жена Иеровоама; для чего было тебе переодеваться? Я — грозный посланник к тебе». От таких слов можно было упасть замертво.

Ахия предрек позорную гибель всего дома царского и даже более дальнюю перспективу — пленение и рассеяние Израиля. «Вымету дом Иеровоамов, как выметают сор... Кто умрет у Иеровоама в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того склюют птицы... И поразит Господь Израильтян... и развеет их за реку за то, что они сделали у себя идолов» (3 Цар. 14:10–11, 15).

Лучше всего будет Авии, больному сыну царя. Он умрет, но его оплачут все Израильтяне и похоронят, «так как в нем... нашлось нечто

доброе пред Богом» (3 Цар. 14:13).

Иногда лучше умереть, чтобы не заразиться общим безумием, отцовским идолопоклонством, чтобы не видеть позора и гибели своего народа, чтобы сохранить душу чистой, а имя добрым. Бог избавил Авию от худшего.

Отцы и дети, золото и медь

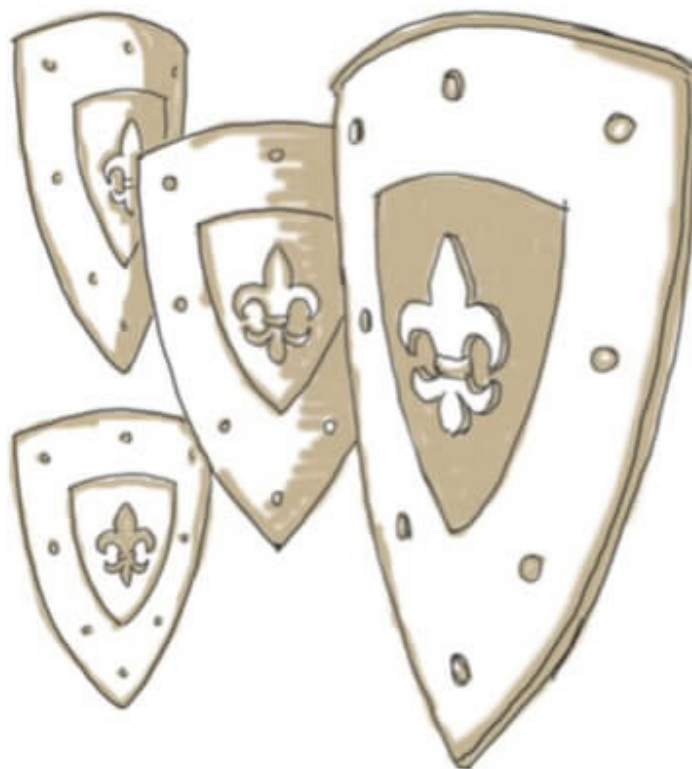
Царство Соломона было «золотым». «Из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломона считалось ни за что» (3 Цар. 10:21).

Царство его сына Ровоама было «медным». Царь Египетский «взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского. Все взял; взял и все золотые щиты, которые сделал Соломон. И сделал царь Ровоам вместо них медные щиты» (3 Цар. 14:26–27).

То, что отцу дарили и несли, у сына забирали и выносили. Отец строил и собирал, сын рушил и разорял. Даже медные щиты теперь были большим богатством. Их выдавали телохранителям только на случай выхода царя, а затем вновь прятали (3 Цар. 14:28).

Зато в другом Ровоам преуспел: он «поступал хуже всех». При нем «раздражали Его более всего того, что сделали отцы их своими грехами» (3 Цар. 14:22).

И все же Ровоам был сыном своего отца, который пусть и меньше, но грешил. Ведь это сам Соломон взял в жены Нааму Аммонитянку. Ведь это сам отец направил сына на кривой путь, вослед иных богов.

Золото превращается в медь совсем не вдруг. Упадок, войны, отступления — это результаты наших действий и решений, грехи отцов, завещанные детям.

Кроме одного-единственного случая

На иерусалимском троне менялись цари. Авия сменил Ровоама. Но лучше не стало, только хуже. Кривизна, допущенная Соломоном в конце его жизни, не выровнялась, лишь усилилась. «Он шел путями своего отца и не был так, всем сердцем, предан Господу, своему Богу, как был предан его прародитель Давид. И все-таки ради Давида Господь, его Бог, не дал угаснуть светильнику в Иерусалиме: Господь возвел его сына на отцовский престол и поддержал Иерусалим. Ведь дела Давида были угодны Господу, и он следовал повелениям Господа до конца своих дней (кроме одного-единственного случая с Урией-хеттом)» (3 Цар. 15:1–5 — РБО-2011).

Мы не понимаем, как и почему, но дела отцов очень сильно влияют на будущее детей. Отцы передают не только физическую наследственность. Они передают имя, а с именем — его предысторию.

Ради Давида история продолжалась. Хотя влияние дедушки слабело, а влияние грешных отцов усиливалось. Но так или иначе, пример Давида оставался в веках, а завет Божий с ним пребывал нерушимым.

При этом хронист не смог не сказать о проступке Давида. На фоне преемников он выглядел святым, но злопамятные люди передавали и другую историю. Поэтому историк уточняет меру верности Давида Господу: «кроме одного-единственного случая».

Давид согрешил, но смог выровнять случившуюся кривизну, вернуться на путь Божий. Для меня такая биография более интересна, чем житие святого без единого греха и малейшей ошибки. Я и сам знаю свои кривизны. И то, что меня беспокоит, — не как прожить без них (они уже случились), но как выровнять путь после отступления или схождения на обочину.

Давид был угоден Господу не только своей праведностью, но и своим покаянием за допущенные проступки. И беда его потомков не в том, что они допускали грехи, а в том, что они не каялись.

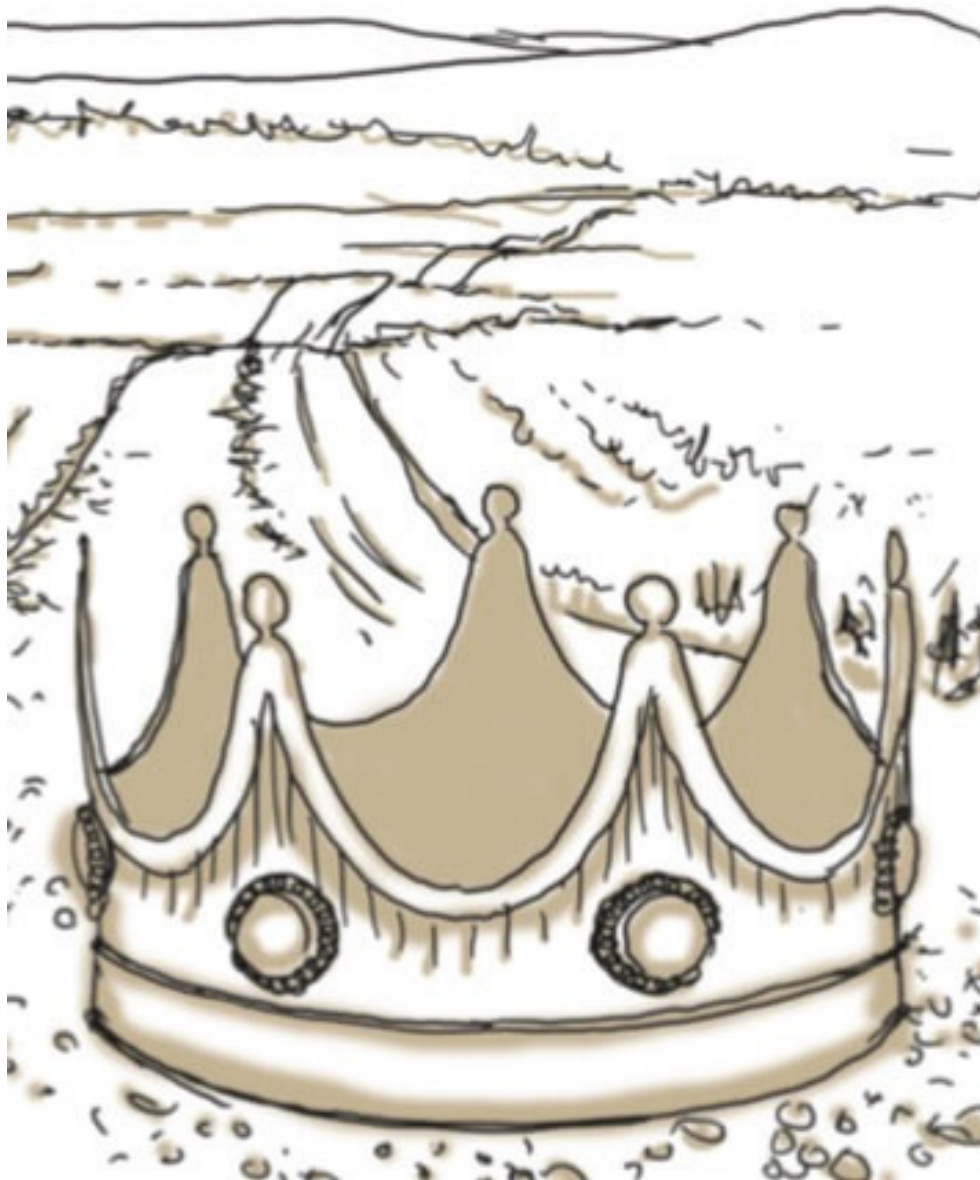
Наш грех оставляет последствия даже для потомков. Но наше покаяние выравнивает путь и оставляет после нас совсем другую историю: «кроме одного-единственного случая» (или даже нескольких)

«дела были угодны Господу, и он следовал повелениям Господа до конца своих дней». Я мечтаю о такой биографии.

Новые цари, старые пути

Царь Нават делал то же, что его отец Иероваам. Но отец был человек мужественный (3 Цар. 11:28), а сын — простой грешник. Поэтому отец правил двадцать два года, а сын — всего два.

Судьба заговорщиков не может быть доброй, хотя шанс на исправление всегда есть. Иероваам поднял руку на царя (3 Цар. 11:26) и захватил царство. Он мог бы сохранить жизнь и царство своим детям, если бы хранил веру и верность (3 Цар. 11:38). Но за идолопоклонство был проклят пророком Ахией (3 Цар. 14:10).

Теперь Вааса убивает его сына Навата. У династии заговорщиков всегда короткий век. С ними поступают так же жестоко, их конец приходит так же неожиданно.

Но что же Вааса? Он исполнил пророчество Ахии. Он наказал беззаконников, «избил весь дом Иеровоамов, не оставил ни души... за грехи Иеровоама, которые он сам делал и которыми ввел в грех Израиля» (3 Цар. 15:29–30). Теперь новый царь может восстановить веру в Израиле.

Но, увы, новый продолжает грехи старого. Трон тот же и грехи те же. Поэтому историк говорит, что Вааса «ходил путем Иеровоама и во

грехах его» (3 Цар. 15:34).

Меняется имя царя, но путь остается прежним.

Всего лишь семь дней

Цареубийца Вааса царствовал двадцать четыре года. Все это время он «делал неуютное». Мы не можем найти в хрониках ни единой заслуги, ни одного доброго дела. Он с радостью истребил дом Иеровоамов, но затем продолжил тот же путь.

Бог позволил ему досидеть на троне, но на сыне ставит точку. Династия Иеровоама прервалась на сыне Навате, так будет и с династией Ваасы. Тот, кто убил царского сына, знал наперед: с его сыном будет то же.

«И было слово Господне к Иую, сыну Ананиеву, о Ваасе: “За то, что Я поднял тебя из праха и сделал тебя вождем народа Моего Израиля, ты же пошел путем Иеровоама и ввел в грех народ Мой... Вот, Я отвергну дом Ваасы”» (3 Цар. 16:1–3).

Ила, сын Ваасы, царствовал те же два года, что и Нават. Все повторяется. Порочный круг греха и возмездия. Каждый цареубийца знает: с ним будет то же. Но ничего не делает, чтобы изменить судьбу.

Вааса двадцать четыре года непрестанно грешит, а его сын два года беспробудно пьет. В то время как расплата приближается.

«Воцарился Ила, сын Ваасы, над Израилем в Фирце, [и царствовал] два года. И составил против него заговор раб его Замврий, начальствовавший над половиною колесниц. Когда он в Фирце напился допьяна в доме Арсы, начальствующего над дворцом в Фирце, тогда вошел Замврий, поразил его и умертвил его... и воцарился вместо него... и царствовал семь дней» (3 Цар. 16:8–10, 15).

За двадцать четыре года Вааса не нашел времени на доброе дело, даже на совет для собственного сына. За два года Ила не нашел ни одного часа на встречу с пророком и ни единой минуты на покаянную молитву.

Цареубийце Замврию было отведено куда меньше — всего лишь семь дней. Историк вспоминает его грехи, «неуютные дела», «хождение путем Иеровоама», «заговор, который он составил» (3 Цар. 16:19–20). И все, ничего более, ничего доброго.

Семь дней опьяняющей власти закончились быстро. Народ выбрал

другого царя и осадил дворец. Замврий сжег себя вместе с дворцом.

Дворец — гиблое место. Здесь убивают и умирают. Своими ногами отсюда не выходят.

Новый царь Амврий построит новую столицу, дворец будет роскошнее, а идиолов больше. Но путь будет тот же, путь греха и неотвратимого возмездия. И разве так важно, сколько он длился — двадцать четыре, или два года, или всего лишь семь дней?

Для того чтобы смириться пред Богом и тем самым изменить свою судьбу, времени всегда достаточно. Для того чтобы насытиться грехом, времени всегда мало.

Чудеса в Сарепте

Пророк Илия не любил свою роль. Ему пришлось объявить царю, что «в сии годы не будет ни росы, ни дождя» (3 Цар. 17:1).

Царь Ахав был нечестив. Но за что страдать простому народу?

После этой плохой вести Бог повелевает ему прятаться у потока Хорафа, в полной беспомощности и зависимости: «Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя» (3 Цар. 17:4).

Но вот поток пересох, и Бог отправляет пророка в Сарепту: «Я повелел там женщине вдове кормить тебя» (3 Цар. 17:9).

У вдовы — лишь горсть муки в кадке и немного масла в кувшине. А еще — голодный сын. При всем этом она готова разделить с пророком последнее: «съедем это и умрем» (3 Цар. 17:12). Но Илия говорит ей странные вещи: «Не бойся, сделай сперва мне, а потом себе и сыну, вот увидишь, нам хватит, запасы не убудут».

Где найти такую доверчивую вдову? Она верила, слушалась, «и кормилась она, и он, и дом ее» (3 Цар. 17:15).

В этой истории не все так просто. Вдруг заболел сын, да так сильно, что «не осталось в нем дыхания».

И у женщины вопрос: пророк, ты зачем приходил, «напомнить о грехах моих и умертвить сына моего»? Зачем было совершать чудо с мукой и маслом, если ты забираешь сына?

Илия и сам смутился, вопросы есть и у него: «Господи Боже мой! Неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?» (3 Цар. 17:20).

Господь услышал пророка, отрок ожил, а вдова утвердилась в своей вере.

Мы знаем: чудо — это то, что не должно было случаться, что зависит не от наших желаний и ожиданий, но исключительно от Божьей воли. Но иногда Бог испытывает нас — насколько мы готовы бороться за жизнь людей, насколько среди всех трудностей пророки остаются человечными.

Возможно, Бог сделал эти чудеса в Сарепте лишь потому, что так дерзнул Его пророк. Дерзновение Илии и доверие вдовы — вот главные чудеса, на которые Бог не мог не ответить Своими чудесами умножения и воскрешения.

Иногда пророк должен ждать Божьего слова, иногда — дерзать и действовать, ведь он уже знает Бога по прошлым делам и может рассчитывать на одобрение и помощь свыше.

Служение царедворца Авдия

Не всем дано быть пророками. Были и те, кто пророков кормил, одевал, лечил, укрывал, защищал.

Пророк Илия мог совершать свое служение благодаря помощи многих меньших. Таких, как безымянная вдова из Сарепты.

Находились «свои» даже в логове зверя.

В историю деяний пророка Илии вошел некто Авдий, который «начальствовал над дворцом» Ахава. Он не был чистым пророком и был частью порочной системы. При всем этом он спас многих пророков и помог Илии. «Авдий же был человек весьма богобоязненный, и когда Иезавель истребляла пророков Господних, Авдий взял сто пророков, и скрывал их, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою» (3 Цар. 18:3–4).

Возможно, Авдию не хватало воли и мужества порвать с системой.

Возможно, его довольствие при дворе было последним шансом прокормить семью и выжить в столь голодное время.

Возможно, он был повязан кровью и не мог уйти от царя живым.

Так или иначе, он оставался на своем месте при царе. Но даже на этом месте находил шанс послужить Богу и искупить тем самым вину.

Зная все это, Илия избирает Авдия своим вестником к царю.

И Авдий соглашается на эту миссию — рискуя всем, но доверяясь Богу и Его пророку.

Нам нужны пророки такие, как Илия.

И нам нужны царедворцы такие, как Авдий.

Один против всех

Илия идет против всех. Не только Ахав и его Иезавель, но и весь народ предался идолопоклонству. Выглядит так, что всех все устраивает. И лишь Илия мучает всех своими обличениями, и лишь старый Бог Израилев казнит всех, не давая дождя.

Потому Ахав спрашивает пророка: «Ты ли это, смущающий Израиля?»

Илия отвечает дерзко: «Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего тем, что вы презрели повеления Господни и идете вслед Ваалам. Теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил,

и четыреста пятьдесят пророков Ваала, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели» (3 Цар. 18:17–19).

Странно, но царь соглашается. Что может сделать один бродяга против всех? Неужели он бросит вызов сотням пророков Вааловых и дубравных? Неужели он думает уйти с этой горы живым?

«Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте» (3 Цар. 18:21), — вопрошает Илия собравшихся людей. Народ молчит. Ни стыда, ни совести, ни сочувствия, ни поддержки.

Отступать некуда. Слов пророка недостаточно. Должен проговорить Сам Бог. Тогда Илия обращается к лжепророкам: «Призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, есть Бог» (3 Цар. 18:24).

Служители Ваала кричали, резали и кололи себя, но их бог молчал.

А Бог Илии ответил яростным огнем, который пожрал все: всеожжение, дрова, воду и даже камни.

Это было так контрастно и удивительно, что «весь народ пал на лицо свое и сказал: “Господь есть Бог, Господь есть Бог!”» (3 Цар. 18:39). И только после этого пошел сильный дождь. Смывающий грехи, очищающий землю, дарящий урожай.

Бывают времена, когда ради Бога нужно рискнуть всем; когда ради спасения народа нужно пойти против него же; когда вместо книги нужно взять в руки меч.

Дальняя дорога пред тобою

Илия спас народ от лжепророков, но теперь должен спасаться сам — от гнева царицы. Люди радовались дождю, а пророк бежал в пустыню.

«Отошел в пустыню на день пути, и, придя, сел под можжевелевым кустом, и просил смерти себе и сказал: “Довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих”. И лег, и заснул под можжевелевым кустом. И вот, ангел коснулся его и сказал ему: “Встань, ешь”. И взглянул Илия, и, вот, у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел, и напился, и опять заснул. И возвратился ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: “Встань, ешь, ибо дальняя дорога пред тобою”» (3 Цар. 19:4–7).

Илия привык, что Бог его кормит чудесами — дает пищу через воронов или нищую вдову. В этом случае с едой пришел ангел.

Пророк послушно ест, но спит дальше. Он не хочет никуда идти, не хочет ничего делать. Он устал спасать Израиль.

Но ангел будит снова и настойчиво предлагает еду.

Бог слышит наш ропот, видит нашу усталость, но ведет нас дальше. Впереди — дальняя дорога и большие дела. Предстоит помазать Азаила в царя над Сириею, Ииуя — над Израилем, а Елисея — в пророка-преемника.

Мы всегда готовы прервать путь и сказать: «довольно уже».

Но подкрепившись ангельской пищей, готовы продолжать.

Но услышав слово Господне, готовы говорить.

Чтобы ты знал

Никто не обречен. Даже нечестивый Ахав может побеждать, если будет слушаться. Бог неожиданно сменяет гнев на милость: «Видишь ли все это большое полчище? Вот, Я сегодня предам его в руку твою, чтобы ты знал, что Я Господь» (3 Цар. 20:13).

Но все это не ради славы Ахава, а ради избранного народа и ради славы Божьей. Чтобы царь и народ вспомнили, кто их Господь, чтобы прославили Его. Чтобы знали, кто есть кто.

Армия захватчиков разбита, жизнь Венадада в руках Ахава. Но Ахав готов мириться, лишь бы получить свою выгоду. Он милует своего врага, будто это в его власти, будто это была его победа, и он может ею распоряжаться.

Ахав быстро забывает, кто здесь Царь и Господь. Он ведет себя так, будто он самый главный.

Но вновь звучит голос свыше, напоминая, кто даровал упущенную победу: «Так говорит Господь: “За то, что ты выпустил из рук твоих человека, заклётого Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа”» (3 Цар. 20:42).

Бог предал врагов в руки Ахава. Но руки Ахава оказались дырявыми.

Богу не жалко подарить нам победу. Но Он не терпит легкомыслия и своеволия.

Он хочет, чтобы мы знали, что Он — Господь.

Наследство отцов

Заговорщики и цареубийцы, идолопоклонники и отступники не дорожили наследством отцов. Наследство было плохое — кровь, смерть, обман, измена.

Нечестивые цари жили одним днем, никого не почитая, ни с кем не считаясь. Потому как в глубине души знали: возмездие наступит очень скоро. Остались лишь мгновенья. Лови их, бери все, что можно!

Чем страшнее расплата, тем отчаянней грех.

Ахаву все мало. Он хочет расширить владения. Он не может сделать свое имя добрым, поэтому пытается сделать его великим.

Но что это? Не все боятся Ахава. Навуфей отказывается отдать царю свой виноградник: «Сохрани меня Господь, чтобы я отдал тебе наследство отцов моих!» (3 Цар. 21:3).

Ахав с удивлением слышит твердое «нет», видит редкого в те дни человека — с принципами и достоинством.

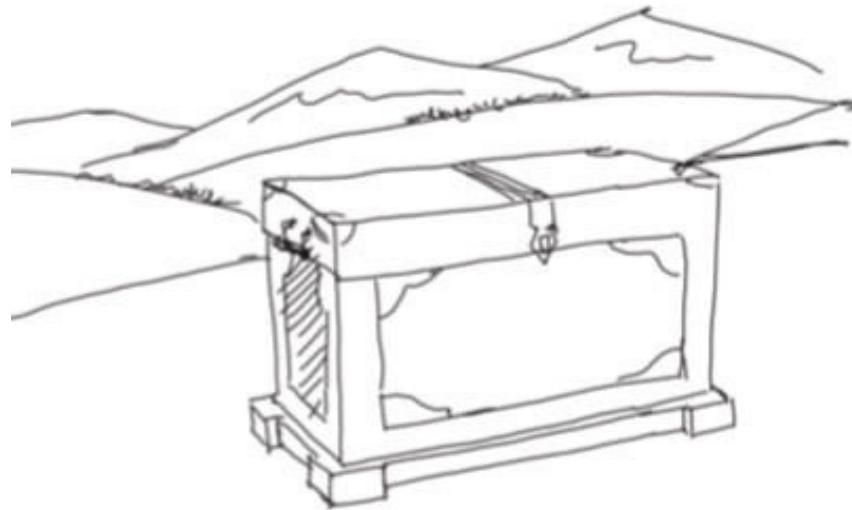
Слова о «наследстве отцов» настолько встревожили и огорчили царя, что он отказался от пищи и слег в постель (3 Цар. 21:4).

Коварная супруга Иезавель помогла ему решить вопрос, уничтожив Навуфея и очернив его имя. Но в истории оно осталось добрым.

Во все смутные времена имя Навуфея напоминает нам о «наследии отцов», о преемственности имени и веры, достоинства и свободы.

Каким бы ни был глубоким сундук Ахава, сколько бы земель он ни собрал, сколь бы многих противников ни сжил, все его наследство было проклятым. До сих пор его имя стараются не вспоминать вовсе.

Какой бы ни была страшной смерть Навуфея, его поступок и его имя останутся в доброй памяти как часть того самого «наследства отцов», беречь и продолжать которое теперь выпало нам.

Четыреста против одного

Ахаву понравилось побеждать. Он поверил в себя как великого полководца.

И пророки угождали ему в этом самообмане. Четыреста пророков говорят: иди, победишь, заберешь Рамоф Галаадский.

Лишь один Михей отказывается говорить то же, что и все.

Его не любит царь: «он не пророчествует о мне доброго, а только худое» (3 Цар. 22:8). Его не любят коллеги-пророки: он портит общую картину.

Доброжелатели советуют: скажи приятное царю, и всем будет хорошо. Но Михей стоит на своем: «Жив Господь! Я изреку то, что скажет мне Господь» (3 Цар. 22:14).

Сказал — и задумался. А может-таки подыграть? Так или иначе, Бог Свой план выполнит. А люди пусть глотают желанную сладкую ложь, раз им так нравится: «Иди, царь, победишь». Но царь не верит, требует истины.

Ну раз истины тебе хочется, то скажу как есть: «Вижу всех Израильтян, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря» (3 Цар. 22:17).

Не нравится истина ни царю, ни пророкам. Больше всех возмутился пророк Седекия: «Неужели от меня отошел Дух Господень, чтобы говорить в тебе?» (3 Цар. 22:24)

Бьют Михея, унижают, в темницу влечат. А он кричит царю пуще прежнего: «Попустил Господь духа лживого войти в уста всех сих пророков твоих, но Господь изрек о тебе недоброе» (3 Цар. 22:23).

Погиб Ахав. А вместе с ним погибла честь пророков.

Так во все дни: четыреста пророков говорят от имени Бога ложь. Михея никто не слушает, а если слушают, то бьют и вновь прячут в темницу. «Я один, все тонет в фарисействе».

«Не нужно нам правды, скажи нам приятное!» — требуют цари, требует народ.

Но Бог — не Санта. Михей напоминает об этом, но его одинокий голос тонет в неистовом праздничном шуме.

Разве нет Бога?

Охозия, сын Ахава, выводов не делал, ничего менять не собирался. Жил, как отец: поклонялся Ваалу, делал неудобное пред Богом, гневил Господа.

Царь жил так, будто «нет Бога». И ввел в этот грех весь Израиль.

Однажды он упал у себя во дворце — провалился через решетку. Может, был пьян, а может, просто неосторожен. Так или иначе, его травма не была связана с подвигами на бранном поле. Все было весьма прозаично.

Но царь занемог не на шутку.

«Пойдите, спросите у Веельзевула, божества Аккаронского: выздоровею ли я от сей болезни?» (4 Цар. 1:2) — приказал он послам.

Но навстречу послам выходит Илия: «Разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Веельзевула?» (4 Цар. 1:3)

За это упорное пренебрежение Богом царь обречен умереть в постели, болезнь окажется смертельной карой.

Охозия зовет к себе пророка, хочет переговоров, но слышит лишь то же самое. Богу больше нечего сказать тем отступникам, которые не находят ни слова покаяния, ни слезы сокрушения.

Вопрос Илии звучит не только к царю, но и ко всем нам: «Разве нет Бога, готового слышать и спасать, что вы обращаетесь к чужим богам?»

Бог может спасти от любой болезни. Но мы ждем помощи от кого угодно, только не от Него. Мы придумываем свои рецепты, схемы, религии, фокусы, чудеса. Мы не принимаем спасение из рук Бога, мы не принимаем Бога. Мы же цари. Мы же хотим ручных, удобных богов.

Падение и болезнь — не смертельны. Настоящая беда в другом — в нашем упорном идолопоклонстве и отвержении Бога. Мы предпочитаем болеть и умирать, но не смиряться и каяться пред Богом. Это причина смерти царей, это причина гибели народов.

Не оставлю тебя

История Илии подходит к концу. Служение Елисея только начинается.

Что будет между этими двумя пророками, их великими историями — разрыв или преемственность, конкуренция или наставничество?

У Илии не было школы. Он был одиночкой. И таким хочет уйти. Но Елисей не отпускает.

«В то время, как Господь восхотел вознести Илию в вихре на небо, шел Илия с Елисеем из Галгала. И сказал Илия Елисею: “Останься здесь, ибо Господь посылает меня в Вефиль”. Но Елисей сказал: “Жив Господь и жива душа твоя! Не оставлю тебя”» (4 Цар. 2:1–2).

Елисей был верен своему учителю до последнего момента. Каждый миг совместного служения он воспринимал как урок, подарок и откровение.

Бог наблюдал за Елисеем и видел: этот младший пророк будет верным.

Он сказал учителю: «Не оставлю тебя». Он и Бога никогда не оставит. В нем нет самовольства, он идет рядом с учителем, «ни шага назад, ни шага на месте».

Он ничего не требует и даже не просит. Он молча сопровождает, внимательно наблюдает, запоминает, повторяет. Но когда ему разрешают просить, то просит многого: «Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне» (4 Цар. 2:9).

Елисей — хороший ученик. Он взял все, что можно. Он не считал километры дорог, не боялся рисков, не перечил своему грубому учителю. Он боялся пропустить главное.

Пророки говорили до последнего, торопясь выговориться перед скорой разлукой. Ничто не могло отвлечь Елисея. Он был захвачен своим учителем, его верой, его Богом. Поэтому смог увидеть последний миг Илии, огненную колесницу и открытую высь.

Он стал свидетелем того, что для смертных закрыто. Илия приобщил его к небу. По неотступности, благодаря послушанию и верности.

«Не оставлю тебя», — такие слова хотел бы слышать не только Илия, но и Сам Бог.

Где Бог Илии?

Елисей смотрел на небо, провожая взглядом своего учителя.

Но затем «пошел назад» — тем же путем, которыми еще недавно пророки шли вместе. «Назад», вспоминая уроки учителя, повторяя его путь, подражая ему.

Но не только назад: он проходит тем же путем и делает дела Илии лишь для того, чтобы найти и начать свой собственный, особый путь.

Елисей хочет больше, чем носить имя нового пророка. Он хочет иметь вдвое большую силу. Он дерзает испытывать Бога. «Взял милоть Илии, упавшую с него, и ударил ею по воде, и сказал: “Где Господь, Бог Илии, — Он Самый?”» (4 Цар. 2:14).

Елисей мог жить себе тихо и мирно, наслаждаясь своим статусом. Но не для этого прошел он школу Илии. Он вызывает Бога, он хочет видеть и знать силу Божью на себе, здесь и сейчас.

В конце концов, именно сейчас решается вопрос его настоящего статуса: избран ли он для чего-то большего, чем служить Илие?

В этот миг вызова и призыва Бог Илии стал Богом Елисея. Вода расступилась, пропуская нового пророка.

Мы можем пройти много дорог и приобрести много статусов. Но правду о себе узнаем лишь тогда, когда решимся на вопрос: «Где Бог Илии, Он Самый?» Станет ли Он моим Богом? Даст ли мне Свою силу, Свой Дух? Расступится ли предо мной река? Откроется ли мне мой путь, мое призвание?

Пророк — это тот, кто решается остановить реку обычной жизни, доверяя себя Богу, доверяясь Его пути.

Вода и медведица

Елисей помогает людям, но не строит иллюзий относительно их благодарности.

Его просят очистить воду — он очищает, бросая в источник соль.

И делает все это именем Божиим, напоминая чудом о Боге: «Так говорит Господь: Я сделал воду сию здоровою» (4 Цар. 2:21). Не пророк сделал воду чистой, но сам Бог.

Этого люди не поняли. Они видели чудо, но не видели Бога. Они пользовались пророком. Они радовались приятным сюрпризам. Но уже вскоре смеялись над ним и над его Богом.

Малые дети насмеялись над пророком: «Иди, плешивый! Иди, плешивый!»

Пророк проклял их именем Господним. Тем самым именем, которое еще недавно творило добрые чудеса. Из леса вышли медведицы и разорвали сорок два ребенка.

Дело не только в чести пророка, но и в насмешке над его Богом. Город, в котором родители не следят за детьми, в котором дети хулят пророков, в котором не чтят Бога, заслуживает наказания.

Грешные города, забывшие Бога люди, неблагодарные родители, испорченные дети. Вот настоящая причина того, что «вода нехороша,

и земля бесплодна» (4 Цар. 2:19).

Плохой запах этих мест чувствуют даже медведицы.

Нет ли здесь пророка?

Иоарам, сын Ахава, собрался в поход. Он жил без Бога и воевал без Бога.

Он бы погиб еще до начала битвы, заблудившись в безводной пустыне. Но в этот раз его спас царь Иосафат: «Нет ли здесь пророка Господня, чтобы нам спросить Господа чрез него?» (4 Цар. 3:11).

Оказалось, что где-то здесь есть некий Елисей, «который подавал воду на руки Илии».

Илию не любили, хотя боялись. Может, его бывший слуга будет сговорчивее и скажет угодное царю Иоараму?

Но Елисей, которого представили так пренебрежительно («который подавал воду на руки Илии»), говорит со властью и дерзостью: «Если бы я не почитал Иосафата, царя Иудейского, то не взглянул бы на тебя и не видел бы тебя» (4 Цар. 3:14). Только ради богобоязненного Иосафата пророк Елисей спросил Господа. Только ради Иосафата войско союзников было спасено от гибели в пустыне.

Где бы мы ни оказались — в пустыне или окружении, в каком бы трудном положении ни находились, должен найтись хоть один богобоязненный человек, который скажет: «Подождите отчаиваться, нет ли здесь пророка?»

Насытятся, и останется

Елисей совершает чудеса, подобные тем, что совершал Илия. Но каждый раз все происходит неповторимо, с новыми деталями, с неожиданными поворотами.

Иногда чудо впечатляло достатком, избытком, богатством. Жене пророка он помогает расплатиться с долгами. Масло льется рекой, наполняя все пустые сосуды. Так вдова смогла выкупить детей у заимодавца. Но денег осталось еще и на жизнь. Господь щедр. Пророк человеколюбив.

Подобным образом Елисей заботится о сынах пророческих. Он для них как отец, «человек Божий». Он верит в то, что у Бога есть «неисчерпаемый источник» (интересно, что так Вера Кушнир назвала один из своих поэтических сборников). Поэтому все, что приносят ему, он отдает «сынам», делится одним куском с многими.

– Тут ведь и тебе мало, — сомневается слуга.

– Отдай людям, пусть едят, ибо так говорит Господь: «насытятся, и останется» (4 Цар. 4:43), — отвечает пророк.

Но бывало сложнее. Когда не голод, не болезнь, не рабство, а сама смерть вмещивалась в деяния пророка. Тут простых чудес не хватало. Здесь испытанию подвергалась не только вера «сынов пророческих», но и вера самого Елисея.

Богатая, но бесплодная Сонамитянка заботится о пророке, отводит ему комнату для отдыха. Она хочет почтить Бога, помогая «человеку Божьему», «святому».

Благодарный Елисей пророчествует ей о рождении сына. Она не верит: «Не обманывай рабы твоей». Сын рождается, но умирает. Пророк растерян. Его слуга не может воскресить ребенка. Жезл не срабатывает. Все идет не так.

Тогда Елисей направляется туда сам. Закрывает дверь и остается один, молится Господу, простирается над ребенком, встает, ложится снова. Он отдает себя, свое дыхание, свою жизнь. Он готов передать себя без остатка, лишь бы жил мальчик, лишь бы жила вера его родителей.

Бог щедр. Он дал бесплодной женщине ребенка. Он дал ей веру. Он показал, что Он может не только давать, но и возвращать потерянное — утраченную веру, умершего ребенка.

Бог насыщает нас так, что всегда остается избыток вопросов

и переживаний, сомнений и веры, удивления и радости.

Простые рецепты

Елисей совершал чудеса простыми способами. Вода превращалась в питьевую одной щепоткой соли (4 Цар. 2). Игра гуслиста открывала волю Божию и путь к спасению в пустыне (4 Цар. 3). Горстка муки превращала целый котел отравы в съедобную похлебку (4 Цар. 4).

Бог любит простоту. Но великие люди простоте не доверяют.

Сирийский полководец Нееман так хочет исцелиться, что ищет помощи даже в Израиле. Он послушался совета жены, которая послушала совета пленной израильской девочки. Он готов слушать израильского Бога. Готов платить, сколько нужно и чем нужно: золотом, серебром, одеждами. Военачальник едет прямо во дворец Израильского царя, ожидая, что там все свершится. А царь в панике: он не творит чудес, он не знает Бога, он не дает рецептов.

Приходится ехать к Елисею, в его скромный дом. Сам пророк не выходит, посылает слугу с очень странным рецептом: «Пойди, омойся семь раз в Иордане, и обновится тело твое» (4 Цар. 5:10).

Великий воин «разгневался»: «Вот, я думал, что он выйдет, станет и призовет имя Господа, Бога своего, и возложит руку свою на то место, и снимет проказу; разве Авана и Фарфар — реки Дамасские, не лучше всех вод Израильских?»

Великий «оборотился и удалился в гнев». Великий ждал великого чуда — ради себя, великого.

Хорошо, что рабы уговорили его испробовать этот простой рецепт. Послушав пророка, воин очистился от своей болезни и стал поклоняться истинному Богу.

Великое свершается в простоте.

Как Бог действует в нашей жизни? Какие простые рецепты мы знаем, но не используем?

Бог любит простоту, оставаясь великим.

Он хочет, чтобы мы искали не великих чудес, но величия Бога в простоте нашей веры.

Открой глаза, чтоб увидеть

Вокруг Елисея была Божья защита. Поэтому он не смотрел на войска противника и не боялся угроз. Он знал: «тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними» (4 Цар. 6:16).

Но другие ужасались при виде опасностей: «Увы, что нам делать?»

Один слуга так испугался вражеской осады, что Елисею пришлось сотворить чудо. И это чудо было особенным: ничего не изменилось в мире, но слуга стал видеть этот мир иначе.

«И молился Елисей, и говорил: “Господи! Открой ему глаза, чтоб он увидел”. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея» (4 Цар. 6:17).

С тех пор как Елисей увидел взятие Илии на огненной колеснице, небо перед ним не закрывалось. Потому царей и войск он не боялся.

Я думаю, что жизнь слуги изменилась тоже. Он увидел настоящую реальность, не чудо. Ведь для нас чудо — это вмешательство в реальность. А здесь слуга видит реальность неискаженную, реальность Божьей силы.

Слуга прозрел, сирияне же были поражены слепотою. Они послушно шли за Елисеем и оказались прямо в Самарии. Там глаза их открылись, и они увидели себя в окружении Израильтян.

Примечательно, что Елисей не пользуется этой ситуацией. Он не просит огненные ангельские колесницы о помощи, хотя они наготове. Он запрещает царю Израильскому убивать беспомощных сириян. Для него важно не наказать, но показать, открыть глаза на подлинную

реальность.

Разве мы не похожи на перепуганного слугу, который не видит Божьей силы, одно лишь войско вражье?

Разве мы не похожи на тех несчастных сириян, что ходят слепыми, воображая себя всевидящими и всемогущественными?

Разве мы не должны просить Господа о себе: «Открой глаза, чтобы увидеть»?

Разве мы не должны просить Господа за свой народ: «Открой ему глаза, чтобы он увидел»?

Разве мы не должны просить Господа за своих врагов: «Открой им глаза, чтобы они видели»?

Что нам сидеть здесь, ожидая смерти?

Самария в осаде. Отчаяние и голод. Люди едят своих же детей.

Но человек Божий Елисей предсказывает, что уже завтра настанет изобилие. Как это возможно, кто может в это поверить?

Ближайший царский сановник выражает «официальную позицию»: «Если бы Господь и открыл окна на небе, и тогда может ли это быть?» (4 Цар. 7:2).

Это неверие поражает не меньше, чем все страшные беды. Потому что оно и есть причина всех этих бед.

Царь верит идолам, но не Богу. Сановник верит в свою смерть охотнее, чем в щедрость и милость Божью. Все верят своим глазам, но не пророческим добрым словам.

Елисей гневается на неверие царского помощника и предрекает ему смерть. Разве не хватит смертей? Разве не стоит оставить эти слова просто так? Нет, для пророка такие слова — преступление пред Богом, они убивают веру в народе, они унижают Бога, отказывая Ему в праве на чудо и милость.

Царь — такой же неверующий, как и его сановники. Даже когда ему доносят, что вражеский стан пуст, что можно взять трофеи и праздновать спасение, он не верит. Точнее, он верит, но верит в хитрость Сириян, а не в силу Божью.

Весть о победе принесли не воины, а прокаженные. Им было нечего терять, и они решили пойти в разведку. «Что нам сидеть здесь, ожидая смерти?» Они первые увидели пустой стан, наелись, напились, набрали полезных вещей.

Они могли есть и пить до утра. Но решили иначе: «Не так мы делаем. День сей — день радостной вести, если мы замедлим и будем дожидаться утреннего света, то падет на нас вина. Пойдем же и уведомим дом царский».

Счастливые прокаженные бегут в город с радостной вестью: «Хватит отчаиваться, мы спасены!» Но никто их не обнимает, никто им не улыбается, никто их не благодарит.

Прокаженным не верят, пророку не верят, Богу не верят.

А чудо ведь совсем рядом.

Наш голод, наше поражение, наше отчаяние — от нашего неверия.

Когда человек Божий плачет

Елисей совершает много добрых чудес. Однако он не спаситель — он пророк.

Иногда все, что он может сделать — предупредить отдельных людей о бедствии, но спасти весь народ никак не может.

Это большая печаль — знать и говорить о Божьих судах, видеть мучение родного народа, наблюдать самоубийственный грех царя.

Елисей предрек рождение сына той Сонамитянке, которая проявляла гостеприимство и кормила пророка. Когда сын заболел и умер, пророк воскресил его. Но исцелить всех бесплодных и воскресить всех умерших он не может.

Более того, он не может остановить новые и новые бедствия, которые обрушиваются на неверный и строптивый народ.

Грядет новый голод, семилетний. И это бедствие неотвратимо.

Поэтому пророк говорит Сонамитянке: «Встань, и пойдя, ты и дом твой, и поживи там, где можешь пожить, ибо призвал Господь голод» (4 Цар. 8:1).

Женщина бежит в земли Филистимские, находя там спасение. Иногда жизнь в земле лютых врагов безопаснее, чем в земле родной, но грешной и проклятой.

Елисей видит новые беды, чувствует гнев Господа, плачет о своих родных. Но не может сделать ничего, лишь напоминать о Боге, вере и верности.

Он видит Азаила, который будет царем Сирии, и не может не передать ему волю Божью. «И устремил на него Елисей взор свой, и так оставался до того, что привел его в смущение; и заплакал человек Божий. И сказал Азаил: “Отчего господин мой плачет?” И сказал он: “Оттого, что я знаю, какое наделаешь ты сынам Израилевым зло”».

Елисей может убить или проклясть будущего царя. Ему охотно помогут медведицы или огненные колесницы. Но он знает: Азаил — лишь орудие Божьей воли. Вина и ответственность — на Израильском народе.

Поэтому Елисей плачет, но завершает дело своего учителя Илии. Азаил все-таки будет царем и причинит много горя Израилю. Но пророк служит не Израилю — пророк служит Богу. Плачет, но служит.

Какой мир?

Цари грешили без оглядки. Бога забыли, пророков не слушали. Но Божье слово о доме Ахава было непреложным.

То, что не сделал Илия, завершил Елисей. Впрочем, не он сам, но его посланник, «сын пророческий», который вылил елей на голову Ииуя и быстро убежал. Ни Илия, ни Елисей не хотели участвовать в этом грязном, точнее, кровавом деле. Но приговор Божий должен был исполниться.

Ииуй был инструментом в этом плане, хотя сам не был праведным и чистым. Елисей знал, что этот «помазанник», как и Азаил, причинит много беды Израилю.

Ииуй не был лучше Иорама Израильского или Охозии Иудейского, но пророк передает ему ответственное Божье задание — наказать этих царей. А также покончить с Иезавелью.

Любопытен диалог Ииуя и Иоарама: «Когда увидел Иорам Ииуя, то сказал: “С миром ли, Ииуй?” И сказал он: “Какой мир при любодействе Иезавели, матери твоей, и при многих волхвованиях ее?”» (4 Цар. 9:22).

Ииуй — грозный вестник от Бога: мира нет и не будет. Нельзя грешить так бесстыдно и безнаказанно.

Ииуй истребил дом Ахава и Охозии. Этим его миссия ограничивается. В остальном он был таким же нечестивым, как и предшественники.

Иногда смена царей происходит не потому, что новый лучше старого. Просто вышел срок. Наполнилась мера беззакония. Зло съедает себя. Приближенный военачальник убивает своего господина.

Эта странная череда злых и грешных царей, которые убивают друг друга, замыкает порочный круг преступления и наказания.

Но в этом круге всегда есть шанс. Помазывая Ииуя на царство, сын пророческий напоминает ему о Боге, о Царей царей, о Господине истории. Ииуй мог стать другим. Он мог принести дому Ахава суд, но народу Израиля — мир. Он мог служить Богу не только мечом, но и верой и правдой. Увы!

Иодай и Иоас: восстановление завета

Дом Ахава был истреблен. Но в Иерусалиме все еще царствовала его дочь Гофолия. Она уничтожила всех претендентов на трон, кроме Иоаса.

Центром оппозиции становится храм. Малолетний Иоас скрывался в доме Господнем целых шесть лет, а в седьмой год священник Иодай вооружил верных людей и воцарил окрепшего Иоаса.

Историк упоминает важную деталь: священник раздал воинам копья и щиты Давида. Когда-то священники помогали праведному Давиду — сейчас они помогают Иоасу.

Но священник Иодай идет дальше. Он понимает, что царю всего лишь семь лет. И в этой ситуации, когда враги еще сильны, а царь еще слаб, именно священник должен сыграть главную роль в восстановлении завета и священного порядка. «И заключил Иодай завет между Господом и царем и народом, чтоб он был народом Господним, и между царем и народом» (4 Цар. 11:17).

Иоас оказался на троне. Но центром жизни стал не дворец, центром

стал храм. Вновь дом Господень стал местом силы и славы. Дом Ваала был разрушен, Гофолия казнена. «И веселился весь народ земли, и город успокоился».

Бывают времена, когда священники должны взять власть в свои руки — не для того, чтобы присвоить, но чтобы передать правильному человеку и спасти весь народ от гибели.

Именно священники должны научить нового царя.

Именно священники должны напомнить всем о завете.

Серебро и золото Иоаса

Иоас царствовал в Иерусалиме сорок лет. Он слушался наставлений священника Иодая и «делал угодное в очах Господних».

Делом всей своей жизни он видел восстановление храма. Но восстановить оказалось труднее, чем построить.

Двадцать три года он пытался отреставрировать храм, который Соломон построил за семь лет. Одна из причин долгостроя — неразбериха в финансах. Пожертвования брали, но дело не двигалось.

Пришлось отстранить священников от финансовых дел. Священник Иодай положил конец коррупции: поставил ящик для пожертвований, ввел учет поступлений и целевое распределение на нужды строительства.

С тех пор все изменилось: распределители действовали так честно, что у них перестали требовать отчета. Все серебро и золото потекло в храм. Народ радовался, видя, как восстанавливается центр духовной жизни, дом Божий.

Но вот приходит Азаил, царь Сирийский, и царь Иоас решает откупиться от него. Все пожертвованное выносится из храма. То, что принесли Богу, теперь забрали и отдали Азаилу.

Опасность отступает, но храм пустеет, жизнь замирает. А вскоре Иоаса убивают заговорщики, его же слуги. Слабый царь долго не живет.

Иоас был неплохим царем. У него был хороший наставник, священник Иодай. Но этого было мало.

Добрый царь собрал множество золота и серебра, чтобы исправить повреждения в храме. Но этого было мало.

Не все можно решить с помощью серебра и злата. Можно восстановить стены, но как наполнить их жизнью? Можно откупиться от врага, но как победить?

Без Божьей силы и дерзновенной веры усилия неплохих людей заканчиваются прахом.

Сын Ииуя

Иоахаз, сын Ииуя, «царствовал семнадцать лет и делал неуютное в очах Господних» (4 Цар. 13:1–2).

«Во все дни» этих долгих лет ему докучали сирияне. Тот самый Азаил, которому человек Божий Елисей напрогочил царство, нещадно теснил Израильтян.

Если Бог благословил Ииуя на царство, то можно сделать вывод, что это Бог докучал Израилью, теснил его и наказывал. Как Бог может быть на стороне врага?

Если присмотреться, Бог не на стороне врага, Он действует по обе стороны. Ведь это Бог помазал через Елисея Ииуя, когда нужно было истребить дом Ахава. Ведь это Бог отвечает сыну Ииуя, когда он взывает о помощи: «И помолился Иоахаз лицу Господню, и услышал его Господь, потому что видел стеснение Израильтян, как теснил их царь Сирийский».

То есть Бог ставит в Дамаске Азаила, чтобы смирять Свой избранный Израильский народ. Он же ставит Ииуя и дает ему шанс исправить путь Израиля.

Он отвечает на мольбу Иоахаза и милует отступников. Он останавливает агрессию Сириян, хотя «у Иоахаза оставалось войска только пятьдесят всадников... оттого что истребил их царь Сирийский и обратил их в прах на поприще».

Бог отвечает на отчаянную просьбу грешного царя Иоахаза. Он видел нечто доброе в его храбром отце. Он видит нечто доброе

и в сыне.

У каждого царя есть шанс стать хорошим царем.

Бог дает победу и мир. «Однако ж не отступали от грехов».

Сирияне отступили от Израильтян, но Израильтяне от грехов не отступили.

Что сделал Иоахаз? Как распорядился своим царством? Бог ждал семнадцать лет, а потом Иоахаза... «похоронили».

Все, что мы о нем знаем из истории, что однажды (!) он помолился Господу и был услышан. Однажды за семнадцать лет. Бедный царь, бедный народ. Бог готов отвечать, но они даже не просят. Бог может все изменить, но они продолжают идти тем же путем.

Иоахаз, сын Ииуя, сын своих грешных отцов, отец своих грешных детей.

Бей, не останавливайся

Елисей уже при смерти, а с ним при смерти и все царство Израильское. Ведь он не только передавал Божье слово — он выпрашивал у Бога милости для народа. Кто теперь будет заступником и ходатаем?

Потому царь Иоас плачет о Елисее такими словами, какими Елисей плакал об Илии: «Отец мой! Отец мой! Колесница Израиля и конница его!» (4 Цар. 13:14).

Эти слезы растрогали Елисея. Он хочет подарить Израилю еще один шанс. И этот шанс зависит от послушания царя.

Пророк приказывает выстрелить из лука, и царь послушно исполняет. Благодаря послушанию эта стрела станет «стрелой избавления» от Сириян, знаком победы над ними.

Но вот еще один приказ, менее понятный: возьми стрелы и бей по земле. Царь слушается, бьет, но на третьем разе останавливается. Было послушание, но не до конца. Будет победа, но не до конца.

Умиравший Елисей, который только что жалел царя и плакал с ним, сильно разгневался: «Надобно было бы бить пять или шесть раз, тогда ты побил бы Сириян совершенно».

Нельзя останавливаться на половине пути. Надо бить, пока пророк не остановит.

Разве мы не похожи на Иоаса? Мы верим Богу и слушаемся Его слова, но не до конца. Мы выходим в путь и вскоре останавливаемся. Мы каемся и уже вскоре грешим вновь. Мы ходим спотыкаясь. Мы обещаем без уверенности. Мы воюем без решимости. Мы трудимся без отдачи.

Елисей открывает нам простую истину: победа зависит от полного послушания Божьему слову.

Если Он говорит «беги», значит надо бежать без оглядки.

Если Он говорит «бей», значит надо бить без остановки.

Если Он что-то приказывает, нужно выполнять без сомнений и дискуссий, не отвлекаясь на Фейсбук и сплетни, не позволяя перекуры и перерывы на обед.

Не останавливаться. С каждым разом мы дальше от пропасти и ближе к победе.

К чему затевать ссору? Сиди дома

Амасия, сын Иоаса, царь Иудейский, «делал угодное в очах Господних».

Он казнил убийц своего отца, но помиловал их детей. Тем самым он положил конец бесконечному насилию. Благодаря такой рассудительности «утвердилось царство в руках его» (4 Цар. 14:5).

Царь поразил армию Идумеян и вернул себе некоторые города.

Но затем он делает глупость: Амасия вызывает Иоаса, царя Израильского, на бой лицом к лицу.

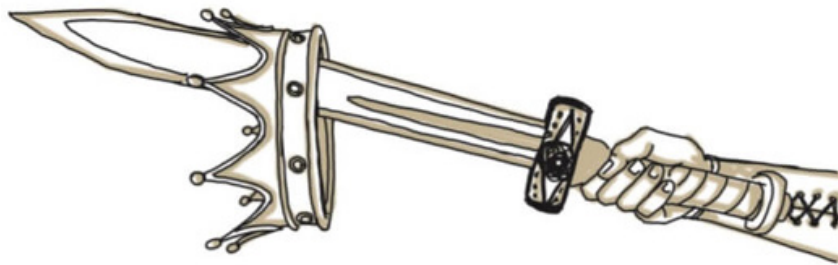
Иоас оказывается мудрее и пытается остудить пыл своего визави: «Ты поразил Идумеян, и возгордилось сердце твое. Величайся и сиди у себя дома. К чему тебе затевать ссору на твою голову? Падешь ты, и Иуда с тобою».

Тщетно, Амасия хотел быть героем, хотел победы над соседом.

Случилось так, как предупреждал Иоас. Амасия был разбит и пленен, Иерусалим разрушен, храм Божий разграблен.

Иногда наши малые победы ведут к большому поражению.

Если сердце возгордилось, лучше сидеть дома.

Грех непоследовательности

15 глава Четвертой книги Царств повествует о бесконечной серии дворцовых переворотов в Иерусалиме и Самарии. Захарию убивает Селлум, Селлума — Менаим. Факию убивает Факей, Осия — Факея.

Иудея и Израиль обречены в силу внутренней слабости и внешней угрозы. Могучие Ассирийские цари грабят и уводят пленных. Скоро появятся и безжалостные Вавилоняне.

На фоне упадка и обреченности борьба мелких царьков за троны выглядит настоящим безумием. За что бороться, если все гибнет? Зачем нужен трон, если на нем умирают так быстро и страшно?

Среди этой череды безумных царьков выделяются два имени — Азария и Иоафам. Они правили в Иудее и делали «угодное в очах Господних». При этом в обоих случаях историк отмечает непоследовательность в их богоугодных делах: «Только высоты не были отменены: народ совершал еще жертвы и курения на высотах» (4 Цар. 15:4, 35).

В сравнении с грехами других царей «высоты» выглядят пустяком, и вовсе непонятно, почему Бог наказывает наших положительных героев: Азарию «поразил Господь проказой, и был он прокаженным до дня смерти своей и жил в отдельном доме» (4 Цар. 15:5), а во дни Иоафама «начал Господь посылать на Иудею Рецина, царя Сирийского, и Факея, сына Ремалиимна» (4 Цар. 15:37).

Кажется так: чем лучше человек, тем больше Бог требует с него. Азария и Иоафам почти все делали правильно. Но Бога «почти все» не удовлетворяет. Он знает: оставь высоты — возродятся и вырастут и другие грехи.

Бог ожидает последовательности и полноты в наших добрых намерениях. А потому поражает болезнями и войной. Чтобы цари и народы взыскали Его всем сердцем. Бог говорит Азарии и Иоафаму: ты же знаешь, что осталось сделать, почему остановился, почему не завершил начатое?

Или всю грехи, или всю Богу служи. Но не тормози на полпути.

Ахаз, сын Иоафама

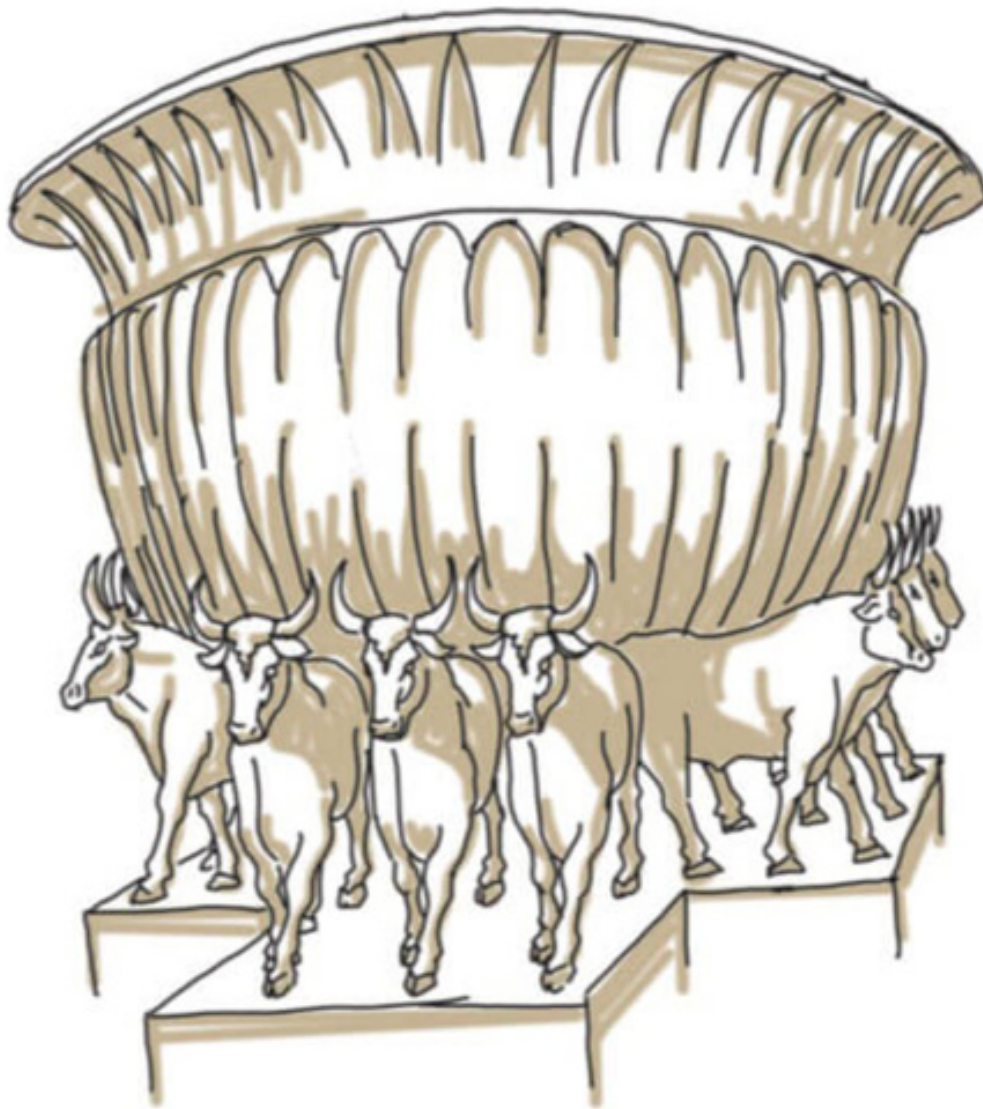
Иоафам был неплохим царем, хотя непоследовательным. Делая «угодное в очах Господних», он делал не до конца, не в полноте. В то время как царь обновлял дом Господень, народ продолжал идолопоклонствовать на высотах.

Бог напоминал о Себе и посылал на Иудею Сирийские полчища. Но даже эти вражеские нашествия не привели народ к покаянию, идолослужение продолжалось. Кривизна не выпрямилась, путь вел все дальше от Бога.

Мы можем удивляться, почему неплохой Иофам был наказуем Господом, но ответ находим в жизни его сына. Бог знал, что непоследовательность отца проявится в жизни сына страшными отступлениями и грехами.

Ахаз, сын Иоафама, подражал «мерзостям народов, которых Господь прогнал от лица сынов Израилевых» (4 Цар. 16:3), т. е. делал такое, что Бог не терпит, то, что заканчивается уничтожением целых народов. Он приносил жертвы идолам везде, где только можно. Пытаясь завоевать расположение чужих богов, он принес в огненную жертву даже собственного сына.

И вот странность: Иоафам делал угодное Богу, но терпел поражения от царя Сирийского и царя Израильского, а нечестивый Ахаз, творящий «мерзости», смог разобраться с врагами довольно быстро.

Ахаз нанимает царя Ассирийского. За победу над соседями он отдает душу народа — выносит все сокровища из дома Господнего, опустошает и разоряет храм. Даже после победы, когда уже не было необходимости что-то ломать и выносить, он продолжает разрушать святое место (4 Цар. 16:14, 17–18).

Ахаз отодвигает в сторону медный жертвенник и ставит на его место новый, «большой», подобный увиденному в Дамаске. Примечательно, что священник Урия послушно изготавливает новый жертвенник, не переча безумному царю ни единым словом.

Продав свою душу, Ахаз покупает победу. Враги разбиты. Спасен трон. Но разорен храм.

Вместо покаяния — дальнейшее отступление.

Вместо жертвенника Божьего — новый, человеческий.

Вместо спасающего Господа — царь Ассирийский.

Нужна ли такая победа? Чего стоит царство, за которое продаются святыни? Чего стоит власть, за которую приходится сжигать на костре сына?

Чего стоит мир, если приходится заложить душу?

Господь не сразу наказывает, сперва предостерегает

Самария могла выдержать трехлетнюю осаду царя Ассирийского, но не выдержала грехов своих царей, царей Израильских (4 Цар. 17:5). Царство разрушилось изнутри.

Израильтяне были непобедимы до тех пор, пока слушались Бога. Отступив от Него, они сделались легкой добычей, потеряли свободу и землю, оказались пленниками в далекой земле.

Повествуя эту печальную историю, хронист добавляет важный комментарий, поясняющий логику событий: «Когда стали грешить сыны Израилевы пред Господом, Богом своим, Который вывел их из земли Египетской... и стали поступать по обычаям народов... и служили идолам... тогда Господь через всех пророков Своих, чрез всякого прозорливца предостерегал... но они не слушали... и прогневался Господь... и отвратился Господь от всех потомков Израиля, и смирил их, отдавая их в руки грабителям» (4 Цар. 17:7–20).

Если бы мы не знали этой истории отношений Израиля с Богом, мы никогда бы не поняли, как так могло случиться, что Бог сперва освобождает народ от царя Египетского, а затем порабощает царю Ассирийскому.

Не зная условий завета между Израилем и Богом, мы сказали бы: «Какой же Бог жестокий!»

Вот почему важно знать не только историю событий, но также историю отношений. Если отношения с Богом рушатся, события идут по худшему сценарию.

Но даже на этом пути Бог не спешит гневаться. Его любимый народ всюду грешит, но Бог не употребляет силу — лишь предостерегает «через всех пророков, чрез всякого прозорливца».

Эти предостережения дают новые шансы, продлевают жизнь и снова ставят людей перед выбором: вернуться к Богу или пожинать плоды своего отступления. И каждый раз люди выбирали грех, каждый раз подтверждали Богу свое «нет».

Лишь после этих многочисленных подтверждений Бог отдал народ

в руки врагов.

Трудно понять, почему мы так упорствуем в своем грехе и называем это свободой.

Трудно понять, почему мы игнорируем все предостережения Бога, а потом обижаемся на Него за то, что Он наконец нас отпускает и предоставляет самим себе.

Перед тем как обвинять Бога в наших бедах, спросим себя: сколько раз Бог предупреждал нас, и сколько раз мы отвечали Ему: «Оставь меня в покое, отстань, отпусти»?

Львы, боги и цари

Ассирийская империя не просто поработала народы, но также смешивала их в комок грязи, путая земли, языки, культуры. Именно ассирийцы начали практиковать массовые депортации, масштабные перемещения целых народов. Людей вырывали с корнями и отправляли в чужую землю. Так они были беспомощнее и послушнее.

Израильтян отправили в Ассирию, а на их место прислали людей из Вавилона, Куты, Аввы, Емафа и Сепарваима.

У каждой этой группы были свои боги, свои традиции. Теперь все это смешалось в общем имперском котле.

Но земля Израилева оказалась самой опасной, она сопротивлялась даже после взятия Самарии и разгрома войска. Уже не было воинов, но теперь сражались львы.

Яростные львы нападали на новых переселенцев-идолопоклонников, которые не чтили истинного Господа. И этих львов

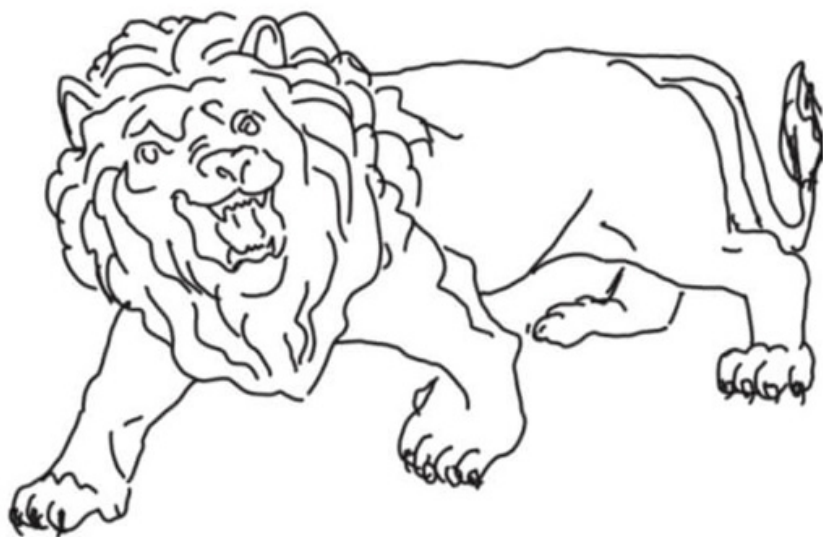
посылал Бог Израилев: «Господь посылал на них львов, которые умерщвляли их» (4 Цар. 17:25).

Царь Ассирийский мог воевать с любой армией, но не умел воевать с природой. Он решил почтить Господа, Бога Израилева, и приказал вернуть израильского священника на родину, чтобы тот учил переселенцев закону Божьему: «Отправьте туда одного из священников, которых вы выселили оттуда; пусть пойдет и живет там, и он научит их закону Бога той земли» (4 Цар. 17:27).

С тех пор самаряне чтут и Бога, и божков. Боясь потусторонних и природных сил, они готовы почитать всех и каждого. Но особенно — «Бога этой земли», в честь Которого рыкают львы, чтить Которого повелевает сам царь.

Так, знание о Боге Едином и Единственном распространилось даже в условиях руины и плена.

Львы служили Богу, цари смирялись пред Ним. И только избранный и любимый народ упорствовал в своем грехе.

Бог или Нехуштан?

Царь Езекия был особенным, «такого, как он, не было между всеми царями Иудейскими и после него, и прежде него» (4 Цар. 18:5).

В чем эта особенность? В решительном отказе от всех идолов, даже самых древних и любимых.

«Он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан. На Господа, Бога Израилева, уповал он» (4 Цар. 18:4–5).

Можно понять Езекию в том, что он уничтожил традиционные места поклонения идолам. Но за что же был уничтожен медный змей, хранившийся в память о чудесах Моисея? За то же самое.

Оказывается, Божий народ не только служил чужим богам, но и создавал идолов из подручного материала, превращал в идолов даже хорошие вещи, памятные и святы.

Медный змей спас народ от поражения в пустыне. Но он был всего лишь орудием в руках Бога и Моисея. Когда не стало Моисея, и когда забыли Бога, помнили только о змее и, вместо Бога, поклонялись уже ему.

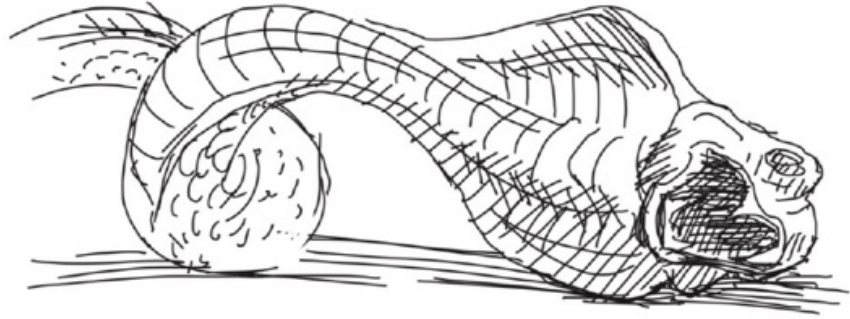
Езекия решил уничтожить все то, что заняло место живого Бога, решил уповать только на Господа, Бога Израилева.

Видимое и подручное оказалось ненастоящим, а настоящее оказалось невидимым. Переход от видимого и привычного к невидимому и неведомому — это и есть переход веры, дерзновение и упование.

Видимых богов больше не было, нужно было вновь учиться верить невидимому Богу, доверять Ему и полагаться на Него.

Нехуштан был образом стабильности. Пусть плохо, но как-то жили. А Бог был вызовом безусловного доверия и страшного риска.

Это стало величайшим испытанием для царя Езекии — сможет ли он доказать всему народу силу своей веры в Единого Бога, сможет ли такая вера защитить Иерусалим от царя Ассирийского?

Неужели Господь спасет?

Мы задаем подобные вопросы довольно часто, сомневаясь в том, что Бог может вмешаться в ход событий на нашей стороне, избавить нас от беды, показать чудо.

Но сомневаться в Боге опасно. Тем более задавать такие вопросы.

В Четвертой книге Царств (18:33–35) этот вопрос задает посланник царя Ассирийского: «Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?.. Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей?»

Задаёт так, чтобы слышали не только доверенные лица царя Езекии, но и весь народ, высыпавший на стены осажденного Иерусалима.

Этот вопрос был унижением для царя и всего народа.

Этот вопрос был унижением Господа, Бога Израилева.

Этот вопрос был ключевым для жизни царя Езекии. Ведь перед этим царь уничтожил всех идолов и теперь мог рассчитывать лишь на помощь Бога Израилева.

Но жив ли еще тот Бог, Который спас из Египта и даровал Землю обетованную? Жив ли еще Господь, помогавший Давиду? Ответит ли Он после всех отступлений и грехов?

Езекия рискнул. Он взял письмо царя Ассирийского и пошел в дом Господень. Развернул это оскорбительное послание перед лицом Господним и начал молиться: «Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господь, Бог один».

Это был последний, отчаянный шаг: просить не о себе, но о победе ради славы Божьей.

Езекия все отдал Богу — и ультиматум царя Ассирийского, и свою жизнь, и судьбу народа, и славу Божью. Теперь все зависело только от Бога.

И Бог ответил: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего».

Хула ассирийцев на Бога спасла Израиль. Наглость врагов погубила их.

Бог не мог не вмешаться ради Своего Имени. Но интересно и то, что рядом с Именем Своим Он поставил имя Давида. Тем самым Он напомнил о завете с Давидом, о завете вечном. Бог спасает и милует. Не по нашим заслугам. Ради Себя и Своих верных.

Ни один человек, говорящий глумливо: «Неужели Господь спасет?», не останется без наказания. Никогда не говори так.

Войско царя Ассирийского было поражено ангелом. Сто восемьдесят пять тысяч остались лежать мертвыми. А сам царь погиб от руки своих сыновей в доме идола Нисроха.

«Ревность Господа Саваофа сделала это».

Царь Езекия потомкам: «да будет мир во дни мои!», а потом «ничего не останется»

«После нас хоть потоп», — так маркиза де Помпадур утешала короля Людовика XV. Они проигрывали войны и расточали казну, утешаясь текущим моментом. Их мало беспокоило, какой будет Франция завтра, и что скажут «благодарные» наследники.

Подобное поведение свойственно не только французскому двору. Так говорили и греки, и римляне: «когда умру, пускай земля огнем горит».

Удивительно, но так же вели себя и библейские герои. Царь Езекия доверял Богу, молился и получал ответы, но не видел дальше своих дней.

Когда угрожали полчища захватчиков или подступала смертельная болезнь, он искренне и сердечно молился, уединялся и плакал «сильно». И Бог жалел его: «Прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет, и от руки царя Ассирийского спасу тебя и город сей, и защищу город сей ради Себя» (4 Цар. 20:6).

Езекия не верит своему везению. Он просит знамение и получает знамение. Все складывается чудесно.

Он снова здоров и весел. Он снова чувствует уверенность. Больше не требуются молитвы. Больше не нужно плакать. Больше не нужно слушать грозного пророка Исаию. Езекия в силе и здравии.

Он принимает послов царя Вавилонского. Показывает им с гордостью свои богатства. Гордится собой и своим царством. Производит впечатление. Ищет благосклонности Вавилона.

Он не говорит Вавилонским посланцам о своем Боге, об источнике своей силы, о секрете своих побед, о чудесном спасении от смертельной болезни. Он хвалится и блистает. Он, царь Езекия, получает подарки от самого царя Вавилонского. Он принят в клуб сильнейших. Теперь он докажет всем, теперь он покажет себя.

Но пророк Исаия приносит плохие вести: «Вот придут дни, и взято будет все, что в доме твоём, и что собрали отцы твои до сего дня, в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. И сынов твоих

возьмут, и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского».

Эти слова поражают. В разгар праздника, на фоне дипломатического успеха.

Но еще больше поражает реакция Езекии: «Благо слово Господне, которое ты изрек! Да будет мир и благосостояние во дни мои!»

Трудно понять, что он имел в виду. Может быть, то, что любое слово Господне благо, и его нужно принять, его нельзя не принять.

А может быть, и то, что царь радуется, что сможет дожить спокойно, что беда придет не сейчас, а после его смерти.

Царь Езекия продолжил заботиться о стране и городе. Провел воду в город, сделал пруд и водопровод.

Но его дети были обречены. И город, для которого он так старался. И страна, которую он спасал, но которую он же и погубил.

Иногда мы так сильно заботимся о спасении себя и своего царства, что забываем о более важном вопросе: а какое наследие мы оставляем потомкам, что останется после нас, что будет с нашими детьми?

Откуда ты такой взялся?

Между отцами и сыновьями — непростая связь. Многое передается, повторяется в детях. Но многое зависит и от других влияний — от друзей, от более глубокой наследственности, от общественных настроений.

Переводя взгляд с отца на сына, мы часто удивляемся: откуда ты такой взялся?

У неплохого царя Езекии вырос нечестивый сын Манассия. Став царем, он вернулся к тем мерзостям, с которыми боролся отец. Даже в храме Господнем он поставил идолов. При нем Израильтяне дожились до такого, что «поступали хуже тех народов, которых истребил Господь от лица сынов Израилевых» (4 Цар. 21:9).

Почему у хороших отцов плохие дети? Непонятно. Как непонятно и другое: почему у плохих отцов бывают хорошие дети?

Сын Манассии был похож на отца. Аммон «делал неуютное в очах Господних так, как делал Манассия, отец его».

Очевидно, ему не стоило бы подражать отцу в идолопоклонстве. Но в плохом подражать легче. «Он ходил тою же точно дорогою, которою ходил отец его, и служил идолам, которым служил отец его».

Какая точность! Самоубийственная точность. Ведь Аммон знал, что отец кончил плохо: «завлек Иуду в грех» и «пролил весьма много невинной крови». Аммон знал, что в летописи царей Иудейских об отце нет иных записей, кроме как «о грехах его, в чем он согрешил».

Тем не менее сын повторяет тот же самоубийственный путь. Не прошло и двух лет, как Аммона убивают его же слуги. А народ убивает тех слуг. Всюду кровь. Кажется, это конец.

И вот на трон восходит Иосия, «сын его, вместо него».

Иосии было всего лишь восемь лет. Но он был другим. Он «ходил во всем путем Давида, отца своего».

Откуда он такой? Почему он равняется не на отца Аммона, но на праотца Давида? Как ребенок может быть таким самостоятельным?

Как и когда каждый из нас делает судьбоносный выбор — продолжать тот же путь или сменить маршрут, подражать плохому или выбрать доброе?

Мы не знаем, как это случается. Но вот что мы знаем: у нас всегда есть возможность пойти другим путем, путем Господним. Этой возможности нас не лишает даже самая плохая наследственность. Это

наша свобода, это наша ответственность.

Исправить повреждения дома

Когда царь Иосия окреп, он решил навести порядок в доме. И начал с дома Господнего, с «исправления повреждений».

Весь дом Израилев лежал в руине. Царя унижала политическая беспомощность и зависимость от соседей, весь народ устал от бесконечных экономических кризисов.

Но начинать реформы нужно было с самого главного — с восстановления дома Господнего, с обновления отношений царя и народа с их Богом.

Иосия начал «исправление повреждений» с камней, не понимая до конца, как далеко все зашло. Он дал серебро каменщикам и плотникам, доверил им реконструкцию храма. Но в процессе работ вскрылись более страшные повреждения, почти непоправимые утраты.

В пыли ремонтных работ первосвященник Хелкия нашел книгу закона. Судя по всему, о ней забыли не только цари и народ, но даже священники. Она могла лежать в заброшенном месте под грудой мусора. Или же могла быть спрятанной в тайнике — подальше от идолопоклонников.

Ясно одно: пока в храме Господнем стоял истукан Астарты, книга закона была под запретом. Ее потеряли или спрятали. Со временем о ней забыли. Никто не искал ее.

Теперь же эту книгу принесли царю и читали перед ним. Только тут Иосия понял, насколько страшны и глубоки «повреждения» в доме и душе: «Когда услышал царь слова книги закона, то разодрал одежды свои. И повелел царь...: пойдите, спросите Господа за меня и за народ» (4 Цар. 22:11–13).

Кого вопрошать? Первосвященник никого не знал. Бог ответил через пророчицу: «Я услышал тебя... не увидят глаза твои всего того бедствия, которое Я наведу на место сие».

Уже было поздно спасти царство, возводить укрепления в столице и восстанавливать стены храма, но еще не было поздно спасти душу народа.

Поэтому царь Иосия собирает всех, от малого до большого, и читает

им слова книги завета. Затем царь «заклучил пред лицом Господним завет последовать Господу... чтобы выполнить слова завета сего, записанные в книге сей». Не только царь — «весь народ вступил в завет». При этом все остатки идолов сожгли, всех жрецов разогнали или закололи.

Иерусалим было поздно спасать, но зато можно было вычистить дома и улицы от мерзостей идольских, от грехов народных. Мы долго читаем перечисление всех уничтоженных идолов. Иосия хорошо поработал. Он обратился к Господу «всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими». Вновь, как в древние светлые дни, царь с народом совершили Пасху Господню.

Царь сделал все, что мог. Но после все этих «исправлений», мы встречаем слово «однако»: «Однако ж Господь не отложил великой ярости». Однако сам царь погибает от рук Египтян. Однако неумолимо близится Вавилонский плен. Однако поздно, слишком поздно спасать Иерусалим.

И все же, царь Иосия сделал важное дело, самое важное, какое мог сделать царь в той ситуации — вернул веру обреченному народу, спас его душу от идолов. Иерусалим будет разрушен, народ будет уведен в плен. Но слова книги закона Божьего останутся в сердцах. Память о Боге и завете с Ним будет жить. И этой памятью будет жить народ.

Мы не можем отменить Божьих судов, но мы можем вернуть Его Слово в центр нашей жизни, мы можем встретить беду с молитвой на устах. Мы не можем спасти дом, который должен рухнуть; царство, которое обречено; мир, который катится в бездну. Но мы можем спасти свою душу, изгнав идолов и обновив завет с Богом.

Вавилонский плен — не наказание, но осознанный выбор

Иерусалим обречен. Цари сменяют друг друга, но почти все продолжают одну и ту же самоубийственную траекторию — от Бога к идолам, от верности завету к своеволию и ситуативным связям.

Царь Египетский убивает Иосию, сына Иоахаза забирает в плен, а второго сына Иоакима делает данником. Иоаким не скорбит об отце и брате. Он продолжает «делать неудобное в очах Господних» и обирать и без того бедный народ. Он утратил чувство реальности, обманывая Бога, себя и других царей. Христос говорил о его потомках: «Род лукавый и прелюбодейный» (Матф. 12:39).

Как только представилась возможность, Иоаким «отложился» от Навуходоносора. Он похож на человека, который знает, что уже погиб, поэтому отчаянно грешит, ловя последние моменты. Он не думает о детях, о наследии, о народе.

Вслед за Египтянами Бог посылает полчища Халдеев, Сириян, Моавитян и Аммонитян (4 Цар. 24:2). Но царь и народ не искали прощения и помощи у Бога. Они шли навстречу гибели, не сворачивая и не просыпаясь.

Уже вскоре его сына Иехонию вместе с народом уведут в Вавилон. В Иерусалиме не останется никого, «кроме бедного народа земли». Кто виноват в этом бедствии? Сами же люди, неверные своему Богу. Ведь измена Богу — это самоубийство. Не Он губит нас, но мы сами губим себя, отвращаясь от Него.

Все это очень похоже на картину последних судов: «И не вразумились, чтобы воздать Ему славу... И хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих» (Откр. 16:9, 11).

В опустевшем и разграбленном Иерусалиме остается «царь» Седекия. У него есть шанс что-то изменить. Но он «делал неудобное в очах Господних во всем так, как делал Иоаким». Так же, как Иоаким, Седекия отложился от Навуходоносора.

Неверный Богу неверен во всем. Седекия изменяет тому, кто его сделал царем. Он кусает руку, которая его кормит. Он утратил остатки разума и даже инстинкт выживания. Иерусалим был взят и сожжен. Войско разбежалось, никто не хотел воевать за безумного и жалкого царя.

Последнее, что увидел Седекия — как резали его сыновей. Затем его ослепили и заковали. Таким был конец Иудейского царства.

Этот конец не был неожиданным. Мы видели, как из поколения в поколение прогрессировало духовное разложение, как цари убивали друг друга, но продолжали все тот же самоубийственный путь.

Странные мы люди: мы так любим «свободу», что готовы даже погибнуть, лишь бы делать то, что хотим.

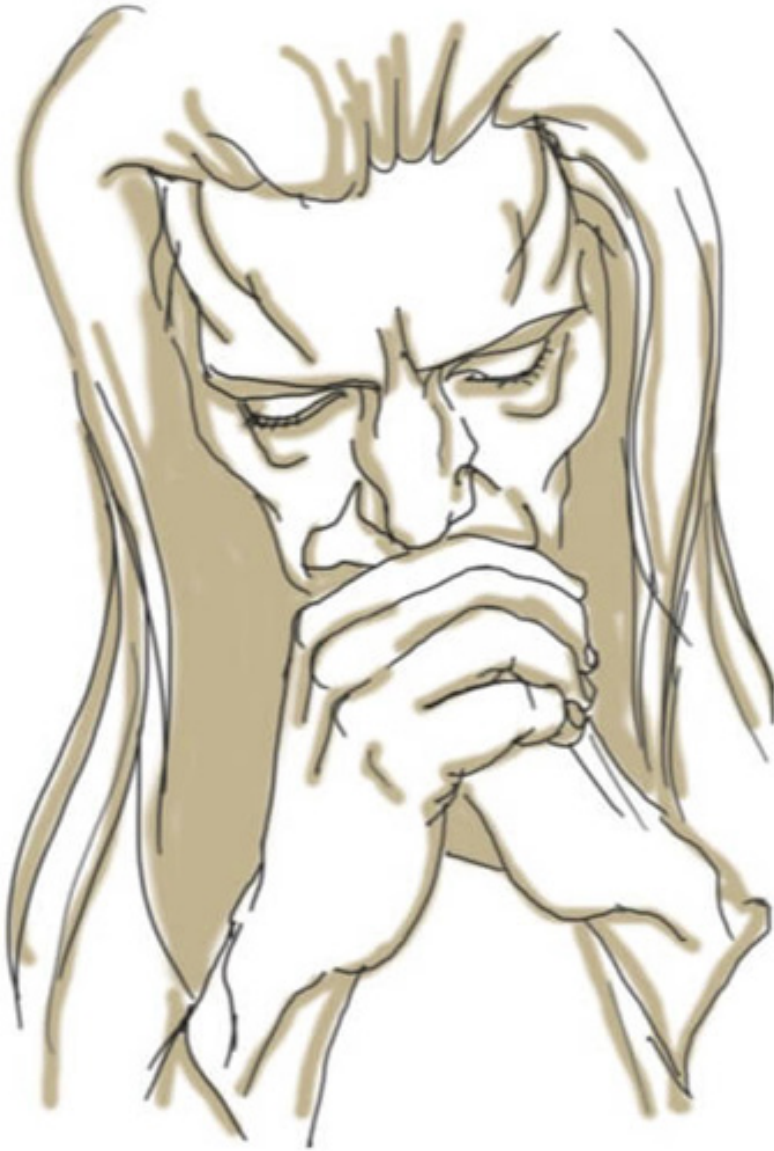
В центре Киева можно увидеть огромные буквы: «Свобода — это наша религия». Видимо, недаром Киев называют «вторым

Иерусалимом». Страну разъедает коррупция. На востоке полыхает война. Казна пуста. Люди голодны. Но мы продолжаем «делать неуютное в очах Господних» и готовы платить за это любую цену: терпеть поражения, морить народ голодом, уйти в плен и даже погибнуть. Не говорите мне, что нас наказывает Бог. Мы лишь пожинаем плоды своего же выбора.

ПОВТОРЕНИЕ УРОКОВ

Загадка Иависа

Молитва Иависа стала популярнее молитвы Господней. В нашей современной культуре, ориентированной на успех, все хотят молиться именно так: «благослови, расширь пределы!» Все видят Иависа глазами Брюса Уилкинсона. А можно ли видеть иначе?

Мы знаем о нем лишь два библейских стиха. Но даже они показывают, что реальная картина была гораздо сложнее, чем наши

современные толкования этой истории как истории успеха.

Мы читаем четвертую главу бесконечных родословий, и вдруг список прерывается краткой историей. Хронист отмечает, что «Иавис был знаменитее своих братьев», но его имя указывало на трудные обстоятельства: «Мать дала ему имя Иавис, сказав: я родила его с болезнью» (1 Пар. 4:9).

И в самой молитве мы также видим намеки на трудности: «О, если бы Ты благословил меня Твоим благословением, распространил пределы мои, и рука Твоя была со мною, охраняя меня от зла, чтобы я не горевал!..»

Иавису не так нужны новые владения, как поддержка Бога, защита от зла, утешение от мук.

О «пределах моих» — одно слово. Больше — о Боге: Ты, Твоим, Твоя.

Эта молитва дерзновенная, но при этом и скромная. Иавис не требует, но просит: «О, если бы!»

Мы не знаем, чем был знаменит Иавис. Возможно, он был знаменит именно своей молитвой. Возможно, он выделялся своими личными качествами. Но трудные обстоятельства его рождения (муки, болезнь) и жизни (зло и горести) заставляли его молиться усерднее других.

Иавис остается загадкой. Но ясно одно: его знаменитость — иного рода, чем известность сегодняшних звезд и успешных лидеров. Он прибегал к Богу, полагаясь на Него полностью: в вопросах безопасности, здоровья, духовной жизни и бизнеса.

Его молитва напоминает прошение Соломона. Оба воззвали к Богу — и тем самым изменили свою жизнь навсегда. Они искали Бога, и вместе с Ним нашли все остальное. И что здесь значат «пределы Иависа»? И есть ли смысл измерять богатство Соломона? Они знамениты своим Богом, Его великодушным ответом, Его щедрым благословением.

Почему первые и сильные проигрывают?

Далеко не всегда первые оказываются верными, а сильные сохраняют лидерство.

Исав был не единственным, кто потерял свое первородство. История первенцев, утративших свое первенство, — очень важный урок для нас. Ведь мы до сих пор думаем, что они были глупее нас, что нас это не коснется. Поэтому считаем, что Израиль утратил свое первенство, а Церковь не сможет утратить, что бы она себе ни позволяла.

Но у Бога нет незаменимых. «Бог может из камней воздвигнуть детей Аврааму» (Матф. 3:9). А потому секира лежит у корня всякого дерева, в том числе нашего. Не стоит думать, что речь идет только об Израиле, ведь все, что было с Израилем — это образы для нас (1 Кор. 10:6).

Вот история Рувима. Рувим был первенцем Израиля. Иаков говорил о нем так: «Рувим, первенец мой! Ты — крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; но ты бушевал, как вода, — не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою» (Быт. 49:3–4).

В результате «первенство его было отдано сыновьям Иосифа» (1 Пар. 5:1). Подобным образом «Иуда был сильнейшим из братьев своих», но «первенство перенесено на Иосифа» (1 Пар. 5:2).

Но вот диво дивное. Те же сыновья Иосифа вели себя вовсе не как новые первенцы.

Мы читаем, как старые и новые первенцы вместе теряют все: достоинство, веру, землю, свободу.

Рувимляне и Гадитяне вместе с половиной колена Манассиина насильственно переселяются в далекую Ассирию. Это те, о которых хронист пишет: «мужи мощные», «мужи именитые» (1 Пар. 5:24).

Что с ними случилось? Ведь они смогли завоевать землю. Почему не смогли ее удержать? Ведь Бог был на их стороне, ведь эту землю они получили от Него. Почему они не воспользовались Его помощью?

Оказывается, «они согрешили против Бога отцов своих и стали блудно ходить вслед богов», и тогда «Бог Израилев возбудил дух»

царей Ассирийских (1 Пар. 5:25–26).

Первые, мощные, именитые теряют все. Потому что грешат против Бога и теряют Его поддержку, потому что начинают «ходить блудно».

Вспомним, что именно блуд был причиной понижения Рувима. Тогда он переспал с наложницей отца. Теперь же его потомки блудят духовно, уклоняясь к чужим богам. И вместе с ними — потомки Иосифа.

Так теряют первенство, силу и доброе имя. Так теряют обетованную землю. Так теряют Бога, а вместе с Ним — все.

Строительница городов. Дочь Шеера — утешение Ефрема

Среди долгих родословий порою встречаются интересные истории. Если читать невнимательно или вовсе пропускать эти скучные страницы, сюрпризов можно не заметить.

Одна из таких историй — о сыновьях и дочери Ефрема.

Ефрем потерял своих сыновей в Гефе. Их убили местные «за то, что они пошли захватить стада их» (1 Пар. 7:21). Отец плакал «много

дней», и «приходили братья его утешать его».

Печальная, но почти обычная история. Зашел на чужую территорию — рискуешь лишиться головы. Но соблазн поживиться чужим добром был сильнее, чем страх смерти.

Шеера, дочь Ефрема, была другой. Она не была грабительницей, она была строительницей.

Мы знаем о ней мало: «Она построила Беф-Орон нижний и верхний и Уззен-Шееру» (1 Пар. 7:24). Но этого достаточно, чтобы задуматься о выдающейся женщине.

В родословиях — сплошь мужчины: воины, священники, левиты. Часто о сыновьях говорится: «люди воинственные». Но эти воинственные люди погибают не всегда на войне, порой — в стычках за стадо или серебро.

А дочь Шеера строит города. И один из них носил ее имя. Города строить — не стада воровать. Ефрему было чем утешиться.

Дай Бог, чтобы воинственные сыновья не погибали в ненужных стычках за чужие стада, но лучше бы пасли стада свои.

Дай Бог, чтобы разумные дочери строили города и наполняли их жизнью.

Дай Бог, чтобы отцы не плакали о погибших, но радовались успехам своих детей.

Заниматься искусством своим

Бог любит порядок. Он дал детальные описания того, что, где, как, когда и кем должно свершаться в Его доме. Порядок в храме был моделью для всего народа и его обыденной жизни.

В частности, каждому роду было уделено свое занятие. Благодаря такому наследственному посвящению можно было добиваться совершенства, передавать тайные знания и ценный опыт из поколения в поколение.

Новые поколения не начинали все с начала, но продолжали дело отцов. Увы, невиданное для наших дней чудо! Как же, должно быть, приятно служить не одиночкой, но частью своего рода, вместе с отцами и братьями!

Благодаря своему посвящению выделялись отдельные роды — «люди отличные в деле служения в доме Божием» (1 Пар. 9:13), а также отдельные люди.

Так, Финеес был известен не только своим отцом Елеазаром и своей начальственной ролью в охране дома Божьего, но еще и тем, что «Господь был с ним» (1 Пар. 9:20).

Господь был не только со стражниками, но также и с верными слугами в других занятиях. Все было важным: и содержание сосудов, и «священные потребности» в муке, вине, елее, благовониях (1 Пар. 9:29).

Одним «вверено было приготовляемое на сковородках», другим — «заготовление хлебов предложения» (1 Пар. 9:31–32). Лишь одни певцы были свободны. Но не для безделья. Напротив, для важнейшего дела.

«Певцы же — главные в поколениях левитских, в комнатах храма свободны были от занятий, потому что день и ночь они обязаны были заниматься искусством своим» (1 Пар. 9:33).

«День и ночь» — это сложнее, чем у стражников, учетчиков, прислужников. Певцы были «свободны» от других занятий, чтобы полностью сосредоточиться на своем призвании.

Мы тоже свободны. Не для себя и своих прихотей, но для Бога

и служения Ему.

Мы свободны от ненужных дел ради своего подлинного призвания.

Мы свободны превратить свое «занятие» в «искусство». Чтобы быть «людьми отличными в деле служения». Чтобы «Господь был с нами» «день и ночь».

Кто и за что убил Саула

Саул не был святым, но вряд ли заслуживал страшной смерти. Примерно так мы все думаем о нем. Он нам почти нравится. И вовсе не ясно: за что?

Но это означает, что мы смотрим не на те поступки и события. Мы помним его высоким и сильным, мы помним его победы. И вдруг мы видим его без головы.

Где же началось его падение? Где тот самый поворотный, роковой момент, с которого его смерть была предрешена?

Мы знаем о Сауле довольно много из первых двух книг Царств. А вот в первой книге Паралипоменон Саулу выделена всего лишь одна глава. И в этой главе — ничего, кроме смерти. Мы узнаем, как были разбиты Израильтяне, как Саул пал на свой меч, как Филистимляне насмеялись над телами царя и его сыновей.

Но главное здесь вовсе не в описании событий. В этой главе есть пугающая ясность выводов, есть моральный и духовный урок: «Так умер Саул за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом, за то, что не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице с вопросом, а не взыскал Господа. За то Он и умертвил его» (1 Пар. 10:13–14).

Саул погиб гораздо раньше, чем вышел на войну. Он убил себя не мечом, но непослушанием.

Не Филистимляне виноваты — Сам Бог «умертвил его».

Это звучит страшно. Но это так. Все, что происходит на полях сражений, — последствия того, что уже случилось в нашем сердце.

С тех пор, как Саул доверил себя не Богу, а волшебнице, он принадлежал миру мертвых, он был во власти тьмы.

Кого мы призываем в самый трудный час? На кого возлагаем надежды?

Любое заигрывание с темными силами обходится слишком дорого.

Перед тем как Саул потерял голову, он заложил свою душу.

В конце концов, оружие Израильского царя стало трофеем в капище филистимских идолов, а его голова украсила храм Дагона.

Саула погубили те самые потусторонние темные силы, к которым он обратился за помощью. Бесы никому никогда не помогли, лишь обманули и погубили.

И Бог не мог помочь, ведь Саул пренебрег Им. Прежде чем Бог оставил Саула, Саул оставил Бога. Бог оставляет человека не раньше, чем человек оставляет Его.

Бог — ревнитель, хотя всегда дает второй шанс.

Но каждая неверность — маленькая смерть. Если ее повторять, как это делал Саул, она может стать большой и окончательной.

Наши победы и поражения, наша жизнь и смерть определяются послушанием или непослушанием Богу.

Сильнейшие и верные Давида

Давид преуспевал и возвышался, потому что «Господь Саваоф был с ним» (1 Пар. 11:9). Примечательно, что Бог Давида здесь именуется Саваофом, «Господом воинств».

Бог воинства подарил Давиду немало храбрых соратников и верных помощников, которые «крепко подвизались с ним в царстве его, вместе со всем Израилем» (1 Пар. 11:10).

Каждый из них стоил сотен. Втроем они прогоняли тысячи. А если на войну отправлялись все тридцать, Давид мог спать спокойно.

Ради царя они были готовы на все. Давид захотел пить? Они пробились сквозь вражеский стан, чтобы зачерпнуть воды из колодезя Вифлеемского. Тогда царь не захотел пить: «Стану ли я пить кровь мужей сих, полагавших души свои!»

В других же случаях он пил: их жизнь, их кровь, их веру, их любовь.

Среди них был быстрый Асаил, который погиб, неотступно преследуя главного врага. Ему предлагали: «Отстань, сверни в сторону!» Но он так хотел скорейшей победы своему царю, что предпочел погибнуть.

Среди них был Урия, который погиб, прикрывая собой царя и его грех.

Все они отдали жизнь добровольно — за царя и царство.

Как спалось Давиду после этого? Как он молился и пел Господу Саваофу с кровью на устах и руках?

И все же Давид любил Господа и любил свое воинство. И все же Господь любил Давида, любили Давида и воины.

Любое земное царство, даже царство Давида — это герои и жертвы, любовь и измены, власть и кровь, почет и страх.

Даже лучшие согрешают.

Даже сильные погибают.

Знать, что когда делать

Когда Давид еще не был царем, когда чаши весов еще колебались, были люди, которые пришли ободрить его и воцарить.

Среди них были храбрые и вооруженные. Среди них были хозяйственные и предприимчивые, обеспечившие «все съестное» для армии.

Но важно и то, что среди них были люди разумные. Таковые выделяются особо: «Из сынов Иссахаровых пришли люди разумные,

которые знали, что когда надлежало делать Израилю, — их было двести главных, и все братья их следовали слову их» (1 Пар. 12:32). В другом переводе сыны Иссахара представлены как «мудрецы, знающие времена, знающие, что нужно делать» (РБО-2011).

Как известно, потомки Иссахара посвятили себя изучению Торы. Согласно легендам, даже в рассеянии они «занимались Торой днями и ночами». Поэтому они распознавали времена: когда время сидеть, а когда — вставать и действовать.

Они увидели в Давиде царя еще тогда, когда дружба с ним могла стоить жизни. Они решили действовать, и за ними последовали «все братья их». Вот, кто воцарил Давида: не мужественные и воинственные, но «люди разумные».

Благословен народ, среди которого есть «мудрецы, знающие время, знающие, что нужно делать». Тогда мудрецы идут впереди, а храбрые и сильные — за ними. Тогда не будет хаоса. Тогда не прольется напрасная кровь. Тогда на троне не будет случайных людей.

Где они, наши мудрецы? Кто нам скажет, что когда делать? Кто поймет наше время?

Своих поражает, чужих благословляет

Давид восстанавливает веру в Израиле. Он хочет вернуть ковчег Божий домой, он хочет вернуть Божье присутствие. Это не только его желание, это желание всего народа.

С этого обращения к Богу и возвращения святыни начинается новое царство. «Потому что во дни Саула мы не обращались к нему» (1 Пар. 13:3). Теперь все будет иначе. Новый царь будет чтить Бога и символы завета.

И вот ковчег возвращается. Давид и все Израильтяне «играют пред Богом из всей силы». Народ радуется.

Но здесь случается нечто странное. Когда Оза, достойный сын левитского рода, «простер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волы наклонили его», он падает мертвым. Бог не благодарит Озу за помощь, но наказывает.

Песни и пляски прекращаются. Давид опечалился и устранился. Он больше не хочет везти ковчег к себе и оставляет святыню в доме Аведдара Гефянина на целых три месяца. И здесь вновь случается неожиданное: то, что поразило Озу и устранило Давида, чужаку принесло благословение. «Благословил Господь дом Аведдара и все, что у него».

Как так? Царь расстроен. Верный слуга поражен смертью. А Гефянин купается в благословениях.

Видимо, Гефянин был почитателен к Всевышнему настолько, что не пытался «помочь» Богу, как Оза. Скорее всего, он не шумел, не пел и не играл, как Давид.

Аведдар Гефянин принял ковчег с чистым и спокойным благоговением. Без страха и паники. Без суеты и празднования.

Он отдал свой дом Богу тогда, когда все ворота в округе были закрыты. Он впустил ковчег и Бога ковчега в свою жизнь, жизнь чужого, постороннего, маленького человека. Он увидел в явлении ковчега нечто большее, чем веру Израиля. Он распознал в Боге Израиля Единого и Единственного.

Аведдар Гефянин — один из многих чужаков, которые оставлены

нам в пример. Филистимляне и моавитяне, египтяне и вавилоняне, римляне и эфиопы поклонялись Богу Израиля как своему Богу. Тем самым они помогли всем нам понять Бога не как «нашего», родоплеменного или национального божка, но как Творца всего мира и Господина всей истории. Помня об этих историях, мы можем повторить слова апостола Петра: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10:34–35).

Бог удивительный. Он не чуждается никого, Он входит в дом Гефянина и наполняет его благословениями.

Теперь мы знаем: каждый «чужой» может быть благословлен, каждый «свой» может быть наказан.

Слава и величие, могущество и радость

В наших отношениях с Богом есть место и страху, и радости. Он велик и внушает благоговение. Он благ и милостив, а потому заслуживает любви.

Когда Давид возвращает ковчег в скинию, народ ликует. Все помнят о недавних печальных событиях: смерти Саула и поражении его войска, гибели Озы и всеобщем смущении. Но сейчас время праздновать обновление завета, возвращение святыни домой, возвращение Божьего присутствия.

У всех есть что кушать: царь раздал хлеб, вино и даже мясо. Но не это главное.

Все заполняет музыка. Лучшие левиты славословят Бога. Давид руководит этим прекрасным хором и дает им псалом: «Пойте Господу, вся земля, благовествуйте изо дня в день спасение Его» (1 Пар. 16:23).

Это благовестие соседствует с напоминанием об устрашающем величии Бога: «Ибо велик Господь и достохвален, страшен паче всех богов» (1 Пар. 16:25).

Наш Бог особенный, Он страшен, но при этом добр.

О ком еще можно сказать: «Слава и величие пред лицом Его, могущество и радость на месте Его» (1 Пар. 16:27)?

Как все это совместить? Никакая система не вместит. Поэтому Давид не проповедует, а поет, поют левиты и весь народ.

В каждый момент неистовой радости их не покидает благоговейный страх.

В наших мыслях и песнях о Боге всегда должны сочетаться «слава и величие, могущество и радость».

Как напоминал Льюис в своих «Хрониках Нарнии», «Аслан — не

ручной лев».

Иногда мне кажется, что мы слишком заигрались в любовь к Богу и забыли о страхе, увлеклись Его подарками и забыли о Его величии.

Возможно, трудности и беды нужны в том числе для того, чтобы восстановить баланс этих чувств.

Бог не сидит, но ходит

Давид получил царство, но теперь боится его потерять. Он не может забыть высокого и сильного Саула, который лишился враз короны и головы. Как сделать так, чтобы не потерять поддержку Бога и не погибнуть?

Давид решает построить дом Богу, чтобы Бог был всегда рядом, чтобы все видели непобедимый союз Бога и царя. Но слышит в ответ нечто странное: «Я не жил в доме с того дня, как вывел сынов Израиля, и до сего дня, а ходил из скинии в скинию и из жилища в жилище» (1 Пар. 17:5). Еще интереснее в переводе РБО-2011: «Не было у Меня дома — Я жил в шатрах и скинии».

Бог дает понять Давиду, что Он живет со своим народом, разделяя тяготы странствий. Ему не нужен особый дом — Он посещает дома людей.

Бог видит настоящее желание Давида — обустроить царский дом, укрепить царство. Поэтому, так и быть, «Господь устроит тебе дом» (1 Пар. 17:10).

Давид говорит: «Я построю Тебе дом». А Бог ему: «Спасибо, но Я привык без этого. А вот тебе помогу, твой дом устрою».

Еще раз: Богу дом не нужен. Бог не сидит и не спит, Он ходит от жилища к жилищу, Он в постоянном движении.

Он согласился бывать и в будущем храме, но не забыл и дома простых людей. Он не против помочь богобоязненному царю, но не всегда и не во всем. Он ужинает у мытаря Закхея, не чурается общества грешников. Он посещает дома скорби. Он не откажется зайти и к нам.

С Ним уютно и в палатке, и в странствии. С Ним можно выжить в Египте и Вавилоне.

Как хорошо знать, что Бог не остался где-то там, не умер вместе с разрушенным храмом, но живет и ходит между нами. Каждый дом может быть храмом, если его посещает Бог.

Свои победы посвящай Господу

Не все знали, в чем секрет Давида, его силы и успеха. Люди верующие понимали: «Господь помогал Давиду везде, куда он ни ходил» (1 Пар. 18:13). Люди неверующие впечатлялись личностью царя и спешили заключить с ним союз.

Как поведет себя Давид при всех своих победах? Не возгордится ли от успеха? Не поверит ли он в себя больше, чем в своего Бога?

К чести Давида, он все свои победы посвятил Господу. Ничего не присвоил. Все трофеи и подарки он отдал настоящему Победителю: «Посвятил их царь Давид Господу» (1 Пар. 18:11).

Он переплавил множество чужих изделий и сделал «море», столбы и сосуды. Он пополнил сокровищницы храма. Он вернул Богу все, что собрал у врагов.

Одно из величайших искушений — присвоить победу, дарованную Богом. Присвоить славу, которая принадлежит единственно Всевышнему.

Давид показывает хороший пример того, как нужно вести себя в головокружительные минуты успеха. Посвяти Богу все завоеванное — и ты никогда ничего не утратишь. Отдай Ему всю силу и славу — и никогда не будешь постыжен. Если все твое и ты сам отдано Богу, Он позаботится обо всем лучшим образом.

Лишь тот, кто все отдал Богу, не узнает горечь и стыд поражений.

Держа в руках кубок чемпиона, взобравшись на достойное место, заработав достаток и почет, поспеши посвятить это Господу. С Ним приобретешь еще больше. Без Него все потеряешь.

Доброе слово об Иоаве

Иоав был человек непростой. Опытный интриган, но сильный воин. Безжалостный, но верный делу. Коварный, но мужественный.

Иоав возглавлял войско и был настолько успешным, что Давид мог спать спокойно даже при самых тяжелых битвах.

Мы часто читаем о том, как Иоав идет на войну и добывает победу. Но редко слышим его голос. Но был и такой случай, когда Иоав говорит сильные и мудрые слова. Это тот случай, который открывает нам Иоава не просто как исполнителя воли Давида, но как самостоятельного зрелого лидера.

Иоаву «предстоит сражение спереди и сзади» против Аммонитян и их союзников. Врагов собралась тьма. Одних колесниц — тридцать две тысячи. По идее, при такой угрозе Давид должен был объявить чрезвычайное положение во всей стране, должен был возглавить войско.

Но на поле боя царя Давида нет. Иоаву приходится рассчитывать на себя. Как он себя поведет?

Он выбирает себе самое опасное направление — выступает против Сирийских наемников, а брату Авессе приказывает защищаться против Аммонитян. Братья занимают круговую оборону.

При этом Иоав говорит слова, достойные истории: «Если Сирияне будут одолевать меня, то ты поможешь мне, а если Аммонитяне будут одолевать тебя, то я помогу тебе. Будь мужествен, и будем твердо стоять за народ наш и за города Бога нашего, — и Господь пусть сделает, что Ему угодно» (1 Пар. 19:12–13).

Иоав и Авесса сражаются спиной к спине. Они готовы умереть в бою. Они не мечтают — они доверяют Богу свое будущее.

Давид имел право гордиться такими полководцами.

Все сомнительное, что делал Иоав, не лишает его славы мужественного, верного и верующего воина.

«Будем твердо стоять... и пусть Господь сделает, что Ему угодно». Это правильная и сильная позиция для любых жизненных ситуаций. Выполнить свой долг, не требуя ничего взамен. Биться до последней

капли крови даже в окружении превосходящих сил противника. Исповедовать доверие Богу тогда, когда глаза боятся и руки опускаются. Иоав был героем. Рискну сказать, что он был не только героем войн, но и героем веры. Без веры такие битвы не выигрывают.

Иоав прорывает линию противника в самом сильном месте. Сирияне бегут. За ними бегут и Аммонитяне. Еще одна чудесная победа. Еще один повод Давиду сочинить хвалебную песнь.

Иоав сделал свое дело и пропадает из хроники до следующей битвы. И все же он персонаж немаловажный, его пример поучительный.

Тот, кто может сказать: «Господь пусть сделает, что угодно», — настоящий воин, воин царя Давида, воин Господа Бога.

Усмирить великанов

Мы боимся больших и сильных, самоуверенных и наглых. Они возвышаются и смеются над нами. Они лишают нас достоинства, парализуют нас страхом.

Но есть сила бо́льшая, чем страх. Это ревность и дерзновение веры.

Воины-профессионалы на это почти не способны. Победить великанов может лишь тот, кто верит в чудо, кто не смирился с унижением, кто видел сильную руку Божию.

Таким был юный Давид.

В то время как все Израильтяне, увидев Голиафа, «убегали от него и весьма боялись», пастушок недоумевал: «Кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого?» (1 Цар. 17:24, 26).

Давид верил в силу Божью и потому не пугался громадного роста этого Рефаима. Его пример вдохновил других Израильтян бросить вызов великанам Рефаидам.

Так, Совохай Хушатянин поразил Сафа, а Елханан — Лахмия. Был еще «рослый человек, у которого было по шести пальцев, всего двадцать четыре. И он также был из потомков Рефаимов. Он поносил Израиля, но Ионафан, сын Шимы, брата Давидова, поразил его» (1 Пар. 20:6–7).

От великанов не стыдно убежать. Но если эти гиганты «поносят» Божий народ, смеются над нашей верой и нашим Богом, то у нас не остается выбора, кроме как призвать имя Божье и поразить их мечом или кулаком, словом или камнем.

Слуги Давида поразили великанов, и «они усмирились».

Так весь мир узнал, что кроме силы великанов есть сила веры, доступная даже для простых людей.

Так Израиль обрел свободу, а Бог Израиля был прославлен и возвеличен.

Как бы глаза ни боялись, как бы колени ни тряслись, мы должны всегда помнить: сила веры сильнее, чем вера в силу.

Иногда математика — грех

Давиду мало было царствовать, воевать и сочинять псалмы. Он решил заняться математикой: исчислить свой народ и извлечь из этих чисел максимальную выгоду.

Историки путаются, кто именно «возбудил» Давида сделать перепись Израильтян: Господь (2 Цар. 24:1) или сатана (1 Пар. 21:1). Но оба варианта согласны в том, что это решение царя было плохим и было связано с «восстанием сатаны» и «гневом Господа».

Господь допустил, а сатана очень постарался, чтобы Давид проявил свои до поры скрытые амбиции в математике. Царь решил учесть и присвоить, записать на свой счет и «поставить на счетчик» каждого Израильтянина: «Пойдите исчислите Израильтян, от Вирсавии до Дана, и представьте мне, чтоб я знал число их» (1 Пар. 21:2).

Это не понравилось даже прагматичному Иоаву. Военачальник вступает в спор с царем: «Да умножит Господь народ Свой во сто раз против того, сколько всего есть... Для чего же требует сего господин мой? Чтобы вменилось это в вину Израилью?»

Обратим внимание: Иоав напоминает Давиду, что народ принадлежит не царю, но Богу. Математика — Божественная наука. Бог может умножить народ и укрепить царство. Это не во власти царя.

Но царь хочет освоить Божественную науку, хочет умножения цифр, доходов, побед, власти. Царь зашел слишком далеко. «И не угодно было в очах Божиих дело сие, и Он поразил Израиля».

Язва забрала жизнь семидесяти тысяч человек. Статистика ухудшилась в один день.

Царь кается. Родственники хоронят погибших.

Иногда математика может быть грехом. Когда мы считаем людей своей собственностью. Когда мы исчисляем власть, богатство и силу, забывая, что мы лишь слуги Господа Бога.

Мы, люди, способны лишь на действия «отнять» и «поделить». От наших самоуверенных действий — одни потери. Мы знаем лишь

математику греха. «Прибавить» и «умножить» может только Бог. Это Его наука, наука приумножения и благословения, недоступная ученым и царям.

Нам остается лишь слушаться Божьих законов и не придумывать свою личную математику.

Произвол одного человека стоил жизни семидесяти тысячам. Наши игры в науку и власть обходятся слишком дорого. Они греховны, потому что претендуют на принадлежащее Богу. Они смертельно опасны, потому что нарушают законы жизни.

Иногда быть умным — значит быть послушным. Это все, что нам надо. Но, увы, цари всегда хотят большего.

«Буду я заготавливать»

Давид хотел построить дом Богу, но Бог не позволил. Слишком много было войн и крови. Не Давиду строить храм.

Но Давид мог помочь тому, кто будет строить. Он мог заготовить материал для своего сына, чтобы тому осталось лишь начать и закончить.

«Итак, буду я заготавливать для него», — решил Давид. «И заготовил Давид до смерти своей много» (1 Пар. 22:5).

Сколько это, «много»? «Я при скудости моей приготовил для дома Господня сто тысяч талантов золота и тысячу тысяч талантов серебра, а меди и железа нет веса, потому что их множество; и дерева и камня я также заготовил, а ты еще прибавь к этому» (1 Пар. 22:14). Это обращение Давида к сыну показывает великую эстафету веры и служения. Отец приготовил — сын добавил и построил.

Царь Давид смирился со своей ролью заготовителя, подготовителя.

У царя Соломона будет более почетная роль строителя. Но оба царя, лучшие из лучших, были всего лишь предтечами будущего события. Из их рода произойдет Мессия. Он станет настоящим Храмом и будет жить среди людей во всей непосредственности. И эта история продолжается. Мы все готовим возвращение Мессии, мы все трудимся для Его Царства.

Не каждому из нас дано стать строителем, царем, победителем. Но каждый может приготовить нечто нужное для тех, кто сможет построить дом, храм, царство.

Мы можем подражать Давиду, который позаботился о будущем сына и всего народа. Давид сделал все, что мог, чтобы сын реализовал его мечту: «Золоту, серебру, и меди, и железу нет счета: начни и делай; Господь будет с тобою» (1 Пар. 22:16).

Что приготовили мы? Что мы делали в своей жизни: тратили или собирали, расточали собранное отцами или заготавливали для потомков?

Скажем вместе с Давидом: «Буду заготавливать!»

Найти место Моисею

Давид, «состарившись и насытившись жизнью», решил привести в порядок дела царские и духовные. Трон передает Соломону, а заботу о храме — священникам и левитам.

Несколько самоуверенно царь заявляет собравшимся князьям и левитам о том, что пришло время упорядочить старые традиции, «приземлить» их, вписать в новый «контекст»: «Господь, Бог Израилев, дал покой народу Своему и водворил его в Иерусалиме навеки, и левитам не нужно носить скинию» (1 Пар. 23:25–26).

Служителям осталось лишь заботиться о храме, который вскоре будет построен по решению царя.

Интересно наблюдать, как царь хочет все упорядочить: он проводит перепись населения, считает своих воинов, а затем и священнослужителей. Он хочет, чтобы во всем был порядок, и в центре порядка был он — царь.

Все левиты исчислены, расписаны по родам, распределены по функциям. Особая роль отводится сыновьям Аарона. Но вот вопрос: куда же прописать Моисея? Величайшему герою места не нашлось.

В царском порядке таким особенным людям специального места нет. И его вписывают в общую категорию левитов: «А Моисей, человек Божий, и сыновья его причтены к колену Левиину» (1 Пар. 23:14).

«Божий человек» не вписывается в наши структуры, в царский порядок, в общую классификацию. На то он и «Божий».

Моисей бы не удивился и не расстроился. Он был принцем в Египте. Он был лидером Израильского народа. Но прежде всего он был «Божьим человеком». Это высший титул, о котором стоит мечтать даже царям.

Бросить жребий

Давид распределяет священников на служение. Видимо, даже здесь царю пришлось вмешаться, так как каждый почитал себя первым, более достойным и важным.

Давид не проявляет свою волю либо симпатию, но ищет воли Божьей через жребий: «Распределял же их по жребию...: глава семейства наравне с меньшим братом своим» (1 Пар. 24:5,31).

Далее наступает черед музыкантов. Давид вместе с начальниками войска отделяет на службу сыновей Асафа, Емана и Идифуна (1 Пар. 25:1).

Певцы служили «по наставлению» (1 Пар. 25:2) и «по указанию»

(1 Пар. 25:6) царя. Но череду служения определял жребий, так что не было места никакому лицеприятию — «малый наравне с большим, учителя наравне с учениками» (1 Пар. 25:8).

Сегодня мы почти забыли этот старый способ распределять и выстраивать людей. Мы превратили жребий в игру, отдав себя в руки капризной судьбы. Мы всего лишь «играем», оставляя за собой право волевого решения.

Но в древности было иначе. Тогда люди искали воли Божьей, и жребий был простым, но действенным инструментом в познании этой высшей воли.

Сегодня вопрос не в том, бросаем ли мы жребий. Вопрос глубже: ищем ли мы воли Божьей и готовы ли довериться Его плану?

Готов ли я бросить жребий?

Не первенец, но главный

История Израиля поражает не только большими событиями, но и людьми, причем иногда людьми малыми и почти неприметными.

Здесь каждому находится место. Здесь никто не забыт, здесь имена продолжают жить в последующих поколениях. Об одних семьях вспоминают как о «людях сильных» (1 Пар. 26:6–7) или «мужественных» (1 Пар. 26:30–31), о других — как о «людях прилежных и к службе способных» (1 Пар. 26:8–9, 12, 32).

Некоторые заслужили индивидуальную характеристику: так, Захария, сын Шелемии, назван «умным советником» (1 Пар. 26:14).

Примечательно, что в этой истории есть место не только первенцам, не только первым по рождению и происхождению.

О Шимри из сыновей Мерариных слышим как о главном: «Шимри главный, — хотя он не был первенцем, но отец его поставил его главным» (1 Пар. 26:10).

Эта история избранного Божьего народа прекрасна и удивительна уже тем, что в ней есть место для всех нас: первых и восьмых, богатых и бедных, знатных и простых.

Наш Отец нелицеприятен, Он избирает и поставляет главным того, кто достоин — кто готов проявить способности к службе, кто рискует быть мужественным, кто учится быть сильным.

У каждого из нас достаточно шансов выделиться и стать главным в своем деле для Бога.

Не поусердствует ли кто еще жертвовать?

Давид «всеми силами» заготовил для дома Господнего все потребное, а к собранному приложил и свои личные сокровища.

Он показал всем достойный пример «любви к дому Бога».

И лишь после этого задает вопрос собравшимся начальникам народа: «Не поусердствует ли кто еще жертвовать сегодня для Господа?» (1 Пар. 29:5).

Начальники царю никогда не откажут. Особенно, если видят в царе вдохновляющий добрый пример. Они собрали еще больше, чем пожертвовал на строительство сам царь.

Все это от сердца, не из страха. Народ видел и оценил.

«И радовался народ усердию их, потому что они от всего сердца жертвовали Господу, и царь Давид весьма радовался» (1 Пар. 29:9).

Никто не плакал, отдавая свое золото и серебро. Все радовались. Это удивительная картина, обличающая нас, боящихся отдать Богу зажатый в потном кулаке рубль или доллар.

Люди отдали все свои сокровища и от этой отдачи еще больше радовались. Почему? Для чего?

Хорошо сказал Давид: «От Тебя все, и от руки Твоей полученное мы отдали Тебе... Все это множество, которое приготовили мы для построения дома Тебе, святому имени Твоему, от руки Твоей оно, и все Твое... Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечие... Сохрани сие навек — сие расположение мыслей сердца народа Твоего, и направь их сердце к Тебе» (1 Пар. 29:14, 16–18).

Мудрый старый Давид показал всем, что он не держится за свою власть и свое богатство. Он отдал трон и отдал золото. Он показал, Кому служил всю свою жизнь, для чего собирал сокровища и земли. Его итог был богатым и щедрым, насыщенным и легким.

Вопрос Давида обращен и к нам: «Не поусердствует ли кто еще жертвовать сегодня для Господа?». Сегодня. Для Господа.

Мгла и свет Божественной славы

Храм, который построил Соломон, не стал золотой клеткой для Бога. Бог не стал ручным, придворным, удобным.

Соломон понимал, что Бог обитает «на небе», он повторяет это (2 Пар. 6:21, 23, 25, 27, 30, 33, 35, 39) как напоминание себе и народу. И даже «небо и небеса небес» не вмещают Его (2 Пар. 6:18).

Богом нельзя управлять. В Нем всегда есть избыток, который опрокидывает наши столы и схемы.

Так было и в Соломоновом храме. «...дом Господень наполнило облако, и не могли священники стоять на служении по причине облака, потому что слава Господня наполнила дом Божий. Тогда сказал Соломон: “Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле”» (2 Пар. 5:13–14, 6:1).

Мудрый Соломон понял, что Бог всегда остается Богом и открывается людям лишь в меру. Бог не хочет стать вещью для нашего пользования или предметом для нашего познания.

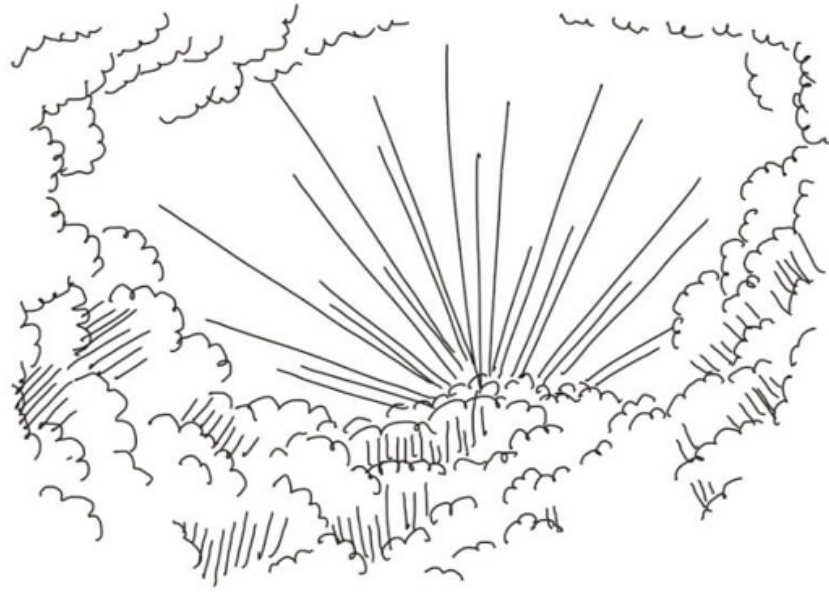
При этом Бог не хочет и ослепить нас полностью, Он щадит нас. Он ослепляет нас слегка и временно — чтобы приучить к новому видению.

Поэтому Его окружает свет и окутывает мгла. Освещение храма было именно таким — сочетанием и чередованием света и тьмы.

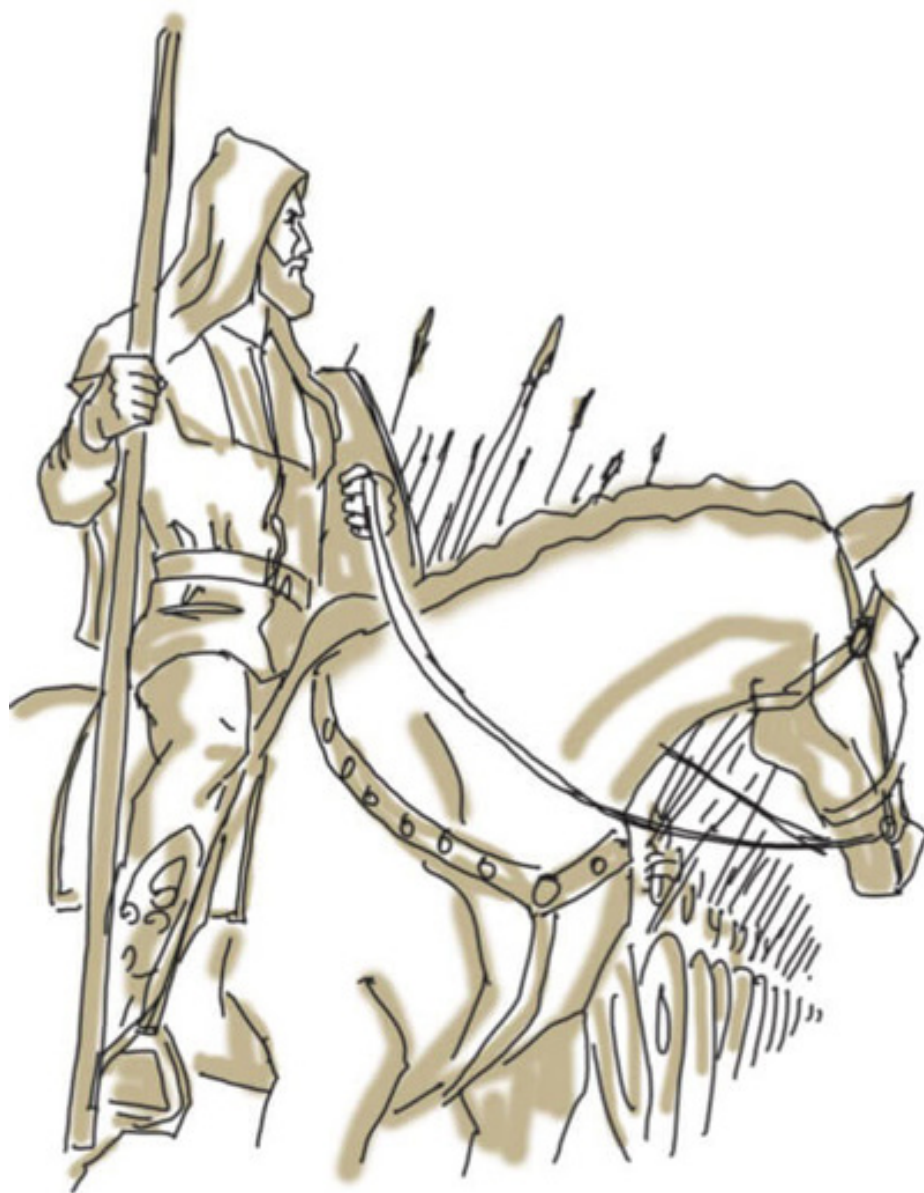
Соломон чувствовал присутствие Божье во мгле, в непрозрачности пространства. Апостол Павел говорит не о мгле, а о свете, но свойства этого света — похожие. Апостол именует Бога как Того, «Который обитает в непреступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16).

Для Бога и в Боге мгла и свет — одно и то же. Его слава превосходит возможности нашего восприятия, так что Его явление нас ослепляет. В этой временной слепоте есть место опыту света и опыту мглы. Мы приучаемся уверять в невидимом и осуществлять ожидаемое.

Мы приступаем к Богу в облаке Его славы. Здесь нельзя говорить, здесь можно петь. Здесь нельзя видеть, здесь можно верить. Здесь нельзя понимать, здесь можно переживать.

Не воюйте с Господом

Авия, сын Ровоама, был подобен отцу: смирялся и побеждал в дни трудные, но после побед зазнавался и грешил. Все как обычно.

И все же один эпизод заслуживает особенного внимания.

Авия выходит на битву с Иеровоамом — продолжая войну своего отца, защищая его честь. Он обращается к врагам с несколько

странной речью, в которой признает слабость и ошибки своего отца: «Ровоам же был молод и слаб сердцем» (2 Пар. 13:7). С такой речью трудно утешить врага и мотивировать свое войско к победе.

Авия не боится говорить так, потому что уповает не на себя и свое имя, доставшееся от отца, но на Бога и Его верность потомкам Давида. «Вас великое множество и у вас золотые тельцы... А у нас — Господь, Бог наш... Не воюйте с Господом» (2 Пар. 13:8, 10, 12).

Иеровоам не слушал Авию и начал битву. Он верил в силу: его войск было в два раза больше. Но один Господь сильнее множества. И даже слабые цари, потомки слабых отцов, могут быть сильными тогда, когда уповают на Бога.

Этот эпизод приукрашивает историю Авии. Жаль, что он не имел продолжения. Жаль, что начав с победы в дни слабости, Авия растратил свои трофеи в идолопоклонстве и грехе.

Жаль, что всю оставшуюся жизнь он воевал с Господом, и потому неизменно проигрывал.

«Еще»

Царь Аса был похож на своих отцов: на Авию и Ровоама. Все они были успешны в своем начале. Они начинали в трудных условиях, а потому смирились перед Богом и побеждали врагов с Его помощью.

Царство Ровоама было крепким три года — ровно столько, сколько он ходил путем Давида и Соломона (2 Пар. 11:17). Остальные четырнадцать лет он грешил и проигрывал.

Царствование Авии длилось три года. Он одержал большую победу благодаря помощи Божьей, но затем погряз в идолопоклонстве.

Правление Асы продолжалось сорок один год. И начало его было также хорошим: царь уничтожил идолов и восстановил закон Божий. Историк повторяет, что при нем сперва все было спокойно: «Земля покоилась десять лет», «спокойно было при нем царство», «Господь дал покой ему» (2 Пар. 14:1, 5–6).

Царь Аса понимал, что это временно, что это незаслуженная милость Божья, поэтому спешно строил города, возводил стены и башни. Он воспринимал это как спасительный перерыв в бесконечных войнах, как паузу для восстановления сил и веры: «Земля еще наша, потому что мы взыскали Господа, Бога нашего; мы взыскали Его, — и Он дал нам покой со всех сторон» (2 Пар. 14:7).

В это время покоя была воссоздана мощная армия. И уже вскоре она понадобилась.

Ефиопляне вышли с сильнейшим войском и были разбиты.

Автором этих побед был не царь, хотя он сделал все, что мог, для укрепления обороноспособности своей страны. Секрет был в другом — в уповании Асы на Бога. Царь не стеснялся признаваться в бессилии и молиться на виду у всех так, как молится юноша перед кровожадным гигантом: «Господи! Не в Твоей ли силе помочь сильному или бессильному? Помогите же нам, Господи, Боже наш: ибо мы на Тебя уповаем и во имя Твое вышли мы против множества сего» (2 Пар. 14:11).

История разделенного царства идет по трагическому пути, скоро

будут новые поражения, разруха и плен. Но пока Бог дает перерыв, защищает и благословляет.

Мы не можем отменить Божьих планов в отношении мира или отдельной страны. Но мы можем выпросить у Него паузу.

«Земля еще наша». Бог еще с нами.

«Еще» — это значит так много. Еще наше время. Время, когда возможны добрые перемены.

Наши предки и потомки ответят перед Богом за свое время. Но для нас еще есть время.

Еще можно жить. Еще можно побеждать. Еще можно верить.

Пока мы верим, всегда будет «еще».

Пророчество Азарии

Мы почти ничего не знаем об Азарии, сыне Одеда. Но его пророчество звучит очень сильно и актуально для всех, кто живет в канун великих бедствий.

Царь Аса делает все, что может, для спасения своего народа. Он смело и успешно ведет войны. Еще отважнее и решительнее уничтожает идолов. Но что он может сделать перед лицом грядущих судов? Что он должен сделать — из чувства ответственности перед своим народом и своим Богом? На что он может решиться по вере, по дерзновению веры, в отчаянной решимости?

Бог не желает, чтобы мы мучились в домыслах, он посылает пророка Азарию.

«Тогда на Азарию, сына Одедова, сошел Дух Божий, и вышел он навстречу Асе и сказал ему: “Послушайте меня, Аса, и весь Иуда, и Вениамин: Господь с вами, когда вы с Ним; и если будете искать Его, Он будет найден вами; если же оставите Его, Он оставит вас. Многие дни Израиль будет без Бога истинного, и без священника учащего, и без закона; но когда он обратится в тесноте своей к Господу Богу Израилеву и взыщет Его, Он даст им найти Себя. В те времена не будет мира ни выходящему, ни входящему, ибо великие волнения будут у всех жителей земель; народ будет сражаться с народом, и город с городом, потому что Бог приведет их в смятение всякими бедствиями. Но вы укрепитесь, и пусть не ослабевают руки ваши, потому что есть возмездие за дела ваши”» (2 Пар. 15:1–7).

Мы не знаем, что еще сказал и сделал Азария за свою жизнь. Но уже этой проповеди достаточно, чтобы войти в историю.

Слова пророчества Азарии очень сильно напоминают то, что скажет Христос о последних днях (Матф. 24, Марк. 13). Эти слова звучат не только апокалиптически, но и мессиански.

Пророк рисует страшную картину: не будет мира нигде, будут лишь великие волнения, смятения и бедствия. Но самое плохое в другом: в эти темные времена народ Божий останется без духовного руководства — без священника, без Бога истинного, без закона.

И все же для верных и верующих не все потеряно: «Господь с вами, когда вы с Ним; и если будете искать Его, Он будет найден вами» (2 Пар. 15:2). Иными словами, даже в самую мрачную эпоху у Бога есть Свои люди, и Он действует через них, давая людям надежду и шанс на спасение, сохраняя преемственность веры, блюдя Свой остаток.

Поэтому проповедь Азарии не должна отчаивать. В конце своего обращения пророк призывает собраться и действовать: «Но вы укрепитесь, и пусть не ослабевают руки ваши, потому что есть возмездие за дела ваши» (2 Пар. 15:7).

Проповедь имела большой успех. Царь Аса собрал всех людей в Иерусалим и обновил завет с Богом. Интересно, что «многие Израильтяне перешли к нему, когда увидели, что Господь, Бог его, с ним» (2 Пар. 15:9).

Если до того Аса побеждал силой оружия, то теперь он побеждал силой веры: к нему переходили без принуждения, с миром и доверием, т. к. видели в нем веру и силу Божию. Это самый простой и действенный способ примирения и объединения разделенных народов.

Да, Иерусалим окружен врагами со всех сторон. Да, будущее пугает.

Но в этот день на улицах царит веселье: люди клянутся в верности Богу и обретают то главное, ради чего можно умирать и во имя чего можно побеждать.

«И радовались все Иудеи сей клятве, потому что от всего сердца своего клялись и со всем усердием взыскали Его, и Он дал им найти Себя. И дал им Господь покой со всех сторон» (2 Пар. 15:15).

Пророк Азария сказал то, что нужно услышать и нам, живущим в конце времен. Уже не только Иудея, но и весь мир охвачен великими волнениями и бедствиями. Уже близится итог всеобщей истории.

Но теми, кто ищет, Бог может быть найден. Прямо посреди бури, прямо посреди мрака. И если Он будет найден, мы обретем покой, что бы ни происходило вокруг, что бы вот-вот ни грозило.

Когда Иерусалим обретает своего Бога, он вновь становится городом мира, даже окруженный врагами, даже обреченный на руины и плен.

Пророк Азария сказал царю Асе самое важное — не о войнах с врагами, но о мире с Богом.

Ты не можешь побеждать во всех битвах, ты не можешь одолеть всех врагов, ты не можешь исправить кривизны истории, ты не можешь спасти свой народ от бедствий.

Но ты можешь спасти свою веру. И это единственный способ спасти твой народ.

Сильное слово Анании

У Бога много своих людей всегда и повсюду.

Они выходят в нужный момент, словно из ниоткуда, выполняют поручение, а затем куда-то исчезают.

Пророк Азария ободрил царя Асу. Он вышел навстречу царю и сказал речь, которая изменила ход войны в пользу Иудеев. Он принес победу и покой своей земле на долгие годы.

Но затем все меняется. В борьбе с Израильским царством Аса прибегает к помощи Сирии. Он достигает временного успеха. Но какой ценой? Он расплачивается с наемниками золотом и серебром из дома Господня. Он пренебрегает Господом Богом.

Мы бы сказали, что победителей не судят, но у Бога было иное мнение.

И вот теперь к царю приходит некто прозорливец Ананий. И он говорит слова весьма неприятные: «Так как ты понадеялся на царя Сирийского и не уповал на Господа, Бога твоего, потому и спаслось войско царя Сирийского от руки твоей. Не были ли Ефиопляне и Ливияне с силою большею и с колесницами весьма многочисленными? Но как ты уповал на Господа, то Он предал их в руку твою. Ибо очи Господа обзирают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему. Безрассудно ты поступил. За то теперь будут у тебя войны» (2 Пар. 16:7–9).

Я вижу в этом слове шанс для царя. Если бы Аса раскаялся, Господь продлил бы милость. Но царь разгневался. Кто посмел называть его безрассудным? Он привык быть победителем и всемудрым правителем. Он забыл, Кто подарил ему победы и мир.

Прозорливец Ананий попал в тюрьму, а царь Аса заболел и умер.

Историк говорит, что у царя даже в конце жизни был шанс обратиться к Богу за помощью, «но он в болезни своей взыскал не Господа, а врачей» (2 Пар. 16:12).

Слово Анании — это не приговор, это последнее предупреждение всем, кто забывает о Боге и прибегает к помощи наемников, кто расплачивается за свой временный успех вечными святынями, кто

ожесточает сердце и закрывает рот Божьим посланникам.

В словах пророка есть и надежда для всех тех, кто способен слышать. «Ибо очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему» (2 Пар. 16:9). Я помню и храню эти слова с раннего детства. Бог видит наши сложные ситуации и всегда готов прийти на помощь. Все может измениться вдруг и полностью.

История Асы могла закончиться иначе. Он мог победить. Он мог выздороветь.

Пусть слова прозорливца Анании сопровождают нас по жизни и спасают от безрассудных решений, пусть наше сердце будет с Богом, пусть наши уши слушают и слышат Божьих посланников.

Помогать — но не всем, любить — но не всех

Писание учит нас любви ко всем. Но есть исключение.

Иосафат, царь Иудейский, преуспел во всем. Народ его любил и засыпал дарами (2 Пар. 17:5). Соседи уважали и дорожили миром (2 Пар. 17:10–11). Сам Господь был на стороне царя (2 Пар. 17:3, 5).

При таком успехе, при множестве «богатства и славы», «крепостей и городов для запасов», «людей военных, храбрых», царь Иосафат начал терять чувство реальности.

Он, разрушитель Ваалов, высот и дубрав, породнился с величайшим идолопоклонником и коварным врагом — царем Израильским Ахавом. Ему льстило заискивание соседа, устроенный роскошный прием и обещание большой победы над Сириянами. Он засиделся в Иудее, ему хотелось приключений и все новых успехов.

Так что на вопрос Ахава: «Пойдешь ли со мной на Рамоф Галаадский?», Иосафат отвечал не задумываясь: «Как ты, так и я, как твой народ, так и мой народ: иду с тобою на войну!» (2 Пар. 18:3).

Поддержали Ахава и пророки, ослепленные духом лжи и подачками царя.

И это была большая ошибка. Царь Иудейский едва не погиб, а царь Израильский умер от многочисленных ран.

С последним все понятно: он был изменником Богу и получил неизбежное воздание. Но этот рассказ вовсе не об Ахаве, здесь главный герой — Иосафат. Здесь главный герой — хороший царь, который попал в плохую компанию, пошел не тем путем и оказался не в том месте.

Лишь чудом Иосафату удалось спастись. Он кричал от страха: «Я не он, я не Ахав!» Прославленный царь и победитель просил пощады и поспешно бежал с поля битвы.

Прозорливец Ииуй, сын Анании, выходит навстречу растерянному царю и поясняет ему случившееся: «Следовало ли тебе помогать нечестивцу и любить ненавидящих Господа? За это на тебе гнев от лица Господня» (2 Пар. 19:2).

Мы не должны любить ненавидящих Господа. Мы не должны

принимать от них дары. Мы не должны сидеть за одним пиршественным столом. Мы не должны идти на их войну. Иначе путь идолопоклонников погубит не только их, но и нас.

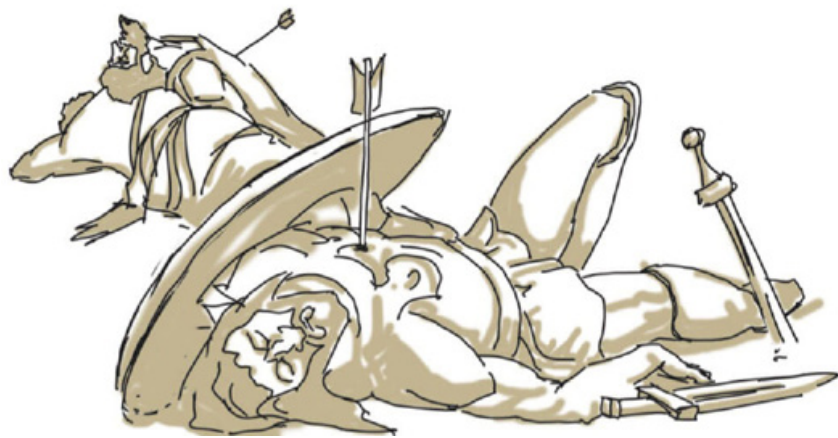
Не вам сражаться — стойте и смотрите!

Царь Иосафат всегда побеждал чудом, выпрашивая победу у Бога. Как только он начинал хитрить по-человечески, мудрствовать по-царски, он проигрывал. Как только слушал пророков — спасался.

Так было и в те трудные дни, когда против него собралось «множество великое» Аммонитян, Моавитян и жителей горы Сеира. Хронист не скрывает, что царь «убоялся». Но этот страх привел к тому, что царь «обратил лицо свое взыскать Господа и объявил пост по всей Иудее» (2 Пар. 20:3).

Иногда страх спасает, если он заставляет «умолять Господа» (2 Пар. 20:4). И это не стыдно даже для царя: прибегать к Господу за помощью, выпрашивать у Него спасение.

Молитва Иосафата звучит совсем не по-царски: «Мы не знаем, что делать, но к Тебе очи наши» (2 Пар. 20:12). Это признание беспомощности, молитва слабых. Но только такая молитва может спасти, молитва полного смирения и полного доверия. Мы не знаем, но Ты знаешь. Мы не можем, но Ты можешь.

И Бог отвечает на эту мольбу прямо здесь же, на общем собрании. Дух Господень сходит на левита Иозиила и говорит: «Не бойтесь... Не вам сражаться на сей раз; вы станьте и смотрите на спасение Господне, посылаемое вам» (2 Пар. 20:15, 17).

Не пришлось даже ничего делать, все сделал Бог. Не пришлось даже

готовиться к битве. Вместо этого царь и его люди начали прославлять Бога воинств, «хвалить Господа голосом весьма громким» (2 Пар. 20:19).

Все это странно. Никто не готовит оружие к бою, все играют и поют, молятся и танцуют. Никакого плана. Никакой стратегии.

Утром Иудеи выступили на войну с песнею: «Славьте Господа, ибо вовек милость Его!» (2 Пар. 20:21). Не пришлось ничего делать, только петь.

Иногда песни, хвалы и прославления Господу достаточно для полной победы. «В то время как они стали восклицать и славословить, Господь возбудил несогласие между Аммонитянами, Моавитянами и обитателями горы Сеира, пришедшими на Иудею, и были они поражены» (2 Пар. 20:22).

Царь вернулся в Иерусалим с тем же, с чем и вышел: с «веселием», «благословением Господа», «псалтирями, и цитрами, и трубами» (2 Пар. 20:26–28). А в придачу — с чудной победой и «великой» добычей.

Мы не всегда знаем, что делать. Но нам и не нужно знать. Нужно другое — обратить к Богу очи и сердца, смириться и славословить.

Когда мы отдаем Богу наши страхи и беды, Он дарит нам праздники и победы. Он говорит: «Не вам сражаться! Не мешайте, не суетитесь. Стойте и смотрите. Радуйтесь и веселитесь. Я покажу вам Свою силу, Я покажу вам Себя».

А народ за что?

Царь Иорам был царем плохим. Он заслуживал самого строгого наказания. За убийство своих братьев и князей. За то, что «ввел в блужение жителей Иерусалима и соблазнил Иудею». За то, что породнился с домом Ахава, женившись на дочери этого печально известного идолопоклонника.

И вот он получает письмо от пророка Илии, в котором говорится так: «За то, что ты... за то, вот, Господь поразит поражением великим народ» (2 Пар. 21:12, 14). И только после этого пророк говорит о наказании самого царя: «Тебя же самого — болезнью сильною» (2 Пар. 21:15).

Нам кажется, что именно с последнего следовало бы начинать — пусть страдает нечестивый царь. Это все он. Он «ввел в блужение», он «соблазнил». За что же народ?

Но пророк Илия передает слова Господни. Как бы пророк ни сострадал народу, он должен сказать правду. А правда в том, что люди должны бояться Бога больше, чем царя. И если они грешат вместе с царем, — потому что страшно или потому что нравится, — они заслуживают наказания вместе с царем.

До того как царь Иорам заболел и умер страшной смертью, вся Иудея была разграблена, почти весь царский дом был уведен в плен.

Народ страдал за грехи свои и за грехи царя так сильно, что после смерти Иорама некому было его оплакивать, некому было сжигать благовония. Царь сгнил заживо, его внутренности выпали. Никто не сострадал, никто не помолился о нем и его спасении.

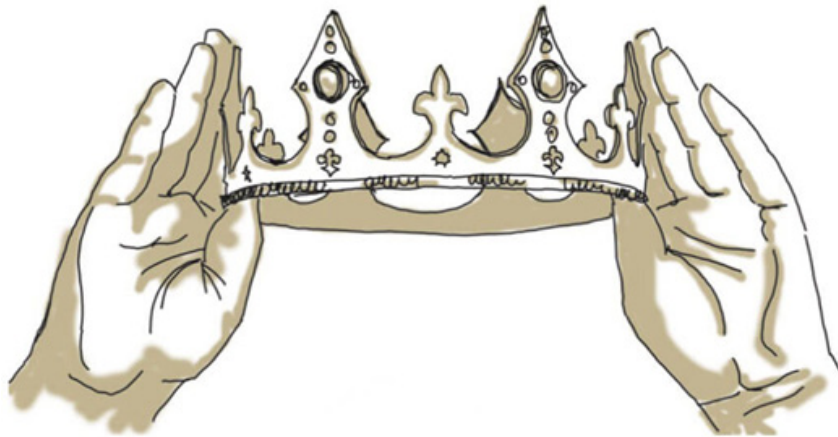
Люди жестоки. Они слушались царя, пресмыкались перед ним, грешили вместе с ним. А потом бросили его тело в яму — без всяких почестей.

Они так ничего и не поняли. Они всю вину переложили на царя.

Бог будет наказывать Свой народ снова и снова — не столько за грехи царя, но за грехи народа. А народ будет снова и снова показывать пальцем на царя и говорить: «Это все он. А нас за что?»

Иодай: когда священник почти царь

Иодай — один из самых удивительных героев Библии. Обычный священник стал спасителем царя и царства, регентом и реформатором. В самые темные времена он дал народу обновление и надежду, вернул веру и обновил верность.

Началось с того, что он спас малолетнего Иоаса от убийц и скрывал его шесть лет в храме. В то время как нечестивая и кровожадная Гофолия «царствовала над землею», священник растил будущего царя.

На этом Иодай не остановился. Он не просто спас наследника, он сделал его царем. Он не боялся «политики», он «делал политику»: он использовал духовную силу для общественных перемен.

В нужный момент священник собрал левитов из всех городов Иудеи. Они стали армией Иодая и с оружием в руках защищали Иоаса.

И это не все. Священник не просто сверг безбожную Гофолию и вернул народу законного царя — Иодай «заключил завет между собою и между всем народом и царем, чтобы быть им народом Господним» (2 Пар. 23:16).

Священник Иодай понимал, что хороший царь может стать плохим, что народ может вновь обратиться к идолопоклонству. Поэтому он разрушает истуканы и жертвенники.

Иодай очищает дом царя, восстанавливает дом Божий, успокаивает землю, возвращает народу веселие (2 Пар. 23:21). Он сам женит царя,

заботится о его семье, о благочестивом потомстве, о преемственности.

Настоящим царем был не Иоас, но Иодай. Его так и похоронили: «в городе Давидовом с царями, потому что он делал доброе в Израиле и для Бога, и для дома Его» (2 Пар. 24:16). Священник-царь прожил сто тридцать лет, «насытился днями жизни».

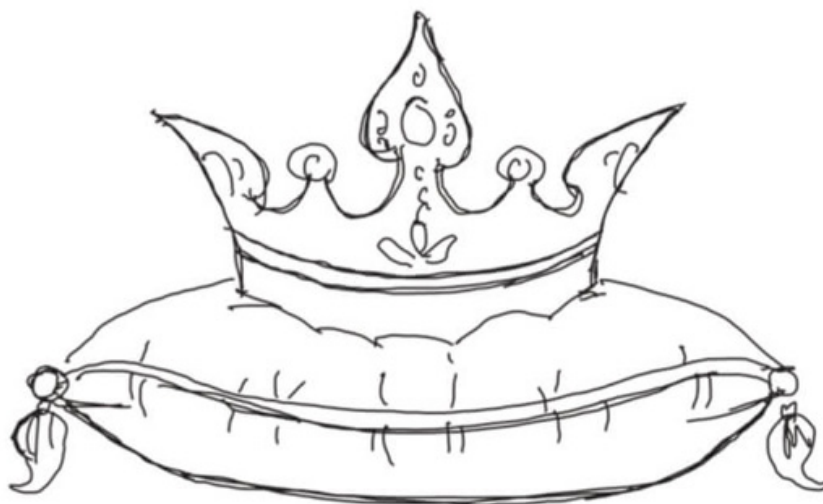
А вот царь Иоас закончил плохо. Он начал слушать князей, которые ввели народ в идолопоклонство. Пророков он не слушал. Дошло до того, что Иоас приказал побить камнями Захарию, сына Иодая. Все воспитание и все добро пошло прахом. Все реформы остановились.

При сильном священнике царь был на своем месте. Оставшись один, Иоас потерял голову. Его расположением завладели не те, кто говорили правду, но те, кто кланялись и льстили, хитрили и грешили (2 Пар. 24:17).

За грехи царя был наказан весь народ. Сирияне малыми силами разгромили Иудею, убили князей, забрали добычу и судили Иоаса. Царь мучился унижением и болезнью. Но на этом все не закончилось. Он был убит рабами «за кровь сына Иодая священника» (2 Пар. 24:25). В царских гробницах ему места не нашлось.

О священнике Иодае осталась иная, добрая память. Он был погребен с почестями царскими. Его дело продолжили дети. Его пример вдохновляет и нас, живущих в последнее и самое темное время.

Пример священника-царя учит нас не бояться «политики», но смело брать ответственность за царя и царство, бороться с идолами, авторитетно представлять власть Бога во всех сферах жизни.

Верный знак скорой гибели

Мы часто видим в истории Израиля повторяющийся сюжет: молодой царь начинает хорошо, но заканчивает плохо. Так было и с Иоасом. Великий реформатор разорил свое царство вконец, богобоязненный юноша превратился в последнего идолопоклонника.

Где пролегла та роковая черта, когда случилось это страшное превращение? Когда умер священник Иодай, защитник и наставник. «Делал Иоас угодное в очах Господних во все дни Иодая священника» (2 Пар. 24:2).

Иодай защищал царя не только от врагов, но и от внутренних греховных склонностей. Когда же царь остался без своего учителя, он перестал слушаться Бога и стал слушаться своих князей.

Так было и с его сыном Амасией. Вначале он «делал угодное в очах Господних» (2 Пар. 25:2). Но есть «но»: «но не от полного сердца». А это значит, что он мог слушать Бога, а мог и не слушать.

Когда он послушал человека Божьего, то победил Идумеян (2 Пар. 25:6–12). Когда не послушал обличение пророка, то потерпел сокрушительное поражение от Израильтян (2 Пар. 25:15–27).

Пророков Божьих было слушать непросто. Они всегда говорили непредсказуемые речи. Поэтому царь Иоас слушал князей, а пророков побивал камнями. Поэтому царь Амасия кланялся идолам, а пророкам затыкал рот.

Это был сознательный выбор царей — слушать идолов и не слушать Бога. И в этот момент непослушания Богу жизнь и царство начинали катиться под откос.

Когда цари переставали слушать Бога и Его пророков, когда начинали слушать льстецов и нечестивцев, они приговаривали себя к гибели, они убивали себя своими собственными руками, своими собственными решениями, своим собственным непослушанием.

Поэтому пророк перестает спорить с царем Амасией и предоставляет его самому себе: «Знаю, что решил Бог погубить тебя, потому что ты сделал сие и не слушаешь совета моего» (2 Пар. 25:16).

Царь не слушает пророка. Царь не слушает никого, кто говорит

неприятные правдивые речи.

Последнее предупреждение прозвучало из уст врага, от царя Израильского: «Вознеслось сердце твое до тщеславия. Сиди лучше у себя дома. К чему тебе затевать опасное дело? Падешь ты, и Иудея с тобой» (2 Пар. 25:19).

Эти слова не остановили, лишь разъярили. Царь перестал слушать, он упрямо шел навстречу поражению и смерти.

Когда человек не слушает Божьего обличения или совета, это верный знак скорой гибели. Так было с Иоасом, так было с Амасией. Так будет с каждым.

Поэтому «кто имеет уши слышать, да слышит!»

Проказа Озии и разделение властей

Среди прочих царей Иудейских Озия выделялся неутомимой деятельностью на благо страны и народа. Что он только ни сделал: и врагов усмирил, и войско вооружил, и машины военные придумал, и стены городов отстроил, и башни воздвиг, и водоемы иссек, и скот в обилии развел. Царь освоил все, что только можно. К своему царскому титулу он добавил почетные звания земледельца, садовода, скотовода, изобретателя, полководца...

И здесь, на пике, случается нечто плохое. Царь заходит слишком далеко, вторгается в чужую сферу. Как пишет историк, «когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом, Богом своим, ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам» (2 Пар. 26:16). Царь захотел подчинить себе последнюю оставшуюся сферу — стать духовным вождем и установить с Богом прямой контакт.

Священники воспротивились этому и напомнили царю, что это сфера вне его власти: «Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников» (2 Пар. 26:18).

Но царь уже не слышал. Он так привык осваивать и подчинять все сферы, что не мог отступить. Тогда Бог показал всем Свою верховную власть: прямо у алтаря царя поразила проказа. Лишь тогда царь «поспешил удалиться» (2 Пар. 26:20).

С тех пор прокаженный царь жил в отдельном доме. Его больше не называли великим садоводом, военным инженером, устройтелем городов. Его называли одним словом — «прокаженный» (2 Пар. 26:23).

Эта история напоминает о том, что храм принадлежит Богу и только Богу. А также о том, что Бог общается с людьми на Своих условиях и не терпит царского самовольства.

Царская власть не может быть абсолютной, она ограничена властью Божьей. И есть особая власть — власть священников как представителей власти Божьей. Бог их поставил рядом с царем — как ограничение, как дополнение, как предупреждение.

Библия учит о разделении и ограничении властей. Потому редкие

цари ее читают и любят. Тем хуже для царей.

Успех и неудача царя Иоафама

Мы встречаем в библейских хрониках жизнеописания многих неоднозначных героев. Как правило, мы видим взлеты и падения. Но есть редкие исключения.

Царь Иоафам занимает в истории скромное место. В печальной истории почти непрерывного упадка Иудейского царства у Иоафама было особое место, он будто выпадает из этой истории, опровергает ее собой.

Царь прожил недолгую, но очень достойную жизнь — сорок один год, из которых шестнадцать лет на троне. Прежде всего, он «делал удобное в очах Господних» (2 Пар. 27:2). При этом он активно укреплял царство и благополучие народа. Он обновил храм, отстроил Иерусалим, даже «в лесах построил дворцы и башни» (2 Пар. 27:4). И если было нужно, то воевал — решительно и победоносно, так что сделал данниками заклятых врагов Аммонитян.

На фоне бед и поражений царствование Иоафама выглядит хорошим исключением. Секрет его успеха прост: «Так силен был Иоафам потому, что устроил пути свои пред лицом Господа, Бога своего» (2 Пар. 27:6).

Но была большая неудача. Этой неудачей был царский сын Ахаз. Все то, что отец собирал и укреплял, сын разрушил.

Он проиграл все сражения и потерял почти все земли. При этом он не вспомнил о секрете своего отца — он упорно игнорировал Бога и окружил себя многочисленными идолами.

«И в тесное для себя время он продолжал незаконно поступать пред Господом, он — царь Ахаз» (2 Пар. 28:22). Ахаз раздал сокровища храма наемникам, а сам дом Господень запер. Он поклонялся богам своих соперников, он заискивал перед сильными. Но все было тщетно.

Ахаз умер в тридцать шесть, увидел своих детей и жен пленными, свою землю разоренной, свою честь растоптанной. Для него не нашлось места в гробницах царей Иудейских, рядом с отцом.

Ахаз правил столько же, сколько и отец — шестнадцать лет. Но если отец шестнадцать лет строил, то сын шестнадцать лет разрушал.

Все достижения царя Иоафама были растрчены его же сыном.
А что если бы царь Иоафам построил на один город меньше, но
уделил больше времени воспитанию своего Ахаза?

Ели досыта, и многое осталось

«Ели досыта, и многое осталось». О чем это? Это очень напоминает чудеса Илии, Елисея, Иисуса. Мы хорошо помним эти истории, но пропускаем еще одно чудо, случившееся во дни царя Езекии.

Время было темное. От отца Ахаза досталось плохое наследство: пустая казна, разрушенные города, опустошенная земля, брошенный храм. И при этом множество идолов. Что делать, за что браться?

Царь Езекия начинает с самого главного: он истребляет идолов и восстанавливает службу в доме Господнем.

Все, что тратилось на жертвы идолам и царские прихоти, теперь посвящалось Богу. В голодное и трудное время люди оказались необычайно щедрыми: «Нанесли сыны Израилевы множество... и наложили груды, груды. В третий месяц начали класть груды, и в седьмой месяц кончили» (2 Пар. 31:5–7). Когда царь увидел все это, он удивился: откуда такое богатство в столь бедное время?

Ответ первосвященника достоин полной цитаты: «С того времени, как начали носить приношения в дом Господень, мы ели досыта, и многое осталось, потому что Господь благословил народ Свой. Из оставшегося составилось такое множество» (2 Пар. 31:10).

Комнаты при храме были очищены от идолов и наполнены дарами Господу. Чем больше было людских даров Господу, тем больше было даров Господних людям. Никто не остался голодным, отдавая последнее в храм. Все насыщались и радовались. Все удивлялись и вдохновлялись.

«И радовался Езекия и весь народ о том, что Бог так расположил народ, ибо это сделалось неожиданно» (2 Пар. 29:36). В те времена люди видели много чудес, но даже для них это «сделалось неожиданно». У Бога в запасе много приятных сюрпризов.

То, что случалось во дни Илии, Елисея, Езекии, Иисуса, может случаться и в наши дни. Если дом Божий будет завален горами наших даров, то наши желудки, сердца и дома пустыми не останутся.

Распознать Божьих пророков

Наблюдая за гибелью древнего Иудейского царства, мы должны видеть в этой истории не столько обреченность или предопределенность, сколько выбор людей, их упорство в грехе.

В конце этой печальной истории хронист выводит моральный урок, в котором мы ясно видим благодать Божью и самоубийственное упорство людей: «...Все начальствующие над священниками и над народом много грешили... И посылал к ним Господь, Бог отцов их, посланников Своих с раннего утра, потому что Он жалел народ Свой и Свое жилище. Но они издевались над посланными от Бога и пренебрегали словами Его, и ругались над пророками Его, доколе не сошел гнев Господа на народ Его, так что не было ему спасения» (2 Пар. 36:14–16).

Бог давал шансы даже самым отпетым грешникам. И Бог щедро благословлял тех, кто делал хотя бы шаг в Его сторону.

Иосия был последним достойным царем, великим реформатором. Он использовал все возможности для того, чтобы обратить свой народ к Богу отцов.

Он искал Божьего слова, искал в Божьем слове спасение и надежду.

Он полюбил книгу закона и с готовностью внимал пророкам.

Он и сам стал пророком, потому что лично читал книгу завета народу и увещевал всех следовать уставам Господним.

Тот, кто ищет слова Божьего, будет внимателен к Божьим посланникам и пророкам. Иосия был таким.

Он слушал всех своих добрых советников и всех пророков, кто бы они ни были и что бы они ни говорили. Он слушал даже пророчицу Олдану, чьи корни, согласно преданию, уходят к легендарной Раав (2 Пар. 34:22), и принял ее грозное пророчество со всей серьезностью.

Но однажды он не смог распознать Божьего посланника, и это погубило и его самого, и его царство.

Оказывается, Божьим пророком может быть не только таинственная Олдана или совсем молодой Иеремия. Пророческое слово может нести даже враг — египетский фараон Нехао.

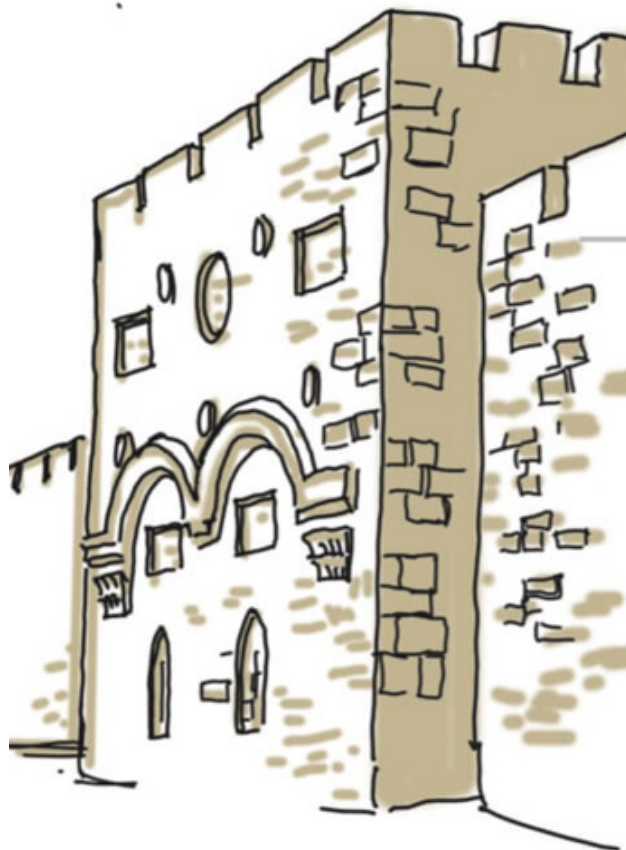
Фараон спешит на другую войну и просит Иосию отойти в сторону, дать дорогу: «Не против тебя теперь иду я, но туда, где у меня война. И Бог повелел мне поспешать; не противься Богу, Который со мной, чтоб Он не погубил тебя» (2 Пар. 35:21).

Но Иосия «не отстранился и не послушал слов Нехао от лица Божия». Благочестивый царь не понял и не принял слова Божьего из уст фараона. На той чужой войне Иосия погиб, а с ним погибла надежда Иуды.

Иногда Бог говорит через наших врагов, которые, если прислушаться и послушаться, могут оказаться вовсе не врагами.

Если мы готовы слушать Бога, то придется научиться видеть и слышать Его посланников везде и всегда, «с раннего утра».

ВОССТАНОВИТЕЛИ РАЗВАЛИН

Кир Персидский — восстановитель Иерусалима

Библия рассказывает не только о создании и разрушении, творении и падении. Ее самые удивительные страницы говорят о восстановлении.

Так, Книга Ездры повествует о том, как Бог восстанавливает храм и общину в Иерусалиме. Можно подумать, что речь идет о новом исходе, что Бог будет выводить Свой народ из Вавилона так, как вывел из Египта. Но нет. У Бога есть множество способов, как спасти Свой народ и восстановить святые развалины.

Бог разрушил Вавилонскую империю оружием Кира Персидского. А затем возбудил дух царя и вложил в его уста неожиданные слова: «Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь, Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, — да будет Бог его с ним, — и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа, Бога Израилева, Того Бога, Который в Иерусалиме» (Ездр. 1:2, 3).

Эта прекрасная проповедь произвела сильное впечатление. Иудеи отправились строить. А их соседи принялись жертвовать и помогать.

Все началось неожиданно. Не пришлось даже просить — тем более воевать.

Первый стих книги говорит, что инициатором всего этого был Бог: «Возбудил Господь дух Кира».

Только Бог может восстановить разрушенное.

И только Бог может использовать для этой цели чужих царей.

Кир никогда не был в Иерусалиме и никогда не знал его Бога. Но Бог знал Кира, и хорошо знал, как возбудить его дух на дела праведные.

Разрушитель Вавилона стал восстановителем Иерусалима.

С кем мы строим храм?

Сотрудничество — хорошее слово. Приятно видеть, когда люди откладывают в сторону вражду и амбиции, чтобы трудиться вместе. Напротив, печально наблюдать, как недоверие, подозрительность, зависть, гордость мешают общему успеху.

Без сотрудничества можно выживать, но полноценно жить — нельзя. Можно построить себе хижину, но храм — не выйдет.

Книга Ездры рассказывает интересную историю о том, как возвратившийся из плена народ объединяется для восстановления храма Божьего. Люди были разделены, жили пленниками в чужих городах, потеряли все связи. Но вот наступил особый момент, когда «собрался народ, как один человек, в Иерусалиме» (Ездр. 3:1).

Лишь вокруг храма люди становятся народом, лишь в деле Божьем, в служении Богу, в труде для Него примиряются все противоречия.

Когда люди объединяются вокруг храма, они становятся непобедимыми. Как можно разрушить это единство? Разбавив его, разложив, подорвав изнутри чужими элементами.

Так было и в этот раз. «Враги Иуды и Вениамина» предложили свое сотрудничество: «Будем и мы строить с вами» (Ездр. 4:1, 2).

Враги пришли не как враги, но как возможные сотрудники, как партнеры. У них были столь нужные ресурсы и «связи». И они не выглядели совсем чужими: даже жертвы Богу приносили, или делали вид, что приносили.

Но Зоровавель и Иисус от сотрудничества отказались: «Не строить вам вместе с нами дом нашему Богу; мы одни будем строить дом Господу, Богу Израилеву» (Ездр. 4:3).

В этот момент улыбка с лица «сотрудников» исчезла. И они стали открыто противодействовать возведению храма. Они настроили царя Артаксеркса против Иудеев. Царским декретом все работы были остановлены и заморожены.

Чего добились Зоровавель и Иисус? На строительство наложен запрет. Иерусалим объявлен городом мятежным. Партнеры стали врагами.

Все это так. За веру и верность, за отказ от сотрудничества с врагами приходится платить. Но храм будет построен. Рано или поздно, но он будет построен на правильном основании. Все жертвы, все руки, все камни будут чистыми.

Можно построить быстрее — но это будет не храм.

Можно сотрудничать с врагами — и тогда будем строить для них.

Можно принимать всех — и потерять свою особость, избранность.

Иногда лучше строить медленнее, но без компромиссов. Иногда лучше ждать, но не продаваться.

Если мы сотрудники Бога, то все другие сотрудничества должны быть подчинены Его цели. Нам не нужны быстрые результаты. Нам не нужны дешевые и простые решения.

Бог Сам строит Свой храм. И при этом иногда проверяет нас: насколько мы доверяем Ему, насколько боимся врагов, насколько страшимся царей. Проверяет, делаем ли мы быстро или делаем все правильно.

Бог призвал нас к сотрудничеству и дорожит этими отношениями. Среди Его сотрудников нет случайных людей, тем более врагов.

Зная, что нас не взять лобовой атакой, враг часто предлагает нам «посотрудничать». Мы можем смело ответить: это не наш храм и не наш «бизнес», мы не можем принимать случайных и посторонних людей.

«Не строить вам вместе с нами». Мы не позволим разрушить храм Божий изнутри. Вы можете воевать. Вы можете запрещать. Вы можете штурмовать. Но вы не можете называться нами и разрушать изнутри наше дело.

Стоит спросить себя: что мы строим, с кем мы строим? Если мы строим храм Божий, то как мы должны беречь внутреннее единство и что мы должны отвечать на предложения внешних «посотрудничать»?

Почему второй храм построили чужие цари?

Храм Божий намного больше, чем «наш» храм, чем храм для «нашего» Бога. Драматичная история Иерусалимского храма напоминает об этом.

Первый храм решил построить царь Давид. Но Бог ему не позволил.

Сын Соломон осуществил задуманное отцом, но уже вскоре потомки отступили от Бога и потеряли все: и страну, и столицу, и храм.

Второй храм решает построить чужой царь — Кир Персидский. Не по своей воле, но в исполнение воли Божьей. В своем царском декрете он говорит об этом прямо: «Так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь, Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее» (Ездр. 1:2).

Это удивительное признание высшей власти над собой. Мы не находим таких признаний у последних царей дома Давидова, и потому они выпадают из истории, становятся добычей других, более послушных и тем самым более великих.

А вот чужой царь Кир был послушен пророкам и Богу. Он и сам стал пророком, принимая и провозглашая волю Божью: «Во исполнение слова Господня из уст Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он повелел объявить по всему царству своему, словесно и письменно...» (Ездр. 1:1).

С этого начинается история второго храма, «во исполнение слова Господня» и по царскому велению.

Но не все цари послушны Богу. Некоторым кажется, что их власть наивысшая. А некоторые думают только о своей казне.

Царь Артаксеркс останавливает строительство храма. Пятнадцать лет все зарастает травой, пятнадцать лет ждут милости царя.

И вновь мы слышим пророческое слово, которое напоминает, что

«имя Бога Израилева» выше имени всех царей. А потому нужно продолжать начатое строительство: «Но пророк Аггей и пророк Захария, сын Адды, говорили Иудеям, которые в Иудее и Иерусалиме, пророческие речи во имя Бога Израилева. Тогда встали Зоровавель, сын Салафиилов, и Иисус, сын Иоседеков, и начали строить дом Божий в Иерусалиме, и с ними пророки Божии, подкреплявшие их» (Ездр. 5:1, 2).

Дерзновение пророков приводит в чувство царей. Царь Дарий подтверждает их право строить. При этом он ссылается не только на указ Кира, но и на Бога Всевышнего.

Царь Дарий провозглашает верховную власть Бога и священное право Его народа построить храм в Иерусалиме: «...Бог, Которого имя там обитает, да низложит всякого царя и народ, который простер бы руку свою, чтобы изменить сие ко вреду этого дома Божия в Иерусалиме» (Ездр. 6:12).

Если бы не было подписи: «я, Дарий, дал это повеление; да будет оно в точности исполняемо», мы могли бы подумать, что вышесказанное принадлежит пророкам, настолько эти слова не в пользу империй и царей.

Указ Дария устранил все сомнения и препятствия: «И построили, и окончили, по воле Бога Израилева и по воле Кира, и Дария, и Артаксеркса, царей Персидских» (Ездр. 6:14).

«По воле Бога Израилева и... царей Персидских». Это очень интересная фраза. Если свои цари не служат Богу, то Он воздвигает царей Персидских. И они строят Ему храм — за свой счет.

Величие царей в том, чтобы понимать волю Бога и исполнять ее. Когда царская воля основана на Божьей воле, царства процветают, храмы строятся. А когда царская воля восстает против Божьей воли, нужны смелые пророки, которые напомним царям о своем священном праве и о Божьей высшей власти.

В «нашем» храме есть место, и для чужих царей, и для чужих народов. Они часть нашей истории. А наша история — не только «наша», но Божья, а значит, всеобщая.

Почему Ездру называли вторым Моисеем?

Христиане знают Ездру как автора одной далеко не главной библейской книги. Но в иудейской традиции он занимает важное место, настолько важное, что его называли вторым Моисеем. Я уверен, что он заслуживает большего внимания и сегодня, когда людям веры угрожает утрата идентичности, когда нужно восстановить надежные основания, на которых можно строить храм и общество, общину и страну.

В то время как Зоровавель созидал храм, Ездра «созидал» народ. Каждый из них совершал свой труд. Второй храм называли «храмом Зоровавеля». А Ездру — «вторым Моисеем».

Как мы помним, Моисей вывел Израиль из Египта и дал ему закон Божий. Подобным образом Ездра вывел народ из Вавилона, восстановил закон Божий в заброшенном Иерусалиме, обратил народ к вере. Он же заботился о хранении священных писаний, тем самым сыграв особую роль в формировании библейского канона.

Согласно одноименной книге, «он был книжник, сведущий в законе Моисеевом, который дал Господь, Бог Израилев. И дал ему царь все по желанию его, так как рука Господа Бога его была над ним» (Ездр. 7:6).

Здесь есть прямая ссылка на первого Моисея. Ездра прекрасно знал закон Моисея и продолжал дело Моисея — учил народ вере, учил быть народом особенным, избранным. Но здесь же мы встречаем отличие. Если фараон противился исходу, то царь Артаксеркс сам «дал все» и отправил пленников назад в Иерусалим.

В своем царском письме «Артаксеркс, царь царей» обращается к Ездру как «священнику, учителю закона Бога небесного совершенному» и отправляет его во второй исход: «От меня дано повеление, чтобы в царстве моем всякий из народа Израилева, и из священников его, и левитов, желающий идти в Иерусалим, шел с тобою» (Ездр. 7:12, 13).

В истории Ездры нет споров с царем и нет десяти казней. Напротив, есть всякое содействие со стороны имперской власти «царя царей»: «Ты же, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая в руке твоей,

поставь правителей и судей, чтоб они судили весь народ за рекою — всех знающих законы Бога твоего, а кто не знает, тех учите» (Ездр. 7:25).

Очевидно, царь понял, что основная угроза исходит не от тех, кто чтит единого Бога, но от тех, то не чтит ни Бога, ни царя. И он понял особую роль Ездры — учить тех, кто не знает Бога, а потому не знает и закон.

Без Ездры не было бы возрождения. Даже если бы и построили второй храм, то без второго Моисея, без закона и веры, храм был бы пустым.

Сегодня все мы мечтаем о восстановлении храма. Мы мечтаем о том, чтобы слава Божия наполнила храм и всю землю. Но не должны ли мы сначала восстановить закон Божий и наше послушание ему? Об этом напоминал Ездра. Об этом говорил Христос. Нас не спасет новый исход. Нас не изменит новый храм. Мы не можем войти в землю обетованную с нашими старыми привычками. Мы не можем войти в храм с ожесточенными сердцами.

Нам нужны Зоровавели, чтобы строить. И нам нужны Ездры, чтобы учить. У нас есть строители, хотя хороших совсем немного. Но у нас почти нет книжников! Каждый маленький «ездра» — на вес золота.

До того как будет построен храм, мы должны покориться Богу и Его закону, обновить свою веру и верность. Иначе нет смысла строить храм и восстанавливать столицу. Иначе нет смысла даже выходить из Вавилона.

Без Бога, без Его присутствия, без Его Славы, Иерусалим никак не лучше Вавилона, а наш храм — не лучше их храмов. Тогда наш народ ничуть не отличается от прочих, а даже превосходит в непокорности, упрямстве, идолопоклонстве. Верно сказал первый Моисей: «Если не пойдешь Ты Сам с нами, то и не выводи нас отсюда» (Исх. 33:15).

Служение Моисея продолжается — через Ездру и его потомков. Мы должны слышать их слова, Божье слово в их словах.

Ободришь и действуй

Ездра был человеком деятельным и рискованным. Но иногда он сам нуждался в ободрении.

Особенно когда получил задание от царя Артаксеркса поставить правителей и судей в разоренной Иудее, а также научить местных жителей закону Божьему.

Задача была крайне сложной, учитывая множество врагов и разруху в Иерусалиме. А еще сложнее было научить народ закону, вернуть их к вере отцов, восстановить авторитет Божьего Слова. Я ясно вижу, как Ездра перечитывал указ царя, как живо представлял все трудности, как взвешивал все возможности. Но он пишет о себе, что «ободрился, ибо рука Господа, Бога моего, была надо мною, и собрал я глав Израиля, чтоб они пошли со мною» (Ездр. 7:28).

Он собирает лучших людей, чтобы они «пошли»; он приводит других в движение. Но когда они пришли на место, Ездра «разодрал нижнюю и верхнюю одежду и рвал волосы на голове и на бороде, и сидел печальный», а потом и вовсе «пал на колени» и «боялся поднять лицо» (Ездр. 9:3–6).

Еще недавно Ездра ободрял других и смело вел за собой. Но теперь он лежит в печали и отчаянии. Почему? Неужели его поразила нищета народа и сила врагов?

Нет, его потрясла глубина духовного падения народа, его поразила испорченность священников, которые взяли себе жен из чужих народов и смешались с ними. Персидский царь Артаксеркс больше верит в Бога, чем наши священники! Как можно с ними служить в храме, как можно восстанавливать страну? Как можно на что-то надеяться?

И вот Ездра сокрушается пред Богом. И с этого сокрушения начинается пробуждение в народе.

Уже не Ездра ободряет священников, но они его: «Встань, потому что это твое дело, и мы с тобою: ободрись и действуй!» (Ездр. 10:4).

Иногда сокрушение одного праведника может спасти целый народ.

Иногда нашим действием должно быть не строительство храма, но сокрушение сердца.

Иногда ободриться и действовать можно лишь после того, как пролежишь в печали долгие-долгие часы.

В поисках царской милости

Многие ищут царской милости. Большинство для личной выгоды. Но некоторые — ради каких-то добрых дел. В последних случаях мы говорим о «христианском влиянии в политике», хотя чаще всего бывает трудно определить, кто на кого влияет больше: христиане на политиков или политики на христиан.

Здесь интересна история Неемии. Он был виночерпием у царя Артаксеркса. Пленник в чужой земле. Но пленник влиятельный, близкий к царю. Пользующийся безусловным доверием. Из его рук царь принимал кубок без подозрения и страха. В эти минуты близости, когда владыка был доступен для разговора, когда вино смягчало и веселило царское сердце, Неемия мог просить о многом и влиять на принятие важных решений.

И однажды он это сделал. Он не делал это для себя, но дерзнул сделать ради своего народа.

Но прежде чем обратиться к царю, Неемия обращается к Богу: «Молю Тебя, Господи! Да будет ухо Твое внимательно к молитве раба Твоего и к молитве рабов Твоих, любящих благоговеть пред именем Твоим. И благопоспеси рабу Твоему теперь, и введи его в милость у человека сего» (Неем. 1:11).

Прежде чем искать милости у царя, Неемия ищет милости у Бога. Тем самым он признает высшую власть Бога и просит для себя долю этой власти. И делает это в печали, с постом, молитвой и плачем.

Неемия просит у Бога особого царского расположения. Он не льстит царю, не задабривает его, не плетет интриги. Он пребывает в молитвенном настроении.

И царь замечает это особое настроение. Артаксеркс спрашивает Неемию о причинах печали и о том, как можно помочь его народу. «В месяце Нисане, в двадцатый год царя Артаксеркса, было перед ним вино. И я взял вино и подал царю, и, казалось, не был печален перед ним. Но царь сказал мне: “Отчего лицо у тебя печально; ты не болен, этого нет, а верно, печаль на сердце?” Я сильно испугался и сказал царю: “Да живет царь вовеки! Как не быть печальным лицу моему,

когда город, дом гробов отцов моих, в запустении, и ворота его сожжены огнем!” И сказал мне царь: “Чего же ты желаешь?”

Я помолился Богу небесному и сказал царю: “Если царю благоугодно, и если в благоволении раб твой пред лицом твоим, то пошли меня в Иудею, в город, где гробы отцов моих, чтоб я обстроил его”» (Неем. 2:1–5).

Это был уникальный момент, когда Неемия мог просить о чем угодно. Но он просит о спасении своего народа, о восстановлении его святынь. И, похоже, царя подкупает, смягчает, располагает именно эта чистота мотива.

Неемия просил у Бога подарить ему расположение царя ради одной цели. Его не интересовали никакие иные возможности. Он был верным и бескорыстным слугой — и царю, и Богу. Он не искал своего, но лишь удобного своим господам. Поэтому им так дорожили.

Интересно, что слушая просьбу Неемии, царь переживает не о возможных политических последствиях, но о том, как бы не потерять такого слугу: «И сказал мне царь и царица, которая сидела подле него: “Сколько времени продлится путь твой, и когда возвратишься?” И благоугодно было царю послать меня, после того как я назначил время» (Неем. 2:6).

Такие, как Неемия, нужны всегда, везде, всем. Богобоязненный, преданный, честный, разумный слуга — где такого найти? И как таким остаться?

Бог может подарить нам влияние на царей и царства. Но что мы будем делать с этим влиянием? С какой целью мы ищем царской милости, высоких постов и больших возможностей? О чем будем просить сильных мира сего? Будем ли помнить о своем народе и Боге? Или придворная жизнь заставит нас забыть о вере и принципах?

Неемия искал царской милости лишь для того, чтобы помочь своему народу и послужить этим Богу. Имея перед собой эту цель и не размениваясь на прочее, мы можем добиться многого.

Смотри, как строишь

Мы все приглашены к соучастию в Божьем плане. Мы строим храм, град, Царство. При этом важно не только, что мы делаем, но и как мы делаем. Апостол Павел советует каждому смотреть за собой: «каждый смотри, как строит» (1 Кор. 3:10).

Качество нашей работы, наше отношение к обязанностям, наша ревность о деле Господнем, наша забота о сотрудниках — все это замечается и оценивается.

Бог все видит и воздает по заслугам. Мы видим меньше. Чаще всего мы видим фотографии, а на них — важных начальников или опытных актеров, изображающих бурную деятельность.

Но в Божьей памятной книге отмечены все детали. Некоторые из них отмечены и в библейской истории.

В книге Неемии мы читаем о том, как священники начинают восстанавливать Иерусалим. Почему священники? Потому что без веры и без упования на Бога никто бы не начал этот неподъемный труд.

Священники показывают достойный пример. «И встал Елияшив, великий священник, и братья его священники и построили Овечьи ворота: они освятили их и вставили двери их, и от башни Меа освятили их до башни Хананела» (Неем. 3:1).

По примеру их многие люди ревностно взялись за работу. «За ним ревностно чинил Варух, сын Забвая, на втором участке, от угла до дверей дома Елияшова, великого священника» (Неем. 3:20). Этот Варух вошел в историю как ревностный.

А вот некоторые «знатнейшие» опозорились. «Подле них чинили Фекойцы; впрочем, знатнейшие из них не наклонили шеи своей поработать для Господа своего» (Неем. 3:5).

Они и не думали, что их поведение будет замечено, описано и останется потомкам как дурной пример. Они думали, что они самые умные, что они берегут себя для более важных дел. А потрудиться «для Господа своего» не считали делом важным.

Но получилось так, что они потеряли свои имена. Здесь нет их имен, они не достойны быть упомянутыми среди тех Фекойцев, которые трудились.

Отказавшись «поработать для Господа своего», знатные и умные потеряли свой шанс войти в историю, новую историю, историю нового Иерусалима.

Хочется быть Варухом, который «ревностно чинил». Хочется быть

священником Елияшивом, который трудился вместе с братьями. Боюсь остаться в стороне от этой прекрасной истории, выпасть из нее.

Перед Богом плохо быть «знатнейшим», «не наклонившим шеи». Гораздо лучше быть ревностным строителем или хотя бы подсобником.

В истории остается не тот, кто «делает себе имя» (Быт 11:4), но тот, кто строит для Бога, кто строит святой город и храм вместе с братьями, кто строит Божье Царство.

Почему Неемия ввел военное положение?

Когда страна в кризисе, с ней не будут воевать. Лежи на дне — все будут довольны. Не вставай — и не будет войны.

Как только намечается выход из кризиса, зреет война.

Как только Неемия начал восстанавливать Иерусалим, все враги оживились и объединились против него. Сперва смеялись, затем начали угрожать. Их было больше, гораздо больше, чем иудеев.

Что делать?

Пришлось строить медленнее, отвлекаясь на оборону. Неемия продолжает работу, но при этом мобилизует весь народ — сперва на молитву и постоянную стражу (Неем. 4:9), а затем и на открытое сражение (Неем. 4:13–14).

Как только враги узнали, что весь народ мобилизован и готов «сражаться за братьев своих, за сыновей своих и за дочерей своих, за жен своих и за дома свои» (Неем. 4:14), что их коварные намерения известны, что иудеи наготове днем и ночью, они потеряли былую решительность.

Но этот первый успех не успокоил Неемию.

Военное положение сохранялось. Половина молодых людей строила стену, а половина держала оружие наготове. И эта постоянная боевая готовность распространялась на всех, включая начальников: «Ни я, ни братья мои, ни слуги мои, ни стражи, сопровождавшие меня, не снимали с себя одеяния своего, у каждого были под рукою меч и вода» (Неем. 4:23). А многим приходилось служить и вовсе без сна: «ночью на страже, а днем на работе» (Неем. 4:22).

Так восстановили не только стену, так восстановили дисциплину и единство. Так рассеянный и деморализованный народ превратился в непобедимую армию, готовую к бою по первому сигналу: «Откуда услышите вы звук трубы, в то место собирайтесь к нам: Бог наш будет сражаться за нас» (Неем. 4:20).

Но самое главное — в этих условиях военного времени народ вновь обретает веру в Бога как своего Бога, с Которым возможно все: и восстановление Иерусалима, и победа над всеми врагами, и мирное

будущее.

Когда братья хуже врагов

Иногда братья хуже врагов. Враги чаще всего приходят явно, с шумом оружия и бранным криком. А коварные братья действуют потихому, обманывая и обкрадывая. Враги уводят в рабство, а коварные братья никуда не уводят, но используют как рабов.

Неемия рассказывает, что внутренний конфликт среди иудеев был острее противостояний с внешними неприятелями.

«...Сделался большой ропот в народе и у жен его на братьев своих Иудеев. Были такие, которые говорили: “Мы желали бы доставать хлеб, и кормиться, и жить... Поля свои, и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода... Мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы... Нет никаких средств для выкупа в руках наших; и поля наши и виноградники наши у других”» (Неем. 5:1–5).

Услышав этот «большой ропот», Неемия «очень рассердился», и его «сердце возмутилось». Он был спокойнее, когда нужно было сражаться с врагами. Но здесь он вышел из себя.

Как же так? Лишь недавно мы все были рабами. А теперь превращаем в рабов друг друга! Еще вчера народ был единым в противостоянии внешней угрозе. Все, как один, строили стену. Все, как один, молились Богу.

Но материальный интерес, неудержимая жажда наживы, подточил и разрушил это единство. Более бедные попали в зависимость от более богатых. Более богатые не спешили помогать в нужде и прощать долги. В конце концов, народ не только попал в рабство от своих же «братьев», но и обессилел от голода и унижений.

«Знатнейшие и начальствующие» стали не предстоятелями и защитниками, но противниками своего же народа.

Здесь уже и врагов не надо — братья друг друга почти съели. Стена почти готова, но кто будет населять этот город?

И это не только вопрос выживания, это вопрос достоинства и свободы. Поэтому Неемия напоминает о «страхе перед Богом» и о поношении от «народов, врагов наших» (Неем. 5:9). Не так страшно проиграть сражение, как утратить достоинство и превратиться в посмешище.

Мы можем считаться избранными. Мы можем строить святой город. Но если мы съедаем друг друга в своей неумемной жадности, то святой город окажется пустым. Врагам не придется брать стену штурмом, они войдут через главные ворота.

Когда иудеи «прославили Бога» и простили долги друг другу, они выиграли самую главную битву. Битву за единство, битву за достоинство и свободу своего народа. Я уверен, что эту историю услышали все враги, и успех народа Божьего напугал их куда больше, чем строительство стены. Вместе со стеной нужно строить единство. Тогда город будет неприступным, а народ — непобедимым.

Спрятаться в храме или строить стену?

Как только враги узнали, что Неемия заканчивает строить стену вокруг Иерусалима, тут же посыпались разные предложения встречаться и договариваться.

Неизвестно, чем закончились бы такие встречи. Неемия мог погибнуть. Или же скомпрометировать себя такими переговорами. Но он был упрям и бесстрашен в своей посвященности делу: «Я занят большим делом, не могу» (Неем. 6:3).

Тогда его решили взять страхом, предлагая через близких людей скрыться от опасности в храме и уклониться от дел. Но Неемия и здесь был тверд: «Но я сказал: может ли бежать такой человек, как я? Может ли такой, как я, войти в храм, чтобы остаться живым? Не пойду» (Неем. 6:11).

Знатнейшие люди слали устрашающие письма. Пророки пугали зловещими предсказаниями. Но Неемия строил стену.

Он не бежал и не скрывался. Он был на виду у всех. Он был знаком Божьего присутствия. Вместе со стеной он восстановил веру в Божью силу и защиту.

«Когда слышали об этом все неприятели наши, и увидели это все народы, которые вокруг нас, тогда они очень упали в глазах своих и познали, что это дело сделано Богом нашим» (Неем. 6:16).

Если бы Неемия спасал себя, он бы не спас свой народ. Если бы он принимал близко к сердцу все слухи, он лишился бы уверенности и решительности, а стена никогда не была бы закончена.

Наш Бог силен настолько, что нам не нужно прятаться в храме, мы можем стоять открыто на стене. Он открывает Свою волю настолько ясно, что нам не нужно слушать «страшилки» аналитиков и «пророков».

Сегодня многие верующие настолько напуганы происходящим в мире, что верят любым слухам о том, что все плохо и будет еще хуже. Такие «пророки» говорят всегда только плохое, у них нет добрых вестей, они не проповедуют благую весть, они не знают Евангелия Царства. Они зовут нас закрыться в храме и там держать круговую

оборону, или же просто ждать второго пришествия в пещерах и кельях.

И лишь немногие смело строят стены, созидавая Божье Царство вопреки войнам и военным слухам.

Если мы, подобно Неемии, «заняты большим делом», мы не будем размениваться на предложения врагов, переживания испуганных друзей и предсказания «пророков». С каждым камнем, положенным в стену, мы будем укрепляться в нашей вере и верности Богу.

Бежать в тихое место или закрыться в храме — значит считать Бога слабым и неспособным нас защитить. Доверяя Богу свою жизнь и судьбу, мы будем строить стены Божьего Царства на виду у врагов, забирая у них назад нашу землю, вновь делая Имя Божье великим и страшным у всех народов.

Подкрепимся радостью!

Обычная реакция на Божье Слово — сокрушение и покаяние, смирение и плач. Мы смотрим в зеркало закона и видим свое несоответствие. Мы понимаем, как далеко мы ушли, как глубоко пали.

Возвращаясь из плена, мы начинаем вспоминать себя, свои корни, свой закон, своего Бога. Этот процесс может быть настолько болезненным, что многие люди предпочитают забыться и потеряться, нежели вернуться и восстановиться.

И здесь недостаточно восстановить стены. Здесь нужно восстановить свою идентичность, восстановить отношения с Богом. Многие не помнят своей родословной. И почти все не помнят Закона Божьего.

Поэтому, завершив строительство стен вокруг Иерусалима, народ, «все, как один», собирается вокруг книги закона. Люди хотят вспомнить себя и своего Бога. Но чтение Книги не приносит им облегчения, напротив, они рыдают пуще прежнего. Они понимают, как много утратили, как много забыли.

И в этот момент начальники народа проявляют настоящую мудрость. Они напоминают народу, что Бог не жесток, но добр; что обращение к Богу приносит радость; что Он прощает и восстанавливает.

«Тогда Неемия, он же Тиршафа, и книжник Ездра, священник, и левиты, учившие народ, сказали всему народу: “День сей свят Господу, Богу вашему; не печальтесь и не плачьте”, потому что весь народ плакал, слушая слова закона. И сказал им: “Пойдите, ешьте тучное и пейте сладкое, и посылайте части тем, у кого ничего не приготовлено, потому что день сей свят Господу нашему. И не печальтесь, потому что радость пред Господом — подкрепление для вас. И левиты успокаивали весь народ, говоря: “Перестаньте, ибо день сей свят, не печальтесь”» (Неем. 8:9–11).

Сам по себе Закон Божий может приносить и печаль, и радость; может и казнить, и миловать. Если мы не знаем Бога и Его характера, мы не знаем, как правильно читать Его Закон. Хорошо, когда есть священники. Они верно указывают на то, что Закон нужно принимать

как добрую, радостную весть от любящего Бога.

Там, где есть искреннее сокрушение и раскаяние, Бог дает радость. Он не ослабляет нас лишними стенаниями и бесконечной печалью. Он укрепляет нас радостью и веселием.

Пойдите, ешьте и пейте. Не печальтесь, но укрепитесь радостью. Это хороший совет для всех, ищущих Господа и любящих Его закон. День восстановления Закона и завета с Богом — большой праздник, достойный большого пира. Не грех есть и пить. Грех не есть и не пить. Не грех веселиться. Грех не веселиться.

Подкрепим же себя радостью. И скажем всем тем, кто, читая Закон, горько плачет о своих грехах и преступлениях: «Не плачьте о своих потерях, радуйтесь о Господе!»

Подкрепим себя радостью, ведь мы нужны Господу для многих добрых дел. Нет времени на печаль и нет оправдания плачу. День возвращения к Богу особенный, он обнуляет прошлое и обновляет все. Этот день свят, он принадлежит Богу, как и последующие дни, как и вся наша жизнь отныне и вовек.

Тот, кто вступил в этот святой день, не может не радоваться.

Тот, кто не может радоваться, тот еще не вернулся из плена.

Враг внутри

В то время как Неемия строил стены, чтобы защитить Иерусалим и храм от врагов, возникла угроза изнутри, куда большая, чем опасности снаружи.

Товия, который был одним из главных противников Неемии, заполучил себе комнату в доме Божьем.

Не нужно было завоевывать Иерусалим и храм — сам «великий священник» Елиашив отдал эту комнату врагу. Он выкинул из комнаты сосуды дома Божия, приношения и ладан. И поселил там с комфортом того, кто насмеялся над Богом и Его народом. «...Священник Елиашив, приставленный к комнатам при доме Бога нашего, близкий родственник Товии, отделал для него большую комнату, в которую прежде клали хлебное приношение, ладан и сосуды, и десятины хлеба, вина и масла, положенные законом для левитов, певцов и привратников, и приношения для священников» (Неем. 13:4, 5).

Почему он так сделал? Потому что был родственником Товии и Санаваллату, врагам Неемии.

Товия не был слугой Божьим, но «Аммонитским рабом» (Неем. 2:10, 19). Он подкупал и запугивал людей, чтобы остановить восстановление Иерусалима (Неем. 6:12, 19).

Как так вышло, что у священника возникли такие плохие родственные связи? Как «иноплеменное» проникло в Израиль? И как враг смог получить комнату в святом храме?

Там, где священники малодушны, страх и коррупция становятся вездесущими, проникая даже в святые места, оскверняя храм и веру.

Нам нужно строить стену и охранять ее от внешних врагов. Но если мы не вычистим комнаты нашего храма, то разложение изнутри погубит нас быстрее, чем война или голод, которых мы так боимся.

Стоит заглянуть в наши святыни и выбросить оттуда вещи Товиины,

как это сделал Неемия (Неем. 13:8).

Если Божий храм будет чист, то стены Иерусалима будут неприступны.

НА КАЖДОЕ ВРЕМЯ ЕСТЬ СВОИ ГЕРОИ

Приобрести расположение царя

Книга Есфирь рассказывает интересную историю еврейской девушки, ставшей влиятельной женой персидского царя Артаксеркса.

Эту книгу стоит читать всем нам, особенно когда кажется, будто в плену мы лишены всяких возможностей, но также и тогда, когда кажется, что возможностей слишком много и можно вести себя по-царски в чужих дворцах.

Книга начинается с рассказа о царице Астинь, которая проявила свою волю и разгневала царя. О том случае заговорили все: «царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь пред лицо свое, а она не пошла» (Есф. 1:17). Зашатались основания империи. Ведь теперь все женщины могли восстать против своих мужей или просто игнорировать их, в итоге рухнули бы семьи, хозяйства и целые царства.

Астинь была прекрасной и любимой. Она была влиятельной, позволяла себе отдельный пир, собирала свой круг женщин (Есф. 1:9). Но непослушание ее погубило. Она потеряла расположение и более никогда не увидела царского лица.

На этом фоне появляется совсем случайная еврейская девушка, очаровавшая своей красотой царя. Нам неизвестно, была ли Есфирь красивее, чем Астинь или другие придворные дамы.

Я думаю, она выиграла конкурс красоты благодаря своим духовным и моральным качествам. Она была послушной и терпеливой, уважительной и верной.

Живя без отца и матери, она во всем слушалась своего двоюродного брата Мардохея. И это послушание открывало ей самые закрытые двери.

Она не говорила лишнего: «Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала» (Есф. 2:10).

И она не требовала ничего особенного даже тогда, когда могла бы купаться в роскоши и неге: «Когда настало время Есфири, дочери Аминадава, дяди Мардохея, который взял ее к себе вместо дочери, идти к царю, тогда она не просила ничего, кроме того, о чем сказал ей Гегай, евнух царский, страж жен. И приобрела Есфирь расположение к себе в глазах всех, видевших ее» (Есф. 2:15).

Она вела себя послушно Мардохею и Богу, будто изначально зная о своем особом предназначении. А может быть, все было иначе: она обрела это предназначение именно потому, что была верной и послушной в малых делах и житейских вопросах.

Так, еще вчера никому не известная еврейская девушка оказалась в царских палатах. Немногословная и скромная, послушная и терпеливая вдруг стала самой влиятельной женщиной мира.

Царь не просто расположился к ней, он полюбил ее. «И взята была Есфирь к царю Артаксерксу, в царский дом его... И полюбил царь Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц; и он возложил царский венец

на голову ее и сделал ее царицею на место Астинь» (Есф. 2:16, 17).

Казалось бы, теперь можно делать все, что захочется. Теперь можно забыть о своем бедном еврейском народе и не слушать своего двоюродного брата, можно отрезать тяжелое прошлое и начать новую историю.

Но Есфирь и во дворце продолжает быть верной своему народу. Она молчит не потому, что забыла, а потому, что ждет своего времени и готовится к нужному часу. Когда вдруг нужно было сказать влиятельное слово, она тут же донесла его царю: «Есфирь все еще не сказывала о родстве своем и о народе своем, как приказал ей Мардохей; а слово Мардохея Есфирь выполняла и теперь так же, как тогда, когда была у него на воспитании. В это время, как Мардохей сидел у ворот царских, два царских евнуха, Гавафа и Фарра, оберегавшие порог, озлобились и замыслили наложить руку на царя Артаксеркса. Узнав о том, Мардохей сообщил царице Есфири, а Есфирь сказала царю от имени Мардохея» (Есф. 2:20–22).

По нашей логике евреи должны были бы желать смерти Артаксерксу и радоваться этому заговору. Но Есфирь спасает царя, чтобы затем спасти свой народ с помощью этого царя.

Верный верен во всем. Есфирь отдает свою жизнь чужому царю, чтобы спасти многие жизни своих родных по крови и вере. Жертва должна быть образцовой не только «станом и лицом». Есфирь ведет себя по отношению к иноплеменному царю так, что в будущем он не сможет ей отказать.

Тот, кто не может забыть о беде своего народа и готов послужить ему, должен научиться молчать и ждать. Тот, кто призван к великому, должен слушаться в малом. Тот, кто ищет воли Бога, должен считаться с советами Божьих людей. Тот, кто хочет спасти родных, должен сперва послужить чужим. Тот, кто хочет служить Богу Израиля, сперва должен научиться служить царю Персии.

Иногда мы хотим послужить своему Богу, но Он отправляет нас послужить чужому царю. В конце концов, от этого выигрывают все. Но это узнает только тот, кто был послушен Божьему плану.

Будь непослушен, как Мардохей

Мардохей учит Есфирь послушанию и терпению. Он «приказывает» ей молчать о своем происхождении, и она молчит. Она готовится к важной роли и не спешит открывать себя.

Но сам Мардохей ведет себя иначе. Он отказывается поступать, как все, отказывается кланяться перед новым фаворитом царя. Но самое страшное — он открывает причину своего упорства, он разоблачает себя, как Иудея: «После сего возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, Вугеянина, и вознес его, и поставил седалище его выше всех князей, которые у него; и все, служащие при царе, которые были у царских ворот, кланялись и падали ниц пред Аманом, ибо так приказал царь. А Мардохей не кланялся и не падал ниц. И говорили служащие при царе, которые у царских ворот, Мардохею: “Зачем ты престопаешь повеление царское?” И как они говорили ему каждый день, а он не слушал их, то они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в слове своем Мардохей, ибо он сообщил им, что он Иудеянин» (Есф. 3:1–4).

Мардохей научился молчать и терпеть. Но вот наступил момент, когда его вера и верность должны были пройти испытание: или ты веришь в Бога как Единственного Бога и поклоняешься только Ему, или ты поклоняешься царским фаворитам и тем самым отказываешь Богу в Его единственности.

Это не был каприз. И это не был приступ героизма. Ему напоминали каждый день, но он оставался непреклонным. И он пояснил свою позицию: «Ничего личного. Я Иудей. Я не могу иначе».

Тем самым Мардохей подверг опасности не только себя, но и весь народ Иудейский.

Аман увидел эту прямую связь: если этот народ верит в Единого и Единственного Бога, то они все бунтовщики, они не будут кланяться нам, смертным.

Вот уже и указ царский готов: истребить и разграбить мятежный народ Иудейский.

Мардохей, что ты наделал? Ты ли это, который учил Эсфирь жить

тихо и смиренно, приобретать расположение и влияние? Что с тобой случилось?

С Мардохеем случилось то, что однажды случится с каждым из нас. Каждый должен пережить тот момент, когда верность Богу и лояльность к власти имущим столкнутся лбами. И более того, нам придется сделать тяжелый выбор между верностью Богу и желанием помочь своему народу.

Поклонись Аману — останешься при дворе и сможешь сделать для Иудеев еще много добрых дел. Будь послушен, будь хорошим рабом, и всем будет только лучше. Не поклонись — потеряешь все и погубишь всех, из-за твоего упрямства пострадают невинные.

Это было величайшее искушение — поклониться Аману, чтобы спасти себя и свой народ. Но Мардохей знал, что народ, который поклоняется чужим богам и царским фаворитам, уже погиб.

И он знал, что поклоняясь Богу как Единственному Богу, он вверяет себя и свой народ под Божью защиту.

Иногда послушание Богу требует нашего непослушания царям и князьям, богам и божкам.

В моменты подобных испытаний мы должны помнить и повторять: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Спор Есфири с Мардохеем: как узнать «свое время»?

Первые три главы книги Есфирь говорят нам о том, как она выполняет все советы и приказы Мардохея. Она послушна, потому и успешна. Она добивается высочайшего положения во всей империи и даже любви самого царя.

Но вот ее учитель проявляет непослушание и глупость — он отказывается поклониться царскому фавориту Аману. И тем самым рискует своей головой. Более того, его упорное желание «Господу Богу поклоняться и Ему одному служить» угрожает гибелью всем Иудеям.

Даже узнав о царском указе и готовящемся истреблении своего народа, Мардохей не спешит кланяться и договариваться. Он продолжает безумствовать на виду у всех: «Когда Мардохей узнал все, что делалось, разодрал одежды свои и возложил на себя вретище и пепел, и вышел на средину города и взывал с воплем великим и горьким» (Есф. 4:1).

Он плачет и взывает к Богу вместе со всеми иудеями. Он выражает протест. Он бунтует против царского указа как несправедливого. Он призывает Бога вмешаться и остановить грядущую резню.

Есфирь привыкла вести себя иначе. Она призывает Мардохея успокоиться и не смущать людей своим видом: «И пришли служанки Есфири и евнухи ее и рассказали ей, и сильно встревожилась царица. И послала одежды, чтобы Мардохей надел их и снял с себя вретище свое. Но он не принял» (Есф. 4:1–4).

Роли меняются: Есфирь наставляет Мардохея быть хорошим слугой во враждебной среде. А Мардохей отвечает ей: нет, не сейчас, не в это время.

Оказывается, на каждое время может быть свое поведение, свое понятие о должном и правильном. Было время сидеть тихо — пришло время кричать. Было время приобретать расположение — пришло время рисковать всем приобретенным.

Мардохей рискует сам и призывает к этому риску Есфирь. Он пытается вновь ей приказывать. Обреченный Иудей в разодранной

одежде приказывает царице: «...Наказывал ей, чтобы она пошла к царю, и молила его о помиловании, и просила его за народ свой» (Есф. 4:8).

Не тут-то было. Есфирь рисковать не спешит: «Все, служащие при царе, и народы в областях царских знают, что всякому, и мужчине и женщине, кто войдет к царю во внутренний двор, не быв позван, один суд — смерть; только тот, к кому прострет царь свой золотой скипетр, останется жив. А я не звана к царю вот уже тридцать дней» (Есф. 4:11).

Для нее наконец настало время радоваться успеху и наслаждаться положением. Казалось бы, признание со стороны сильных мира сего, «мир и безопасность» — вот знак того, что наступило «это время», настал праздник и на нашей улице.

Но для Мардохея такой успех — ничто. Голоса льстецов, подобострастие придворных, любовь царя — это искушения. Они обманывают и лишают призвания. Узнать свое время можно по своей нужности, по тому, что ты вдруг становишься очень нужен многим людям, что ты можешь многих спасти, что твое заступничество может остановить гибель народа, что твой голос в защиту слабых может быть услышан.

И вот здесь Мардохей напоминает Есфири о ее особой роли, ради которой она проделала долгую карьеру: «Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского?» (Есф. 4:14).

Мардохей напоминает, что вот сейчас самое главное время ее жизни, самый ключевой момент. А все остальное было подготовкой.

«В это время» молчать нельзя. И не потому, что народ погибнет. Нет, народ спасется каким-то другим образом, с Божьей помощью. Но погибнет сама Есфирь. Погибнет для Бога и своего народа. Хотя, быть может, проживет долгую и счастливую жизнь во дворце. Но с разбитым и пустым сердцем.

Пропустить свое время, не исполнить предназначенное — это

и значит погибнуть.

Вот чего нужно бояться.

Есфирь это поняла. В этот раз она слушает Мардохея, хотя и приказывает ему сделать нечто взамен: «И сказала Есфирь в ответ Мардохею: “Пойди, собери всех Иудеев, находящихся в Сузах, и поститесь ради меня, и не ешьте, и не пейте три дня, ни днем, ни ночью, и я с служанками моими буду также поститься и потом пойду к царю, хотя это против закона, и если погибнуть — погибну”. И пошел Мардохей и сделал, как приказала ему Есфирь» (Есф. 4:15–17).

Есфирь готова послужить Богу и своему народу, но она нуждается в поддержке. В своей просьбе о посте и молитве она вновь соединяется с народом и Богом. Спастись. Или погибнуть. Но вместе.

Наступило то самое время, когда решается судьба целого народа и даже целого мира. В это время от Есфири зависит очень многое. Но не менее важно то, что в это время проясняется ее собственная судьба, оправдываются многолетние унижения, искупаются неоднозначные компромиссы. Пропустить это время — страшнее всего, нет ничего хуже. Нет так страшен царский гнев, как тихий голос совести и Бога.

Большое чудо начинается с простого послушания

Когда два праведника согласны меж собою, непременно начинаются чудеса.

Как только Мардохей и Есфирь послушались друг друга, Бог начал действовать самым чудесным образом.

Мардохей приказал Есфири умолять царя о спасении иудеев. В ответ она приказывает поститься о ней. И Мардохей был послушен Есфири: «пошел Мардохей и сделал, как приказала ему Есфирь» (Есф. 4:15–17).

И Есфирь была послушна Мардохею: «На третий день Есфирь оделась по-царски. И стала она на внутреннем дворе царского дома, перед домом царя; царь же сидел тогда на царском престоле своем, в царском доме, прямо против входа в дом. Когда царь увидел царицу Есфирь, стоящую на дворе, она нашла милость в глазах его. И простер царь к Есфири золотой скипетр, который был в руке его, и подошла Есфирь и коснулась конца скипетра. И сказал ей царь: “Что тебе, царица Есфирь, и какая просьба твоя?”» (Есф. 5:1–3).

Разве это не чудо? Есфирь и Мардохей приказывают друг другу, но и слушаются друг друга.

При их согласии объединяется весь народ. Все иудеи постятся. Богатые и бедные, друзья и недоброжелатели, верующие и не очень.

Когда с нашей, человеческой стороны, есть такое взаимное и всеобщее послушание, Бог, со Своей стороны, делает все остальное. Мардохей всего лишь постится и молится. Есфирь всего лишь является к царю для одной-единственной просьбы. И этого достаточно. Остальное совершает Сам Бог.

Хотя Есфирь идет «против закона» (Есф. 4:16), Бог располагает царя, и «она находит милость в глазах его».

Хотя Мардохею уготована смерть, Бог восстанавливает его доброе имя: «В ту ночь Господь отнял сон от царя, и он велел принести памятную книгу дневных записей; и читали их пред царем, и найдено записанным там, как донес Мардохей на Гавафу и Фарру, двух евнухов царских, оберегавших порог, которые замыслили наложить руку на

царя Артаксеркса. И сказал царь: “Какая дана почестъ и отличие Мардохею за это?” И сказали отроки царя, служившие при нем: “Ничего не сделано ему”» (Есф. 6:1–3).

Все что могут делать верующие люди — молиться и поститься, оставаться верными и послушными.

Мы можем подготовиться к тому, чтобы Бог начал действовать через нас или без нас.

Делай, что можешь. Делай, что должен. И жди Божьего чуда.

Чем страшно племя Иудеев

Пока люди спят, Бог продолжает Свое дело и совершает настоящие чудеса. Мы говорим: утро вечера мудренее. И в этом есть своя мудрость. Но правда вовсе не в том, что за ночь само собой что-то решится, или мы проснемся более умными. Правда в том, что Бог дает нам отдых, и если мы верим и доверяем Ему, то Он за ночь решает множество нерешаемых вопросов. Бог не спит.

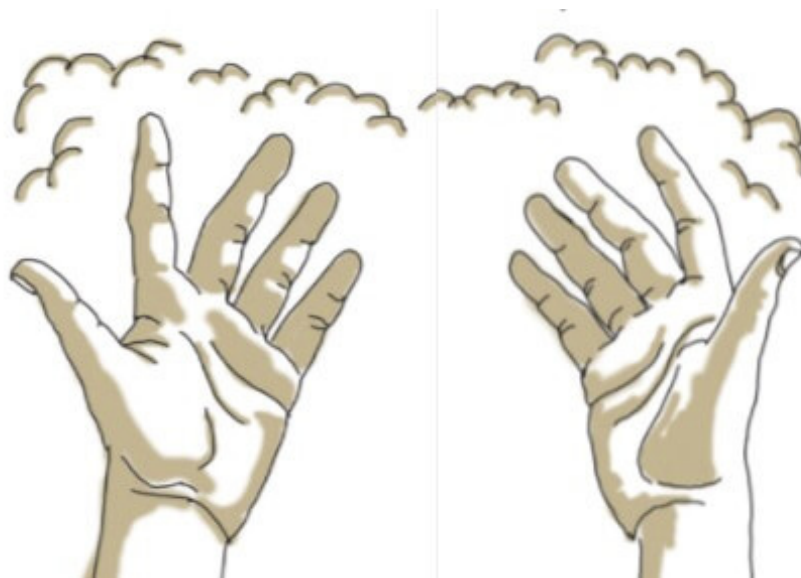
Не спят и враги. Аман готовит дерево, на котором повесит Мардохея. Его злые друзья точат ножи на Иудеев.

В ту ночь не спит и царь. Мучаясь от бессонницы, он вспоминает доброе дело уже приговоренного к смерти Мардохея и неожиданно для всех решает почтить его.

За одну ночь все меняется.

Ирония в том, что оказать сугубую честь Мардохею поручено именно Аману. Аману, который ненавидит Иудеев и уже приготовился праздновать свою полную победу над ними.

Еще больше иронии в том, что даже близкие друзья Амана не могут никак утешить его в этом страшном унижении. Они лишь добавляют ему горечи и отчаяния: «И пересказал Аман Зерешу, жене своей, и всем друзьям своим все, что случилось с ним. И сказали ему мудрецы его и Зерешь, жена его: “Если из племени Иудеев Мардохей, из-за которого ты начал падать, то не пересилишь его, а наверно падешь пред ним”» (Есф. 6:13).

Теперь Мардохей вдруг оказывается страшным и сильным. Не из-за своих связей при дворе. Но благодаря принадлежности к «племени Иудеев».

Чем же страшно это племя Иудеев? Почему Аман «не пересилит», а «падет пред ним»?

Не подвигом Мардохея. Не влиянием Есфири. Но именем Господа Бога. По слову псалмопевца, «свято и страшно имя Его!» (Пс. 110:9). А Он Сам говорит о Себе так: «Я — Царь великий, и имя Мое страшно у народов» (Мал. 1:14).

Как у разоренного и рассеянного народа может быть такой страшный и сильный Бог? Разве боги победителей не сильнее богов побежденных?

Но наш Бог управляет и победителями, и побежденными. Он Сам рассеял Иудеев. Он использовал Вавилонян. Он использует персов.

Мудрецы Амана говорят правду: никто не пересилит Иудеев, если они послушны Своему Богу. Всякий, кто захочет навредить племени Иудеев, неизбежно падет. И своим падением послужит возвышению Божьего народа.

Племя Иудеев бывало не раз в рассеянии. Но всякий раз возвращалось. Нет на картах Вавилона. И нет такого государства, как Персия. Но народ Божий живет и здравствует. Потому что Божий. И потому, что история этого народа включает в себя истории всех «аманов» и всех царей, подчиняя их Божьей воле, разрушая коварные планы и обращая зло на добро.

В чем чудо Пурима?

История Есфири и Мардохея любима всеми верующими как история о чудесном Божьем вмешательстве в, казалось бы, жестокий и неумолимый ход истории. Это история близка всем, кто поработен и угнетен, кто лишен свободы, достоинства и права на защиту.

Эта история заканчивается грандиозным праздником, который должен повторяться каждый год и напоминать всем — и народу избранному, и врагам, и наблюдателям — о чудесной победе, о силе Бога, о торжестве Божьих детей вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам.

«Постановили Иудеи и приняли на себя и на детей своих и на всех, присоединяющихся к ним, неотменно, чтобы праздновать эти два дня, по предписанному о них и в свое для них время, каждый год; и чтобы дни эти были памятны и празднуемы во все роды в каждом племени, в каждой области и в каждом городе; и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их» (Есф. 9:27, 28).

Этот праздник выражает веру в то, что Бог не оставил и не оставит Свой народ, что Бог защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь (Лук. 18:7).

Но вот вопрос: как именно Он защитит? На что именно мы можем рассчитывать? Что именно случается тогда, когда Бог решает вмешаться?

События вокруг Пурима показывают нам, что Бог действовал руками людей. Сперва Он действовал через Своих избранных и подготовленных людей — через Мардохея и Есфирь. Именно их вера и верность Богу, мудрость и решительность помогли склонить царя на сторону Иудеев.

Но что это значит? Царь не отменил своего указа об истреблении Иудеев. Царское слово не могло быть изменено. Царь лишь позволил Иудеям защищаться. «Царь позволяет Иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде

с ними, детей и жен, и имение их разграбить...» (Есф. 8:11).

И это было не меньшим, а большим чудом. Все вокруг увидели, как вчерашние рабы вдруг превратились в свободных и достойных, как они давали отпор врагам, как они славили Бога, как они помогали друг другу.

Чудом было и то, что они «на грабеж не простерли руки своей» (Есф. 9:10, 15, 16). Хотя царь разрешил им разграбить дома врагов, они не пользовались этим правом. Они защищали себя и свое имущество, они не искали чужого.

Чудом было то, что Иудеи не боялись более многочисленных врагов. Возможность сразиться они приняли с радостью, без всякого страха.

«И во всякой области, и во всяком городе, во всяком месте, куда только доходило повеление царя и указ его, была радость у Иудеев и веселье, пиршество и праздничный день. И многие из народов страны сделались Иудеями, потому что напал на них страх пред Иудеями» (Есф. 8:17).

Если им разрешили защищаться, значит, их признали достойными. Они могут умереть в бою, но теперь они умрут свободными.

Если бы царь сам защищал Иудеев, это не было бы чудом. Он защищал бы их как своих подневольных. Но персидский царь признал, что Иудеи могут защитить себя сами. Почему? Потому что их Бог истинный и сильный. Поэтому царь отдает их в руки их же Бога.

Казалось бы, теперь все решится в один момент, Бог все быстро за них сделает. Но их Бог тоже не спешит их защищать. Он дает им возможность вновь стать свободными людьми, от которых хоть что-то зависит, которые способны объединяться и защищаться. Он дает им шанс вновь поверить в Него и в самих себя как Его воинов.

«Надеялись неприятели Иудеев взять власть над ними, а вышло наоборот, что сами Иудеи взяли власть над врагами своими...» (Есф. 9:1).

Иудеи взяли власть. А ведь Бог мог все сделать Сам. Но Он уважает нас и дает нам право защищаться, возвращает нам ответственность за себя и свою жизнь, дарит нам чувство единства и радость победы.

Чудо Пурима в том, что Бог Иудеев настолько велик, что делится Своим величием со Своим народом, возвращая рабам достоинство, уча нас защищаться и побеждать. А потом не грабить и не гордиться, но радоваться и веселиться о Господе.

Вот оно, чудо. Когда слабые обретают силу в Боге, когда пленники возвращают себе свободу. Когда плачущие вдруг ободряются и смело

идут на смертный бой. Когда посреди всех опасностей, на виду у всех врагов Божий народ радуется и веселится с таким размахом, который не видели даже персидские дворцы.

Это торжество в Боге — самое большое чудо Пурима. Не так важно, сколько врагов победили. Важно другое — перемена в самих Иудеях. Они вновь сильны и смелы, они вновь верят и верны, они вновь радуются и веселятся. Они вновь осознали себя Божьим народом.